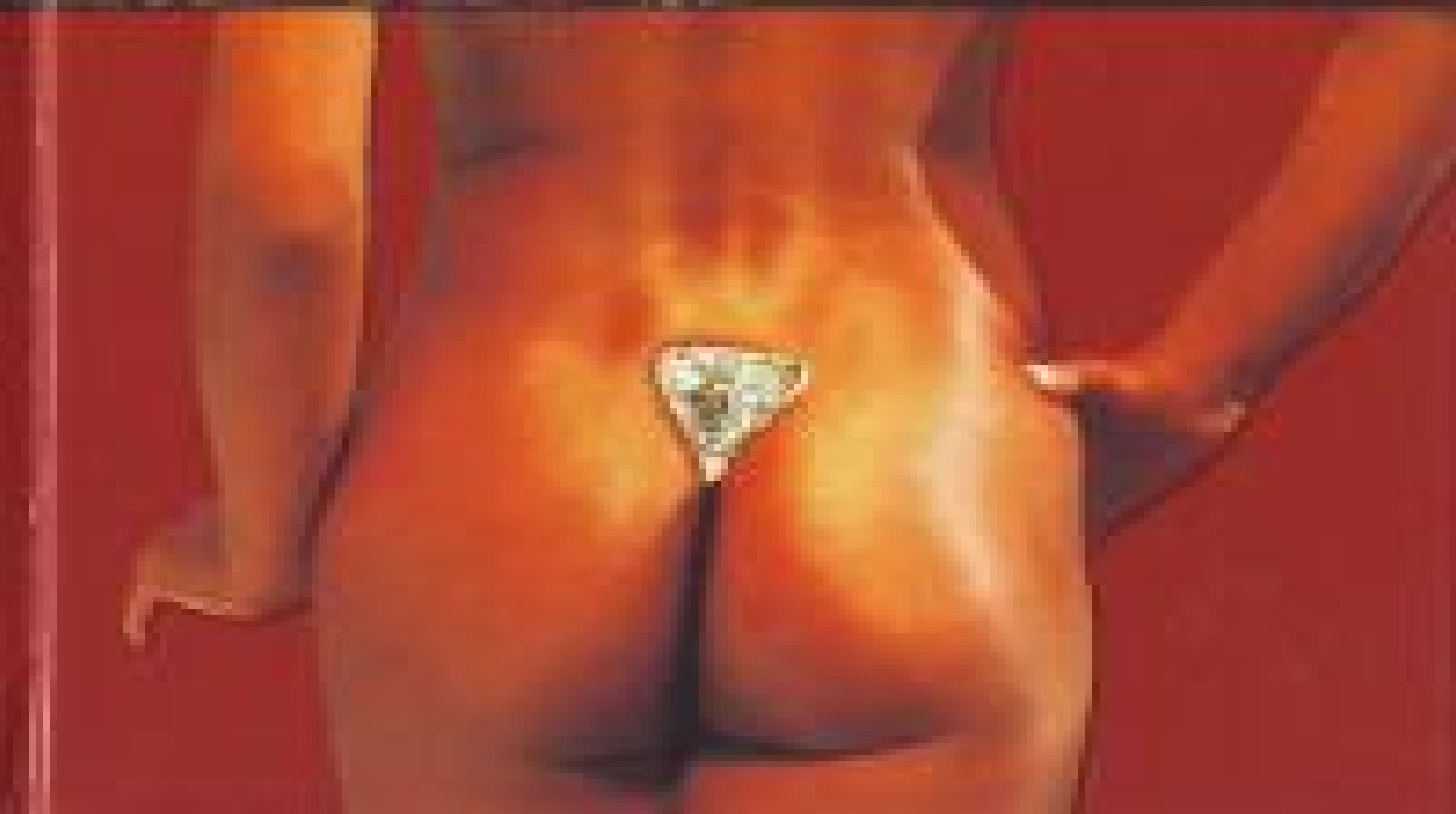

Олеся Бузина

**Верните
женщинам
гаремы**

Сборник юмористических рассказов Олеся Бузины — ироничный взгляд на главный вопрос всех эпох — половой. «Бросать женщин не только можно, но и должно», — утверждает писатель. Но все это не мешает ему оставаться убежденным сторонником многоженства, свойственного древним славянам в дохристианские времена. «Пора возродить красивый старинный обычай!» — считает автор книги «Верните женщинам гаремы». Для широкого круга читателей.

- [ОЛЕСЬ БУЗИНА](#)
- [Рассказы на женской коже](#)
- [Верните женщинам гаремы](#)
- [Идеальная женщина](#)
- [Супербаба](#)
- [Удавка женской верности](#)
- [Извращения внешности](#)
- [Лошади верхом на принцах](#)
- [Воспитание воспитательниц](#)
- [Сексуальность непорочных дев](#)
- [Увольнительная для кухонного солдата](#)
- [Без дамы-консервы на юг ни ногой!](#)
- [Женщины и юмор — две вещи несовместимы](#)
- [Уроки феминизма](#)
- [Изгнание из рая](#)
- [Истребитель женщин](#)
- [Укрощение корыстолюбивой](#)
- [Апофеоз женщины будущего](#)
- [Ударницы гламура](#)
- [Девушка напрокат](#)
- [Лишняя вещь в доме](#)
- [Модные твари](#)
- [Директива домашнему повару](#)
- [Формы в униформе](#)
- [Хамло женского рода](#)
- [Инфляция девственности](#)
- [Поэзия запрета](#)
- [Кухня самообороны](#)
- [Матерная сила](#)
- [Мат компроматом](#)
- [Преступления детектива](#)
- [Насилие высокой культурой](#)
- [Манифест сексуальной контрреволюции](#)
- [Святое зло порнографии](#)

- [Чума не от мира сего](#)
  - [Женщины честного поведения](#)
  - [Пиявка для миллиардера](#)
  - [Превращение женщины](#)
  - [Никогда не покупайте вещи в сэконд-хенде](#)
  - [По старому сюжету](#)
  - [Рождественская мулатка](#)
  - [Муха в меду](#)
  - [Театр російської драми](#)
  - [Жінки та жаби](#)
  - [Священные волосы](#)
  - [Смертельное оскорбление](#)
  - [Перстень](#)
  - [Ночь феды](#)
  - [Хосров-хан](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
-

ОЛЕСЬ БУЗИНА

Верните женщинам гаремы

*Людам одаренным нужна восточная женщина, единственная
цель которой — предупредить желания мужа.*

Оноре де Бальзак "Шагреновая кожа"

Рассказы на женской коже (вместо предисловия)

Эта книга писалась в перерывах между занятиями любовью. Иногда, едва успев кончить, я вскакивал с постели и записывал понравившуюся мысль. Однажды писать пришлось прямо на спине у девушки — дело было за городом, ночью, под рукой не оказалось ни клочка бумаги. Но очаровательная партнерша, с которой мы только что проделали весь комплекс освежающих дачных упражнений, была настолько любезна, что предоставила к услугам моего таланта сначала свою спинку, а когда ее не хватило, то и поэтично повиливающие ягодички. Так родился рассказ «Рождественская мулатка».

Женская кожа — замечательный писчий материал. Ничуть не хуже пергамента. Даже аппетитнее и свежее. По возвращении в город оставалось только положить девушку под ксерокс и снять с нее копию.

Впоследствии я не раз прибегал к этому приему, сочиняя эссе, рассказы и даже целую поэму. Правда, поэма получилась короткая, так как девушка попала миниатюрная — чуть больше перчатки. На ней поместилось только четыре строки. Зато роскошное название — «Гвардейская» — передающее всю суть моей циничной человеконенавистнической философии:

Растоптанная табуном гнедых,
Валялась девка там, раскинув ноги,
И ржали два гвардейца молодых
Над горькой бабьей долей у дороги...

Не знаю, как вам, а мне нравится.

Так и вижу себя одним из этих гвардейцев.

Когда-нибудь я напишу роман. Для этого нужно совсем немного — либо кустодиевская гранд-дама килограмм под двести весом, которую я покрою с ног до головы эротичнейшими китайскими иероглифами, либо пара десятков самых обычных нимф, на каждой из которых можно втиснуть по сногшибательной главе с ослепительным финалом, и фразой «Продолжение следует».

Пока же достаточно и того, что есть.

Должен заметить, что литература — омерзительное занятие. Почти такое же мерзкое, как служба в милиции. Общаться приходится со всяким отребьем, а платят совсем по другой шкале, чем за торговлю наркотиками. Единственный плюс, что довольно часто в твою постель (а иногда и прямо в подъезд) валяются музы, некоторые из них довольно сносно владеют искусством орального секса.

Поэтому пока я собираюсь и дальше заниматься этим делом, несмотря на настойчивые предложения одного из знакомых диктаторов принять должность директора концентрационного лагеря с ежемесячным окладом в пятьдесят тысяч долларов и гарантированным отдыхом в Каннах в сезон кинофестиваля.

Наверное, многие меня не поймут — мне уже говорили, что так я смог бы обеспечить свою семью на три поколения вперед и даже прослыть филантропом. Но, честно говоря, понимание не самая важная штука на земле. Куда приятнее — самовыражение.

Мне всегда нравилась история сэра Седли — британского драматурга времен Карла II. Однажды, допившись до чертиков, он вышел в голом виде на балкон и, помочившись на собравшуюся толпу зевак, осушил последний бокал за здоровье короля. Английское правосудие всегда отличалось строгостью — Седли заставили уплатить штраф. Зато имя этого сэра навсегда осталось в анналах истории как напоминание о том, что главное для писателя не затеряться в толпе. Даже, если для этого необходимо помочиться ей на голову.

Любители же следовать прописным истинам — и без нас найдутся.

пгт. [Ц](#)Киев, начало III тысячелетия н. э.

(Из цикла «Женщина глазами мужчины»)

Верните женщинам гаремы

Втайне женщины мечтают о многоженстве. Им нравятся социальные гарантии. Кофе по-турецки — на завтрак. Шашлык — на обед. И рахат-лукум с утра до вечера. Не существует, по их мнению, места более похожего на рай, чем гарем. Специально обученный евнух ударом палки по пяткам отгонит любого насильника. Массажистка явится прямо в спальню. Портниха тоже.

Можно сутками разгуливать по сералю в прозрачных шальварах, купаться в фонтане и валяться на музейных коврах. Кроме того, весь дом полон подружек, живущих на тех же правах. Солидарность, уют, взаимовыручка! И никаких противных мужчин, кроме того, кто все это обеспечивает. Восточная сказка!

Равенство полов — сплошной обман. Мне немало довелось повидать владельцев богатых офисов, оснастивших себя секретаршами в качестве спецтехники. И только однажды — хорошо отреставрированную мадам лет шестидесяти, конвоирующую на невидимом поводке ручного негра, втрое моложе ее. Экваториальный самец шествовал уверенно, как леопард. Но было видно, что не он владеет счета, определяющего маршрут прогулки.

Матриархат — еще хуже. Власть предполагает ответственность. Пилить за финансовые просчеты придется только себя. Обвинять во всех грехах — тоже. И рано или поздно — подавать в отставку. А это болезненно для уязвимой женской психики. То ли дело — гаремные нравы!

Мысль о том, что именно мы, мужчины, мечтаем содержать вас взаперти, арифметически увеличивая число «узниц» до бесконечности, — глубоко порочна. На самом деле, женщины сами просятся в рабство. С нас довольно и простых развлечений. Поход по девочкам — в сто раз дешевле содержания постоянно действующего притона только для одного клиента. Даму сердца (я хотел сказать, любовницу) можно взять, уволить и снова взять. Многоженство, напротив, предполагает строгую законность на фоне процветающей экономики.

Позволить себе такое в наших краях могли только истинные секс-богатыри — языческие князья древнего Киева. Лаконичность летописей не должна смущать исследователей. Историк отмечал только экстраординарное — мор, глад и набег печенегов. Привычное его не интересовало. Кратко упомянув о шести женах и восьмистах наложницах князя Владимира, Нестор-летописец сразу же перешел к вопросу о крещении Руси.

Но мы можем вообразить, как это было! До крещения Владимир прокняжил в Киеве восемь лет, ежегодно совершая по военному походу. Следовательно, едва вернувшись с грабежа, будущий святой тут же затевал очередную свадьбу с периодичностью раз в шестнадцать месяцев. Наложниц же употреблял ровно по сто штук в год!

Девы сами надоедали ему приставанием взять их на содержание — жить у князя за пазухой куда удобнее, чем стирать портянки простому мужику. Народ в благодетеле души не чаял — «отец родной» только то и делал, что буйствовал да женился. В результате вся дань с покоренных племен ушла на содержание гарема. Не выдержав напряжения физических и нравственных сил, утомленный князь смирил гордыню и принял христианскую доктрину единобрачия.

С тех пор наши женщины, вместо привольной гаремной жизни, обречены на тяжкий труд в поте лица. Но современный плюрализм позволяет исправить ошибки прошлого. Мир

переходит к многоукладности. Свирепый тигр и трепетная лань мирно дискутируют в Верховной Раде, спускаясь после дебатов в парламентскую столовую заморить червячка: кто скоромной, кто вегетарианской пищей. Геи и лесбиянки заключают однополые браки, а капитализм и социализм настолько тесно переплелись в объятиях, что породили понятие «смешанной» экономики. Не прискорбно ли, что на фоне такого процветания вольнодумства женщины до сих пор лишены законного, облегчающего их нелегкую повседневную жизнь права делиться мужем и домашней работой с себе подобными?

Аргумент, что подобный подход не соответствует европейскому духу, лишен даже намека на истинность. Полигамия — красивый древний обычай наших предков, уничтоженный из зависти средневековыми фанатиками, ненавидевшими все прекрасное. В суровые времена, требующие решительных мер, к нему неизменно возвращались — например, в Германии после Тридцатилетней войны, когда население на две трети сократилось от чумы и от подвигов. А наше время как раз такое. Женщины нуждаются в бережной защите и особом внимании. Где еще они найдут их, как не за уютными гаремными стенами?

Вопрос производства евнухов не считаю существенным. С этим не будет проблем. Уверен, что многие милиционеры, вынужденные ныне от бескормицы канючить мзду на перекрестках автомобильных дорог, добровольно согласятся оскопить себя в обмен на высокооплачиваемую и престижную службу по охране сверхсекретных гаремных объектов. Так будем же европейцами, господа!

Идеальная женщина

Существует мнение, что идеал — вещь индивидуальная. Как зубная щетка. Одни любят щетку с жесткой щетиной, другие — с мягкой. Будто бы так и с женщинами: кому-то нравятся брюнетки, а кому-то — ласковые, тихие русалки, давно позабывшие естественный цвет своих волос — столько раз приходилось перекрашиваться под очередного партнера.

На самом деле все это — чушь. Любому мужчине нравятся только строгие и высокомерные (цвет волос не имеет значения), готовые ради него не то что перекраситься, а остричься наголо. Ибо по-прежнему самая модная пьеса — «Укрощение строптивой». Даже сейчас, в эпоху демократии и голливудских поделок.

Идеал — это классика. А классика неподвластна времени. Просто до нее трудно дотянуться. И женщинам. И мужчинам. Всем мечтающим вписаться в ее каталог.

Разложите девять женских фотографий. Добавьте десятую — из «Плейбоя». Девяносто девять процентов мужчин скажут: «Мы хотим вот эту — последнюю. Она нам нравится». И даже тот, кто промолчит, тоже ее хочет. Просто мама в детстве не научила его говорить правду. И он боится признаться. А потому ничего не получит.

В «Плейбое» же все просчитано правильно. Все пропорции. Именно тут то золотое сечение, что выводит из себя любого англосакса и готтентота, доказывая единство человеческой расы.

Готтентот рычит и потрясает копьём. Англосакс вынимает бумажник и осведомляется, не подскажет ли кто ее адрес. Природа берет свое и в том, и в другом случае.

«Вы хотите девушку из "Плейбоя"? — ухмыляется какая-нибудь скептически настроенная мадам. — Вы цените только внешность? А как же душа?»

Да, что бы вам ни говорили другие, на самом деле мы больше всего ценим внешность. Ее трудно изменить. Даже пластической операцией. Ведь нельзя же натянуть на женщину новую кожу, правда?

А вот душу можно выдрессировать. Это легче. Дешевле. И, значит, менее ценно. Просто нужно выбросить из нее все капризы, ампутировать дурное настроение и слегка пригрозить непомерным желанием тем самым кнутом, о котором любил говорить Ницше («Если ты идешь к женщине, возьми с собой кнут»).

И тогда окажется, что безупречная дама, во-первых, должна быть преданной. Во-вторых, выполнять свои обязанности (то есть мои желания) быстро и в срок. И, наконец, воспринимать их не как тягость, а как наслаждение.

Меня просто смешит, когда на заднем сиденье «Мерседеса» вижу «тружениц» с такими лицами, будто они не в автомобиле с кондиционером, а на каменоломнях. Такие лица нужно запрещать законодательно. На то есть парламент, и он не должен бездействовать.

Фраза: «Ты — неудачник, который ничего не достигнет» — бессмысленна и приведет только к тому, что вы превратитесь в ничего не достигшую жену неудачника. Совершенная женщина просто обязана несколько раз в день повторять как заведенная: «Ты — гений!» Это примитивное заклинание оказывает на мужчину то же магическое воздействие, которое вызывало у солдат появление Суворова. Все бросали пить пиво и шли брать Измаил.

Кроме того, идеал просто не может не стирать, не убирать и не гладить. Это его внутренняя потребность. И если вы скажете, что такая женщина — несбыточная мечта, то глубоко ошибаетесь. Она была! Совсем недавно. В XIX веке. Женщины индейских племен

смотрели за детьми, шили одежду, собирали хворост, сушили мясо на зиму и любили своих мужчин. А если их спрашивали, как дела, отвечали: «Хорошо. Пока наши мужья в холод и зной гоняют бизонов по прерии, мы сидим в теплых вигвамах и ничего не делаем».

Американские колонизаторы уничтожили это идеальное общество. И что же получили взамен? Эмансипацию! Теперь каждая «белая скво» может подать в суд за «сексуальное домогательство» даже на президента! Была ли Моника Левински «американской мечтой» Билла Клинтона? Сомневаюсь. Думаю, у него, как и у меня, в молодости были совсем другие идеалы. И очень жаль, что жажда карьеры заставила его подыгрывать сексуально обделенным избирательницам, изображая «идеального мужа». Из Билла вышел бы хороший плейбой. А он растратил себя на политику.

Идеал — зеркало, в которое смотрится бескомпромиссная юность. Пока дерево молодо, оно тянется ввысь. Только естественный упадок сил заставляет нас идти на компромисс и искать другой дряхлеющий ствол, на который можно опереться. Это не мудрость, а утечка энергии. Первый звонок старости. Мы прощаем морщины на женской коже только потому, что они появились у нас самих.

Я согласен, что мои слова жестоки. Но не более, чем резец скульптора, убивающий все лишнее в мраморе, из которого выйдет вечная Афродита. Мрамор молчит. Так же должна молчать и девочка, пока из нее высекают идеал.

Ибо нет другого способа заслужить право на идеального мужчину.

Интеллект женщины утонченнее мужского. Это понятно. Природа не наделила лучшую половину человечества мощными бицепсами, челюстями вепря и рогами бизона. Женские ногти имеют, скорее, декоративное значение. А длинные ноги (если они есть) предназначены не так для преследования дичи, как вместо постамента — чтобы привлечь дополнительное внимание к их обладательнице. Несомненно, в случае с женщиной эволюция должна была пойти другим путем — усовершенствования мозга и повышения стервозности.

В результате мы даром получили высокоорганизованное существо, способное выполнять широкий спектр задач и постоянно совершенствоваться. Типичная сильная женщина не засыпает на лекциях, не играет на них в карты и старательно ведет все (!) конспекты. Параллельно с этим выбирает лучшего кандидата на брак и математически точно вычисляет тактику его оболъщения, даже если учится на гуманитарном факультете.

Может трудиться в двух, трех, четырех местах одновременно. Но если нужно, не умрет и на полставки. Знает где, что и когда дешевле, хотя с одинаковым успехом взвинчивает цены на протухший продукт, руководя коммерческой фирмой.

Ее не страшат кризис, депрессия и стагнация. Ее не берет инфаркт. При необходимости ее годами можно эксплуатировать даже на погрузочных работах, применяя для питания стандартный рацион солдата срочной службы. Только наша увлеченность глобальными оборонными проектами не давала нам возможности обратить внимание на это полезное неприхотливое существо!

А напрасно!

Оглянувшись назад, каждый из нас увидит силуэт сильной женщины, бескорыстно сыгравшей в его жизни выдающуюся роль. Недисциплинированные и свирепые, мы никогда не завидовали целеустремленным одноклассницам, далеко опередившим нас в деле усвоения наук. Ибо понимали: они созданы для того, чтобы было у кого сдирать контрольные по химии. То, что при этом их постоянно ставили в пример, нас не волновало — мы и они жили по разным системам ценностей.

Именно превосходство женской воли в борьбе со скучными предметами позволило мне до сих пор не научиться печатать на компьютере! Самая бездарная секретарша кажется мне олицетворением силы, когда набирает мой очередной шедевр, а я уж лучше продиктую, беспомощно сложив руки на груди.

Слабые и нерешительные, мы покорно наблюдаем за интенсивной борьбой между нашими мощными женами и любовницами за нас же, не способных совершить осознанный выбор. Каждая из них доказывает, что только она, взяв нас за руку, отведет в светлое будущее. Мы же, прекрасно понимая их превосходство над собой, втайне наслаждаемся тем очарованием силы, с которым они растрачивают свой энергетический потенциал.

Эту энергию следует немедленно направить в полезное для общества русло!

Непредвзятый опыт свидетельствует: с любой ролью в служебной иерархии женщина справляется лучше самого элитного специалиста-самца. Когда во вверенном тебе отделе начинается массовый загул, не стоит переживать, если среди подчиненных есть хоть одна дама. Проявив стойкость, она напишет годовые отчеты сразу за всех, да еще и распереживается, хорошо ли у нее получилось.

Если же загуляешь ты сам, твоя начальница всегда поймет, почему ты не мог поступить иначе, и тоже сделает все за тебя. Да еще и пожалеет за усталый вид.

Конечно, именно мы изобрели самолет, будильник и ликеро-водочный завод. Но какая от них польза? Самолеты бьются, как стаканы. Будильник истощает нервную систему. А ликеро-водочный завод нужен только для производства спирта, чтобы промывать наши душевные раны, полученные в бессмысленных драках. Куда полезнее борщ и котлеты, придуманные неизвестными Эдисонами женского пола. Без них теряет смысл деятельность любого героя.

Только благодаря женщинам с интеллектуальными запросами мы можем избавиться от совершенно ненужных излишков финансовых средств. Страшно даже подумать, на что бы мы тратили свои деньги, если бы не существовало дам, шагающих в авангарде технического прогресса. Мы так никогда и не узнали бы о появлении очередной стиральной машины новейшего типа, которую обязательно нужно купить. Как бедна была бы наша жизнь!

Большинство трагедий на производстве происходит из-за некомпетентности и необязательности мужчин. Я уверен, что в будущем мы отстраним нас от общественно полезного труда, заменив в целях безопасности специально подготовленными, неутомимыми женщинами.

Мужчины же будут выполнять свои прямые, чисто декоративные функции — округлять мышцы в тренажерных залах, орать на стадионах и участвовать в показательных брачных поединках с тупым оружием. По здравому размышлению неизбежно приходишь к выводу, что в мужчинах нет необходимости. Женщины могли бы легко обойтись без нас. Единственное, что хоть как-то оправдывает наше существование, — это то, что мы помогаем человечеству в производстве сильных женщин и вносим некоторую остроту в их пронизанную духовным атлетизмом жизнь.

Удавка женской верности

Много лет назад я впервые открыл дверь своего дома девочке, интересовавшей меня не только как одноклассница. Девочка внимательно осмотрела стены в резном дереве из коллекции отца и спросила: «Ты ценишь в женщинах верность?» В тот момент я больше всего ценил в женщинах ноги и мечтал наконец-то добраться до них руками. Но со свойственной мне иногда вежливостью согласился, что верность — тоже неплохая вещь.

Правда, когда девочка добавила: «Я могу быть **ОЧЕНЬ** верной!», напирая на слово «очень», мне послышалась скрытая угроза. Да-да! Я даже скажу, что это напомнило, — змеиный шорох самурайской сабли, вынимаемой из ножен! И хотя считается, что мужчины просто помешаны на оружии, я поежился.

Что значат наши забытые в дальних ящиках столов газовые револьверы по сравнению с блестяще оснащенной психологическим оружием женщиной, нависающей над тобой, как штурмовик на бреющем полете? К тому же женщина со своим арсеналом не расстается никогда. И это не какие-нибудь невинные «Макаровы», а коварство, хитрость и изысканно-демонстративная беспомощность!

Но на самом опасном месте в дамском оружейном шкафчике — удавка верности. Тот, кто хоть раз испытал на себе воздействие этого страшного приспособления, всегда будет рефлекторно потирать шею при встрече с очередной прекрасной незнакомкой — может, пройти мимо? Оно бы и лучше. Здоровее будет. Ибо мораль в нашем обществе — прерогатива женщин. А нам остается либо ее нарушать, либо позорно приспособливаться, всегда помня мамино «Нельзя!»

Задумывались ли вы, почему именно женщины требуют верности? А ведь отгадка проста! По той же причине, по которой установлены ограничения скорости на дорогах. Чтобы тихходным малолитражкам (дамам) не пострадать от спортивных скоростных красавцев, уносящих за горизонт свои страстные обтекаемые тела в надежде сломать голову себе или очередной сексуальной жертве. Женщин не устраивает наша непоседливость и, следовательно, неверность, ибо сами они отчаянно неповоротливы, а значит, по-черепашьи верны.

Я бы даже сказал — преступно неповоротливы, если бы не знал слишком хорошо законы природы, мирящие меня с этим запрограммированным свыше уродством.

Ведь смысл мужчины — в беспорядочном порханьи с цветка на цветок. «Рыцарь опыления» готов вечно пожирать пространство, растрачивая силы на все новые поля. Кто скажет, какой из его ценных генов окажется нужен непредсказуемому будущему? Вот он и старается.

У женщины задача — сохранить жизнь конкретному попавшему в нее гену, который для нее лучше остальных только потому, что уже «свой». Они вообще все очень быстро начинают считать своим. Стоит только понаблюдать, с каким энтузиазмом тараканов-старожилов они перебирают лапками у тебя на кухне, попав туда впервые, или планируют твою жизнь до самой смерти всего лишь на сто двадцать третьей встрече.

Бесполезно спорить с барышней, решившей использовать свой самый «верный» (простите за каламбур) аргумент.

— Давай расстанемся, — говоришь ты.

— Но я же тебе верна!

— Меня тянет на сторону.

— Верна!

— Я уже был на стороне!

— Я...

И тут ты находишься:

— Абсолютно верна?

— Абсолютно!

— А тому парню, которого ты ради меня бросила? Вот видишь — абсолют недостижим.

Так что я не полностью подлец, а ты совсем не святая.

И хотя все женщины постоянно убеждают в своей верности — все это миф, чтобы держать нас на коротком поводке. С кем-то же мы им изменяем?

Конечно, некоторые делают это с мужчинами. Но таких мало. Не более пяти процентов по самым оптимистическим для моралиствующих феминисток подсчетам. А все мы, остальные мужики, тем или иным способом изменяем с женщинами, причем обладающими обычно репутациями образцовых жен!

Общества, не превратившие женскую верность в культ, живут в атмосфере первобытного счастья. Французы, бразильцы, итальянцы хмелеют от любви, а не от второй поллитровки. У поляков вообще неизвестно, какой национальный напиток — то ли наша водка, то ли немецкое пиво. Зато все держат их за отчаянных бабников, приходящих в щенячий восторг от каждой юбки. И только закомплексованные ирландцы, так похожие на нас, известны тупым сидением в пабах, а не лежанием на бабах.

В своей жизни я лишь однажды наблюдал массовую мужскую акцию в поддержку женской верности. Это была толпа у пивного ларька. Измученные лица жертв дамских иллюзий, обесформленные их развращающей властью, вдохновенно тянулись к желтой пузатой бочке. Вялые губы причмокивали, словно от жажды невозможных поцелуев.

Уж лучше бы они стояли в очереди в публичный дом!

Ведь если женщины хотят покончить с мужским алкоголизмом, они должны навсегда расстаться с тем, что называется моралью, открыв перед нами невиданный мир развратных удовольствий.

Извращения внешности

Типичный мужчина убежден, что женщина, беснуясь вокруг своей красоты, старается ради него. Взгляд, лишенный даже призрака истины! На самом деле, эгоистка мучается во имя себя.

Женской популяцией правят те же законы, что и населением курятника. «Самоулучшаясь», каждая особь жаждет повысить свой статус среди себе подобных. Кудахтанье, доносящееся время от времени из мест дислокации дам, свидетельствует о том, что идет опробование очередной новой технологии, прививающейся, как обычно, вопреки законам общечеловеческой логики.

Любой мужчина знает: чтобы похудеть, нужно поменьше лопать и побольше бегать. И только женщина полагает, что для этого необходимо еще что-то съесть — что-то такое «для похудения». И сразу прилечь — «чтобы лучше подействовало».

Представительницы прекрасного пола редко спорят по поводу государственных границ и не имеют склонности сбиваться в бандитские группировки, истребляющие друг друга за контроль над рынками. Но публичное обсуждение вопроса о том, какой сажей правильнее мазать ресницы, способно собрать две полноценные команды девиц для телевизионного ток-шоу, а не попавших в кадр — намертво приковать у экранов на весь вечер, пока идет передача.

Страшно подумать, что могло бы произойти, остановись хоть на год парфюмерное производство. Женщины утратили бы цель в жизни и впали бы в мировую скорбь, по сравнению с которой меланхолия Шопенгауэра показалась бы веселой пионерской песенкой советских времен.

Доказано практикой: изменения в женской моде никак не действуют на мужское естество. Истинного джентльмена интересует не одежда, а то, что под ней. Все остальное только отвлекает от главной цели. Мучения женщин по поводу того, что одеть, вызывают у нас лишь зевоту, тщательно замаскированную воспитанием.

«Тебе нравятся юбки со шлицей или без?» — спрашивает она. Откуда я знаю? Разве я портной? Меня зовут Олесь БУЗИНА, а не Ив Сен-Лоран. Мне нравится, когда вообще без юбок.

В идеале мужчина предпочел бы держать представительниц слабой половины человечества на пляже, слегка прикрыв их бикини монашески строгих цветов, и, прогуливаясь по этой выставке, выбирать достойнейших. Но из-за несовершенства нашего климата это невозможно — специалисты предполагают, что зимой девушки замерзнут. Мы согласны на компромисс: маленькое черное платье от Коко Шанель (пожалуйста, самое маленькое, какое только бывает!) и лакированные туфли на высоком каблуке (на самом высоком из всех, какие только допустимы при нынешнем уровне развития техники!). Остальное — неважно.

Прическа? Скромность, скромность и еще раз скромность. Например, волосы собраны в пучок (так глаза кажутся больше). Хотя если вам захочется побриться наголо, мы только поприветствуем это. Поверьте моему опыту: ничего более гигиеничного еще не изобрели. В конце концов, вы уже позаимствовали у нас все, что возможно. От штанов до игры в футбол. Почему бы теперь не прихватить еще и стрижку? И, наконец, макияж. Не надо никакого! Женщины придуманы не для того, чтобы ими любоваться. У мужчин нет никакого желания

питаться вашей помадой, тенями и пудрой. Боюсь, наши желудки еще недостаточно закалены, чтобы это усвоить.

Недовольство заложено в женщинах от природы. Каждая из них все время что-то улучшает — себя, мужа или материальное положение.

Но деньги даются не всем.

Мужья так и норовят смыться налево, маскируя предприятие производственной необходимостью.

А вот внешность — тот праздник, который всегда с ней.

Последняя территория женской свободы.

Ее стартовый капитал.

Грядка, которую она обречена возделывать, пока хватит сил.

Лошади верхом на принцах

Все женщины делятся на одну категорию: инстинктивно жаждущих выйти замуж. Разница в накале этого навязчивого желания столь незначительна, что дальнейший разброс на подтипы следует прекратить по причине нецелесообразности.

Важно другое: каждая готовая к воспроизводству барышня считает себя зрелищем не менее увлекательным, чем футбол, не понимая, что любой матч длится полтора-два часа, в то время как законно оформленный брак тянется годами.

«Женись, мой друг, когда уже ни на что не годен», — сказал князь Андрей Пьеру Безухову и был прав. Чем меньше остается нам до последнего заплыва, тем легче променять свободу на пироги. Чистые носки — тоже хорошая вещь. Но истинный гусар удовлетворится и портянками. Что же касается прилагающегося к невесте безопасного секса, то нет такого верного супруга, который хотя бы раз в жизни не взбирался на неопознанный сексуальный объект без презерватива, защищенный только цитатой из классика: «Кто я — тварь дрожащая, или право имею?» Так было и пребудет вовеки!

Стенания женщин на этот единственно верный порядок вещей не должны трогать истинного виновника семейного счастья. Праздный самовлюбленный сибарит — лучшее, чем природа может наградить грешницу. Куда хуже, если в спутники жизни ей достанется высокоодаренный энергичный индивидуум вроде маркиза де Сада или Синеи Бороды. Тогда для жалоб просто не останется времени.

И нечего ставить в пример времена рыцарства! Сумасшедших хватало всегда. Если безумцы, дравшиеся на дуэлях из-за немых средневековых дам, в лобках которых кишели вши, в конце концов, перебили друг друга до последнего, — значит, такова воля естественного отбора. Остались лучшие. Ими и наслаждайтесь. Недовольные могут утешиться тем, что невест больше не похищают у реки по две-три сразу, как это делали древние славяне, по уверениям профессора Грушевского. Хотя лично я восстановил бы этот милый пережиток варварства. Просто. Дешево. И без кукол на автомобильных бамперах.

Кран же на кухне обязан течь всегда — чтобы было о чем поговорить с женой. А фразу «Я не сантехник» не следует считать пределом мужского цинизма. Куда хлеще другая: «С точки зрения теории относительности это ко мне не относится». Она универсальна и может быть употреблена по любому поводу.

Естественно, больше всех скулят самые везучие. Те, которым вместо стандартного сибарита в цветастых трусах достался герой нашего времени верхом на «Мерседесе». Возможно, ему и не хватает утонченности чувств. Но смешно требовать от человека, помнящего, почем украинский сахар в Гонолулу, еще и подготовки профессионального спекулянта живописью. Если же вы так переживаете, что любимый не может отличить Шишкина от Дали, радуйтесь, что он вас отличает от Шишкина.

Все не удовлетворенные стилем жизни в золотых клетках могут легко поменяться местами с любовницами. Теми, что положены по штату. Уверен: последние охотно согласятся. Учитывая патологическую склонность женщин вступать в браки (см. начало статьи), незаменимых в этой области нет.

Жизнь не состоит из одних рекламных проспектов. Дамские любимцы в кино слишком хорошо получают для того, чтобы нравиться широкой аудитории. За такую сумму я сам согласен повторять любую глупость. И даже читать феминистические манифесты с

продолжением по радио. История мне простит.

А вот рестораны существуют не для выгуливания жен, а для молниеносного одурманивания очередной золушки перед мимолетным сексом. Иначе эти благородные заведения превратятся в отстойники для семейных очередей, а профессиональные соблазнители будут вынуждены подкрепляться перед очередной операцией хот-догами на улице.

В любом случае, мужчину не изменить. Научно доказано: у него очень низкие адаптационные способности — на уровне волчьих. Он сам кого угодно приспособит к себе.

Поэтому в третьем тысячелетии, когда ни клонированием, ни искусственным осеменением уже никого не удивишь, женщине лучше всего выходить замуж за женщину. Сходство взглядов на мужчин обеспечит идеальный брак. Семейную драку можно будет считать не гнусным издевательством сильного пола над слабым, а спортивной разминкой двух истинно равноправных существ перед совместным приготовлением ежедневного праздничного ужина. Носков же в доме не будет вообще — останутся одни колготки.

Но пока что любая женщина, выйдя замуж, ведет себя, как лошадь, оседлавшая принца. И если принцы гуманно подгоняют своих лошадей шпорами, то наглые лошади сразу дают бывшим всадникам копытами по бокам. А потому любой здравомыслящий человек предпочитает действовать согласно старинной мудрости: женщина — восхитительное блюдо, одинаково ценимое во всех национальных кухнях. Но истинный гурман обязан съесть его, не расплачиваясь. И, по возможности, быстро. Так оно легче усваивается.

Воспитание воспитательниц

На воспитание мужчин женщина смотрит, как неопытный садовник на живую изгородь. Она считает: чем больше стричь, тем лучше результат. Но стричь, возможно, вообще не нужно — умная природа уже обо всем позаботилась.

В детстве я дружил с девочкой из музыкальной школы. Среди ее одноклассников числился жуткий громила, ничуть не похожий на моцартовского мальчика. Физические данные позволяли ему отжаться от пола 120 раз, но упрямая мамаша почему-то решила превратить юного орангутанга в Шопена.

Все закончилось тем, что однажды он вытащил пианино в коридор прямо на уроке и, сыграв на прощанье «собачий вальс», заявил, что навсегда уходит из музыки. Родительница билась в истерике, не в силах расстаться с навязчивыми педагогическими иллюзиями. Но внутреннее чутье не подвело бунтаря — теперь он мастер спорта по боксу и совладелец фирмы, торгующей сантехникой.

Этот пример неопровержимо доказывает: подобно Колумбу, женщина-воспитатель всегда стремится в Индию, а открывает Америку. Точно так же и моя мама хотела, чтобы я рос тихим спокойным мальчиком. В результате к седьмому классу я уже состоял на внутришкольном учете, да и сейчас — не последний задира в нашем литературном мире, предпочитающий, скорее, ходить с исцарапанной физиономией, чем со скукой в глазах.

Справедливости ради, замечу: женщина совершает совсем немного педагогических ошибок. Но она способна повторять их бесконечно.

Часто ли вам приходилось видеть мать, требующую, чтобы ее сын влез на дерево, отодрал за уши хулигана или вывалялся в снегу? Такие случаи я могу перечислить по пальцам. Зато невероятное количество раз, проходя мимо детской площадки, я слышал обрывки одних и тех же запретов: «Не лезь! Не трогай! Ты разобьешь! Отойди от него подальше!»

Потом это стремление от всего оградить мужчину выльется в знаменитое: «Вася, только не вмешивайся!» И ручной Вася не вмешивается ни во что, внутренне содрогаясь от осознания своей бесполезности. Никому не заметными шагами он тихо следует к неотвратимому инфаркту — финальной точке истинно женского воспитания.

И ведь в сущности вины женщины в этом нет! Господь просто не предназначал ее для муштровки лиц мужского пола, вышедших из грудного возраста. Цивилизации древности беспрекословно следовали этому принципу. Мудрые спартанцы с трех лет отбирали мальчиков у заботливых матерей. Тарас Бульба справедливо поучал сына: "Не слушай ее! Она — баба!" Дореволюционная мужская гимназия не знала педагогов-женщин. Зато недаром ее называют классической.

Правда, как-то мне рассказывали об одной преподавательнице истории, давшей блестящий совет ученику. Того методично и со вкусом изводил забияка-одноклассник. Учительница не вызывала родителей, не ставила агрессору двоек по поведению, подобно Организации Объединенных Наций, и вообще никак не провоцировала его на дальнейшие подвиги. Она просто предложила жертве подойти к мучителю в самый неподходящий момент, когда тот давился на перемене бутербродом, и, не тратя времени на дебаты, захватить ему в челюсть, что и было с успехом сделано. В немецкой армии такая стратегия называлась «Блицкриг». Если ею не злоупотреблять, она всегда приводит к успеху. К

сожалению, о ней почему-то часто забывают. Хотя, на мой взгляд, умная училка заслуживает памятника не меньше, чем герои войн.

Но найдется совсем немного дам, способных последовать ее примеру. Остальные навязывают нам совершенно негодные моральные принципы, то и дело извергаясь вулканами скандалов под неизменное: «Почему ты меня не слушаешься?!»

К тому же, женщины (в буквальном смысле слова) не могут остановиться в педагогическом порыве. Я встречал 80-летнюю энтузиастку, тиранящую сразу три поколения своей семьи — в том числе и престарелого мужа. По ее мнению, он все никак не дотягивался до приемлемого уровня, но был еще в достаточной физической форме, чтобы выслушивать ее нотации. Мне же кажется, что поведение такой «мадам Макаренко» заслуживает возбуждения против нее уголовного дела о членовредительстве. Подозреваю, что ее супруг мог бы жить вечно, если бы по ошибке не повстречался с такой неуместно энергичной особой.

Общеизвестно, что главный педагогический принцип прост: рассказ дополняй показом. Имеется в виду, что сама воспитательница должна хотя бы кое-как уметь делать то, что внушает детям.

Но как часто я наблюдал нерях, проповедующих о чистоте! Безалаберно одетых теток, шлифующих в подопытных детях чутье «высокого» стиля. И даже одну половую неудачницу, изваявшую на основе своего тщедушного постельного опыта толстую, как кусок сала, брошюру, озаглавив ее «Комплексные исследования украинского секса». Воистину, милосердие Божье неисчерпаемо! Ведь если бы эти дамы взглянули на себя со стороны, они бы умерли со смеху! Господь же снисходительно сохраняет им жизнь, предпочитая ужасам репрессий капельные дозы гуманных реформ, исправляющих несовершенную женскую природу.

Но страшней всего то, что женщина совершенно не представляет высоких целей воспитания. У нее не философский склад ума. Она не может увидеть явление в целом, отвлекшись от мелких деталей, как не в состоянии заменить штурмана официантка, вызванная в разгар бури на ходовой мостик, и растерявшаяся среди разложенных перед нею навигационных карт.

Сколь прекрасен затянутый в ремни юный командир взвода, отдающий беспрекословные приказы! И сколь жалко зрелище консилиума из бабушек и мам, неспособных унять всего одного капризничавшего отпрыска!

Спросите любую мать, каким она хочет видеть своего ребенка. Что вы услышите? Чтобы человек был хороший... Что это значит? Почему со всех концов несется неизбывный плач: «Я же все для него сделала! А он...»

Не надо делать ВСЕ! Это воспитает в нем только умение вообще ничего не делать. Нам нужны не хорошие мальчики, покорно открывающие рты, а герои и мученики, способные повести за собой толпу от победы к победе.

Сексуальность непорочных дев

Сексуальная свобода объявлена давно и решительно. Но, в отличие от Бразилии, у нас ею никто не пользуется. Отечественные проститутки выглядят, как разжалованные ангелы, не оставившие надежду вернуться в рай даже с окружной дороги. У стриптизерш — глаза курсисток, сбившихся с праведного пути. Групповой секс по-прежнему путают с очередью.

На самом деле, среднестатистическую отечественную самочку пирожок с повидлом интересует больше, чем встреча с живым Казановой. От пирожка, в крайнем случае, разболится живот. А сексгигант вместе с охапкой цветов несет еще и букет гипотетических проблем — от душевных до физических. Поэтому «Кама-Сутре» местная порода женщин предпочитает «Книгу о вкусной и здоровой пище» — истинный бестселлер наших широт.

У жаждущих секса оговорок нет. Зулуска не вымогает у своего зулуса комнату в пятизвездочном отеле и ортопедический матрас под зад, а погрязает в разврате прямо в саванне, не обращая внимания на проносящихся мимо скорпионов и гиен. Латиноамериканки не достают мачо наглыми требованиями «щоб усе було прылично». Каждая из них готова отдаться прямо во время танго. Таков национальный темперамент. У нас естественный отбор погнали в другую сторону. Опередившую век шевченковскую Катерину изверг-отец выгнал из дому. Последствия исторического преступления сказываются до сих пор — мини-юбки наших городских красавиц, как и в первобытные времена, стянуты поя- сом верности их сельских прабабушек.

Иностранцы, попадающие сюда, поначалу воображают, что оказались в стране сбывающихся эротических грез — по манере одеваться наших бизнес-вумен действительно можно спутать с их шоу-герлз. Увы, манера раздеваться у них радикально противоположная. Крещатик днем смотрится развратнее, чем гамбургский квартал красных фонарей в полночь. Но только потому, что он оккупирован секспровокакторшами. В действительности, голые пупки и высотные каблуки хотят не неутомимого орангутанга в людском обличье, а стандартного мужа, заранее готового преданно шевелить плавниками в то время, когда они будут зудеть у него над ухом. Секс в браке называется «супружеский долг». Я еще не видел существ, которые бы платили долги с удовольствием.

Желание женщины спугнуть еще проще, чем боевой порыв дезертира. Оба способны наступать только назад. «Не так» посмотрели, «не то» сказали, и африканской страсти как не бывало — улитка спряталась в панцирь и не шевелит рожками. Она обиделась. Ее тонкую натуру не оценили. Зато когда такие оригиналки дают себе волю — жди беды.

Принцип: или нельзя ничего, или, если можно, то чтоб до безобразия — по-прежнему актуален в наших пампасах. Записные скромницы освобождаются от химеры совести проверенным способом — перекидывая ответственность на противоположный пол. Один из моих знакомых — тренер по культуризму, человек без моральных принципов и инстинкта самосохранения — спешно ретировался, выслушав сексфантазию любимой, которую он должен был воплотить. Для достижения интимного счастья девушка требовала, чтобы, изображая насильника, он ворвался в ее квартиру, предварительно взломав дверь. При этом она должна была звать на помощь и звонить в милицию. Без последнего условия почитательница маркиза де Сада обойтись никак не могла — не получала оргазма.

Практичные древние греки давно заметили, что женщины делятся на два сексуальных типа — очень горячий и очень холодный. (Промежуточный «умеренно теплый» не

обнаружен до сих пор.) Очень холодных брали в жены. Очень горячих определяли в гетеры во имя гражданского спокойствия. Сортировку производили просто, но с неподражаемой точностью. В период сексуального созревания подростков обоих иолов помещали в нечто вроде интерната, предоставив им полную свободу самовыражения. Несмотря на вседозволенность, девственность теряла только каждая двадцатая. Именно этим пяти процентам и предназначалась роль античных «гейш», сочетавших высокий профессионализм в любострастии с любовью к пению и пляске.

Гетер содержали на паях за счет добровольных пожертвований. О пропитании жен каждый заботился индивидуально. Зато чужаку, посягнувшему на эту частную собственность, полагалась смертная казнь.

Система действовала бы до сих пор, если бы не общее для всех типов женщин желание выскочить замуж. Потенциальная гетера Елена, скрыв свои подлинные порочные наклонности, затащила в загс спартанского царя Менелая, а потом сбежала с проходимцем Парисом. Вспыхнула десятилетняя Троянская война. Погибла целая цивилизация.

Последствия воцарившегося хаоса приходится расхлебывать до сих пор, выискивая среди глыб сексуального льда горячие «пещерки», готовые вместить неистовость наших желаний.

Ввиду вышесказанного, задача эта столь трудна, что вполне может стать смыслом жизни.

И только если вдруг какая-нибудь смелая особь отважится первой ошеломить меня каскадом неприличных предложений, я изменю свое мнение о женской природе и, почтительно отдав нахалке честь, прикажу прицепить ее распутные кружевные чулки на флагшток моей яхты. Вместо вымпела. Чтобы плыть в сексреволюцию дальше.

Увольнительная для кухонного солдата

Коты и женщины — два вида существ, ждущих март с особым нетерпением сердца. Параллель между ними не надуманна. И те, и другие ведут полную забот и тревог жизнь мелких хищников, приспособившихся перебиваться остатками с барского стола. И те, и другие вновь и вновь возвращаются к опостылевшему очагу.

Первым, пожалуй, даже легче. Господь наделил их неизносимой шубой и желанием ловить мышей. Женщинам не досталось ни того, ни другого. Да и какой самый затравленный кот с орденом невезения в виде консервной банки на хвосте способен представить изощренные психологические пытки, которые круглые сутки изобретают для «красных шапочек» неутомимые донжуаны в смокингах поверх волчьих шкур?

Но в марте коты и дамы оживают. На пороге брачный период и Международный женский день. Мелких хищников будут любить и задабривать подарками.

Юмористические журналы моего детства обожали эту вечную тему комедии человеческого бытия. Накануне 8 Марта их страницы пестрели неизменными карикатурами на мужей, пытающихся приготовить женам праздничный завтрак или вручающих им по ошибке презент, предназначенный для любовницы. (Обычно это было мини-платье размером с перчатку, которое пыталась натянуть на себя супруга с пропорциями оперного театра.)

Созерцание этих картинок повергло в ужас совсем юного тогда автора этих строк, подталкивая его к единственно правильному выводу — отменить 8 Марта раз и навсегда как день мужского позора. Но сегодня я отнюдь не столь радикален.

Подвергая особей слабого пола честному и беспристрастному анализу, давайте, в конце концов, с той же мерой научной объективности вгрыземся и в себя.

Несмотря на пробудившееся кое-где женское самосознание, мы по-прежнему остаемся некоронованными владыками мировых вершин. В наших руках нити политических интриг и русла финансовых потоков. Как в старые добрые времена, мы можем позволить себе любую дурь и, плюнув на все, отправиться на сафари в Африку или (на худой конец) за пивом, легкомысленно позабыв о бизнесе или неполученной за полгода зарплате. Нам можно все.

Женщина же обречена вечно заботиться о завтрашнем дне. И если мужчина, по крайней мере, способен объяснить, почему он женится («чтобы было кому готовить обед и убирать в берлоге»), то женщина вообще не может ничего сказать в свое оправдание. Согласитесь, трудно поверить, что она по доброй воле так стремится стать живым придатком к стиральной машине или с затравленным видом метаться пулей по продуктовому рынку в поисках творожка для любимого.

Так почему бы нам не дать этой заложнице собственного альтруизма увольнительную записку от себя самой? Ну, хотя бы разок в году? Наш кухонный солдат заслужил ее по праву! Как мотылек, он верно летел на испепеляющий блеск наших глаз. Как ангел, врачевал наши раны.

Так пусть теперь повалится лишний часок в постели, бездельник! А мы залезем в его нежную шкурку, слабо приспособленную к тяготам походной жизни, даже по сравнению с кошачьей, и осторожно подойдем к плите. Вспомним, как она зажигается. Вскипятим чайник. Приготовим праздничный завтрак. Точнее — то, что так назовем. Например, питательную сосиску (кошки это любят!) с гарниром из "быстрой" вермишели. Или разогретую в микроволновке пиццу из гастронома. Порадуемся собственным кулинарным

талантам. Умилимся себе. И отнесем ей прямо в постель.

Она требует еще и цветов?

Так купите ей их, в конце концов! Пойдите даже на преступление, если нет другого выхода. Ограбьте цветочный киоск. Накосите роз в оранжерею, предварительно распугав сторожей. Пусть убедится, что вы ее любите. Что ее тоска не от дефицита вашего внимания, а от ее собственной тоскливой внутренней сущности.

Без дамы-консервы на юг ни ногой!

Каждый мужчина на отдыхе верит, что из моря вылезет Афродита и бросится именно на него. Реальность жестче — прибрежное мелководье кишит не богинями, а неудовлетворенными дочерьми человеческими, ждущими, что с небес свалится всемогущий Зевс, специализирующийся на решении женских проблем.

Наша задача — хитроумно выдавать себя за него. Любое коварство должно быть позволено. Моральные принципы втоптаны в песок. Отдых — это работа. За мгновение счастья придется заплатить тяжелым трудом.

Одну даму — так называемую «консерву» — иногда полезно прихватить с собой. Но только одну! И только в том случае, если она убийственно хороша. Ее предназначение — служить приманкой. Завидев рядом с вами писаную красавицу, обитательницы местных пределов непременно откликнутся на ваше самое неприличное предложение. Женщины завистливы и любопытны. Это следует учитывать.

Если же исследуемое побережье окажется бедным на подходящую дичь, «консерва» скрасит несколько неудачных дней, выпавших на мужскую долю. В отличие от салями, выбрать этот «продукт» легко. Можно даже в последний момент — накануне курортного сезона рубрики знакомств кишат объявлениями юных авантюристок, жадных до дармового юга. Стесняться не стоит — при минимальных расходах их энтузиазм гарантированно окупит любую павианью тоску.

В случае нехватки свободных средств истинный супермен тоже не должен унывать. Слава Богу, мы живем не во времена военного коммунизма. Скучающие бизнес-леди, жены богатых мужей, не знающие, куда девать нажитый несправедливым трудом капитал, и богатые иностранки не перевелись еще под тропическими небесами.

Мягкий климат и отсутствие производственных проблем склоняют к падению в море разврата. Даже цивилизованные люди теряют тут не только верхнюю одежду, но и атавизмы стыда. Пляжи — естественный театр для молниеносных побед. Когда Ржевского спрашивали: «Вы, поручик, с женщинами, наверное, только про постель разговариваете?», он отвечал: «Почему же? Еще и про кусты!» Берите пример с кубинцев, «брачующихся» прямо на набережной Гаваны. Экономический кризис не повод отказывать себе в биологических удовольствиях.

Самый длительный курортный роман должен вписаться в два оборота часовой стрелки. Утром самец лежит на гальке и тщательно отслеживает обращенные на него женские взгляды. Вечером подходит к обладательнице самого обжигающего и обращается с краткой выразительной речью: "Конечно, вы можете отказать мне, но я бы непременно хотел пригласить вас в... (далее варианты — ресторан, бар, кафе, шашлычную и т. д., исходя из ваших возможностей и ранга совращаемой).

Остаток вечера посвящается одурманиванию. Ночь — собственно процессу. С утра можно перебираться на соседний пляж.

Нет смысла напоминать, что выигрывают предусмотрительнейшие. Сани готовят летом, а плавки — зимой. Тренажерные залы построены не для того, чтобы играть в них в шахматы. Упоение Нарцисса на летнем пляже при виде любительницы искусства, пожирающей глазами его эстетичную плоть, — награда за пот, пролитый еще в декабре. Времена хиппи давно прошли. И даже не верится, что они были. Теперь не до философских бесед. Не тот

фасон бицепса, и все — симпатии нету.

Женщинам тоже нет смысла расслабляться. Жаждающим, чтобы их душу посещали хотя бы по пятницам, придется основательно поработать над телом всю неделю. Сердце ангела стучит в плоти зверя. Таковы правила — не нам их менять.

Современный мир пронизан бизнесом даже на отдыхе. Тут приемлема любая форма расчета. Наличные в таком же ходу, как и натуральный обмен. Красивые ноги сдаются в аренду за право прокатить их в продуваемом страстью кабриолете. Мощный торс меняется на ягодицы, упругие, как детские резиновые мячи. Широкие плечи — на такие же бедра. Узость взглядов компенсируется толщиной бумажника.

Каждый товар обретет своего покупателя — истинный мужчина всеяден, хотя может это интеллигентно скрывать. Как голодный пес, он готов грызть и весело хрустящие кости, и сочащийся соком рубенсовский бекон. Только возраст и упадок сил заставляют его обратить благочестивые мысли в сторону сексуальных диет. Не так страшно, что вы у него пятнадцатая. Важно, что где-то вас поджидает ваш тридцать четвертый.

Обижаться нет смысла — на этой ярмарке упоительно-жесткие законы. Если вы приехали на курорт, не теряйте времени на праздную болтовню. Делайте свое дело и уходите. В спину вам уже дышат новые поколения отдыхающих.

Женщины и юмор — две вещи несовместимы

Природа не терпит пустоты. Та щель, где в мозгу самца размещено чувство юмора, в женском отведена состраданию. Поэтому, если в цирке типичный добрый молодец покатывается от хохота, даже когда тигр жрет у него на глазах дрессировщика, то его хрупкая спутница замирает от ужаса уже при виде клоуна, грохнувшегося на арену с высоты своего полутораметрового роста.

Дамы всегда более склонны к серьезности. Они требуют гарантий. Им хочется знать, где вы были с девяти до одиннадцати и почему на воротнике у вас чужая помада. Ответ: «Сам вымазался, чтобы тебя рассмешить!» — ни за что не будет признан женщиной шедевром остроумия. Смеются почему-то одни мужики.

Если же женщина из вежливости все-таки присоединится к всеобщему веселью, то сделает это со всей свойственной ее организму специфичностью. В отличие от нас она не может «гоготать» и «ржать», а только прилично «хихикает» или «звенит, как колокольчик». Конечно, изредка попадаются громогласные экземпляры, сотрясающиеся от смеха всем телом, однако в общей классификации их место — в узкой графе «Исключения».

Дамы старой закалки ценят в шутке, прежде всего, изысканную галантность. Они никогда не употребляют неприличных слов, хотя знают их значительно больше, чем мы. Разговаривая с такой женщиной, то и дело рискуешь поскользнуться на ровном месте. Зато можно смело пересказывать при ней хоть полное собрание анекдотов о поручике Ржевском, если только по окончании с виноватой улыбкой не забудешь добавить: «Родился в казарме, до 17 лет общался только с унтер-офицерами и лошадьми. Первую женщину увидел в борделе. Отсюда — все воспитание». За тяжелое детство вам все простят.

На фоне бесконечных рядов юмористов-мужчин (от Рабле до Задорнова) профессионалок в этой области можно пересчитать по пальцам. Зато только женщина может производить шутки бессознательно, сама не понимая, какой вклад в сокровищницу мировой культуры вносит.

Когда она говорит, что любит вас просто так, ничего смешнее быть не может. Особенно, если в рубриках знакомств постоянно встречаешь объявления вроде: «Молодая симпатичная девушка познакомится с состоятельным нежадным мужчиной». И не найдете ни одного типа: «Хочу подарить свою молодость и красоту некрасивому нищему, ведущему нездоровый образ жизни. Искателям приключений моложе 80 просьба не беспокоиться».

Несмотря на то, что прогресс по-прежнему делает отчаянные успехи, а цензура запрещена Конституцией, ряд тем для юмора остается под спудом тяжелых дамских табу. Как и во времена дикого средневековья, нельзя шутить над тем, во что женщина одета и что ей по-настоящему дорого.

Одета она, естественно, всегда очень хорошо. Более того — элегантно. Что бы ни нацепила. И на кого бы при этом ни была похожа.

А дорого ей такое, на что нормальному человеку иногда и посмотреть без содрогания нельзя. Например, дети. Скольким благодарным слушательницам я ни пересказывал выражение: «Конечно, детей пороть нельзя, но ведь что-то же, в конце концов, с ними нужно делать?», ни одна не поверила, что это всего лишь шутка безобидного юмориста Хармса. Все спрашивали, сколько за нее этот маньяк отсидел.

Но зато нет ничего более смешного, на женский взгляд, чем мужчина. Вот уж,

действительно, ошибка природы! Удивление, с которым представительница лучшей половины человечества взирает на нас, несравнимо даже с тем изумлением, что испытывает домашняя болонка при виде бродячего пса — и жить по-настоящему не умеет, и шляется где попало, и голову того и гляди сломит! Мужчины растрачивают свои силы не на то и не так. Вместо того, чтобы прислушиваться к чуткому женскому существу, питая его приятными впечатлениями, они то и дело приносят ему одни огорчения. Грезят о гаремах, не понимая, что свой, единственный и неповторимый, в виде одной законной наложницы — уже навсегда рядом. Расстраиваются из-за женских измен, хотя должны были бы их только приветствовать. Не хотят делать предложение, "хотя все подружки уже вышли замуж". И, к тому же, храпят по ночам. Ну, разве это не повод для смеха?

В конце концов, все получается, как в одном пока еще малоизвестном анекдоте, который я, однако, усиленно пропагандирую:

«Приходит жена аспиранта к сексопатологу.

— Доктор, мой муж пишет кандидатскую диссертацию, и у него от переутомления совершенно пропало либидо. Что бы вы посоветовали?

— Коня.

— ???!!!

— Кони никогда не пишут кандидатских диссертаций».

Прослушав этот шедевр, дамы признавались, что так в нем ничего и не поняли.

Словом, женщина и юмор — две вещи несовместимые. Как гений и злодейство. Но сколько бы я это ни повторял, они все равно с этим не согласятся. Ибо больше всего на свете ненавидят очевидные истины.

Феминисткам очень хочется, чтобы их ругали. И лучше — чтобы с утра до вечера. Во-первых, бесплатная реклама. Во-вторых, возможность сказать: «Мы же предупреждали: все мужики — сволочи!»

Но давать им такую возможность я не намерен. С какой стати мне ругать феминисток и, тем более, их бояться?

Разве кто-то слышал, чтобы они взорвали поезд, подложили бомбу под парламент или занялись киднепингом? Я, например, никогда. Конечно, в какой-то мере они духовные террористки. Но настоящему мужчине это должно только приятно щекотать нервы, а не выводить из душевного равновесия. Ведь, несмотря на все их усилия, многие до сих пор даже не знают, что такое феминизм. Как пишут в социальных опросах, «затрудняются ответить».

Между тем, прогрессивная, изданная в свободном обществе (в самом Оксфорде!) Хатчисоновская энциклопедия объясняет явление невероятно просто: «Убежденность в равных правах и возможностях женщин».

И тут я сразу скажу: не согласен! У женщин возможностей больше! Они умеют рожать! Между прочим, это не я придумал. Так всегда Толстой отвечал, когда его доставали «женским вопросом». А он все-таки был гений.

Феминизм, как и коммунизм, пустил первые ростки в конце XVIII века — в эпоху, слишком мало знавшую о биологических особенностях человека, а потому бредившую утопией равенства. Но сколько нас с тех пор не ровняли, мы все равно разные.

Мужчины тяжелее, костистее, рискованнее. Физически сильнее. В массе выше, хотя попадаются и низкорослые особи. Живут меньше.

Женщины зато биологически выносливее. Легче нагуливают жирок — в генетической памяти остался резерв, чтобы при потере кормильца дотянуть до момента, когда заметит новый партнер. Даже глаза наши по-разному устроены. Мужской, охотничий, лучше реагирует на движущиеся цели. Женский — на неподвижные. Все еще с тех времен осталось, когда мы бродили по степи, высматривая мамонта и собирая корешки. А о феминизме вопрос вообще не стоял. Потому что специализация у нас разная. Женская — рожать. Мужская — находить пищу и защищать.

И тогда главный аргумент феминисток (несправедливо, что мужской труд оплачивается выше) отпадает сам собой. Да, мы, мужчины, зарабатываем больше. Но куда потом тратим деньги? На женщин! На цветы, развлечения, на квартиры, ремонты, учебу детей и т. д. Разве нам самим все это надо? Да, по примеру холостяка Канта, мы вообще ни в чем не нуждаемся, кроме звездного неба над головой! Замечено же, что лишенный женского общества, мужчина невероятно быстро дичает. Если не верите, то хоть «Робинзона Крузо» почитайте.

Феминистки любят высматривать, где только можно, пережитки патриархальщины — просто, как пыль в доме. И чуть что, нас за эту патриархальщину ругать: заскорузлые, мол, консерваторы, враги прогресса. Но разве так плохо было патриархальное общество?

На самом деле, роль отца в нем часто играла мать. А на должности короля работала королева. Чем не патриархален российский XVIII век? Между тем, в историков он носит название «царство баб». Ровно шестьдесят семь лет из ста правила дамы — Екатерина I, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, Екатерина II. И Суворова не унижало, что он кровь

проливал за «матушку-царицу». А проливал не фигурально, не ради красного словца — под Кинбурном на нем живого места не осталось. Едва уцелел. И знаменитый глаз Кутузова из-за нее, из-за Екатерины, потерял.

Причем, никакой гипертрофированной гуманностью эти дамы не отличались. И ссылали, и фаворитов выгоняли с таким треском, который даже не снился нынешней секс-секретарше, уволенной по приказу шефа.

Феминистки почему-то считают, что систему подавления придумали мужчины. Что именно они методично и жестоко, чуть ли не на каждом шагу, да еще и с садистским удовольствием терроризируют женщин. Но я мог бы привести сотни примеров обратного — того, как подавляют и унижают маленьких мужчин в детском саду, в школе и дома. Как душат их теплыми шарфиками добрые мамы, считающие, что именно так, а не закаливанием, спасают от простуды, как насмеваются, а то и лупят линейкой по пальцам преподавательницы. Я до сих пор с содроганием вспоминаю свою учительницу рисования. Сия особа, призванная сеять в душах прекрасное, швырялась альбомами, ломала кисточки и доводила весь класс до истерики своим слоновьим ревом. Феминисткам давно пора ею заняться. Ведь она унижала не только мальчиков, но и девочек!

Иногда женская властность доходит просто до абсурда! Случай из минувшего лета. Выхожу из моря — чистый, довольный, никого не трогаю. На берегу сидит злобная тетка, раздутая гневом, как воздушный шар:

— Молодой человек, вы не могли бы не заплывать так далеко?!

— А что? — спрашиваю.

— Мой внук пытается вам подражать и приводит вас в пример.

Но меня не так-то просто вывести из себя и заставить отказаться от моей знаменитой вежливости. Улыбаюсь всеми тридцатью двумя зубами, особенно тем, который недавно побывал у врача:

— Если бы ваш внук действительно мне подражал, он давно бы уже утопил такую бабушку, как я когда-то свою. А моя, между прочим, была куда лучше! Я даже плакал немного.

Надеюсь, тетка оценила мой юмор. Хотя не уверен — уж очень ей хотелось что-то сказать.

Зато я убежден в другом — матриархат был раньше патриархата. И в каждой отдельной человеческой жизни он тоже стоит в самом начале — когда мальчик под присмотром мамы делает первые шаги. Вот там и ищите истоки насилия.

Но самое слабое место феминистической теории — секс. Секс и все, что с ним связано. Две вещи крайне тревожат эту категорию дам — то, что мужчина смотрит на женщину, прежде всего, как на сексуальный объект, и то, что он любит порнографические фильмы. Это, видите ли, оскорбляет — почему, мол, не на душу в первую очередь обращает внимание?

Яркий пример женской логики и не более того! Мужчина ищет то, чего недостает на рынке. Если бы женщины предлагали секс направо и налево всем желающим, то в дефиците была бы душа. Если бы женщины выставляли напоказ интимные места своего тела, а закоулки души превратили в заповедную зону, то каждого мужчину как истинного браконьера именно эти потаенные лесные тропки, а не ноги, сводили бы с ума.

Что же касается порнографических фильмов, то в них наряду с женщинами снимаются и мужчины. Причем, как свидетельствует статистика, зарабатывают меньше дам. Как и в модельном бизнесе. Давайте не урезать права актеров. Это нечестно. Им так хочется

самовыразиться. Не меньше, чем феминисткам.

Иногда мне кажется, что если феминизация общества пойдет и дальше, то какой-нибудь технический гений из чувства мести изобретет женщину-трансформер. Податливую, готовую выполнять любые причуды игрушку. А потребность в настоящих отпадет навсегда. Но я понимаю, что подобного не случится. К счастью, на свете достаточно прекрасных дам, не оскорбленных тем, что мы видим в них воплощение наших фантазий. На наш век хватит.

А о воспитании новых поколений мы позаботимся.

Изгнание из рая

Женщины — не дети. Бросать их не только можно, но и должно. Регулярная их смена повышает интеллектуальный потенциал, обостряет память и освежает эмоции. Важно только соблюдать правила.

Хороший обычай придумал Генрих VIII. Зная, что женщины переносят душевные страдания куда хуже физических, этот просвещенный монарх казнил каждую из своих жен, как только она начинала ему надоедать.

К сожалению, способ не прижился. Современная цивилизация требует от нас гуманности даже там, где она противоречит здравому смыслу. Поэтому старинную русскую потеху выгонять бабу из избы вместе с детьми на крещенский мороз прямо под равнодушно мерцающие сибирские звезды следует считать такой же устаревшей, как катанье на розвальнях в обнимку с пьяным попом и расписным тульским самоваром.

Сладкое для всех время домостроевщины кануло навсегда! Куражиться и глумиться безнаказанно в эру нанюхавшихся феминизма маменькиных дочек не дадут уже никому. Тем более провожать изгнанную из сердца даму «узорчатым, втрое сложенным ремнем», как любил, бывало, изгаляться над Анной Андреевной Ахматовой талантливейший поэт серебряного века Николай Гумилев. В век, когда каждая дура может купить газовый пистолет, такое поведение, по меньшей мере, непредусмотрительно. Сегодня мужчина имеет право применять ремень только, если дама мазохистка — да и то исключительно по ее просьбе.

В целях безболезненного расставания связи с женщинами должны быть кратковременны и беспорядочны. Уже в начале знакомства, стоя в весьма неудобной позе с пучком роз в руке, вы должны не перебирать в уме поджидающие вас порнографические картинки, а обдумывать рецепты будущего отхода.

Грамотно организованный роман никогда не превышает трех-четырёх недель. Ровно столько заняла кампания Вермахта в Польше. Связь продолжительностью в два месяца уже следует считать опасной. Полугодичная свидетельствует о вашем непрофессионализме и притуплённом инстинкте самосохранения. За роман, тянувшийся более года, по законам бывшего СССР, вполне можно обвинить в преступной бездеятельности — настоящий солдат никогда долго не залеживается на достигнутом. Джентльмен бросает женщину, как сигарету — недокуренной. А эстет — едва успев стряхнуть с ее кончика первую порцию пепла. Именно за этой чертой начинаются истерики и дамское свинство.

Меньше всего нас должно беспокоить, переживает ли брошенная мегера психологический стресс. Собственное спокойствие и душевный комфорт — вот наша задача! Не гони бабу силой! Убеждай по-доброму! Взови к ее разуму! Человек цивилизованный предпочтет, чтобы она исчезла из его жизни после маленькой национально-освободительной войны, а не в результате его добровольного желания избавиться от надоевшей колонии. Благородный жест раскаявшегося империалиста туземка все равно не оценит.

В идеале необходимо достичь эффекта, когда женщина галлюцинирует, будто не вы ее, а она вас бросила. Умело создавайте у нее эту иллюзию! Пользуйтесь достижениями пропаганды! Денно и ночью лепите из себя образ врага!

Расскажите, что ваш папа был очень ревнивый и по воскресеньям гонялся за мамой с топором, а прадедушка в пору революционного беззакония повесил свою невесту на воротах

родового гнезда — то ли за то, что она была комиссаром и спала со всеми, то ли из-за обычного несходства взглядов на будущий семейный бюджет. Как бы между прочим, оброните в разговоре с любимой, что ваш приятель-доктор считает, будто мужчина должен регулярно изменять для пользы здоровья, и что только эти взгляды вы считаете научно верными. В крайнем случае, купите в поликлинике справку, что вы сексуальный маньяк.

От вас отвернутся. К вам больше не потянутся. Возможно, даже сменят половую ориентацию. Некоторое время вы сможете наслаждаться философским покоем, помня, что путь каждого настоящего мужчины устелен телами брошенных женщин, переступать через которые следует, не спотыкаясь.

Но даже несмотря на блестяще проведенный отход и заслуженное поощрение в виде фразы: «Забери зубную щетку и никогда тут больше не появляйся, негодяй!», не исключено, что вы станете жертвой рецидива. Тактика хищниц изощряется. Болезненная привязанность к одному отдельно взятому самцу превышает все мыслимые пределы.

Изучив наши слабые места, они могут соблазнить самым сокровенным. Даже предложить заняться сексом прямо на улице во время служебной встречи через неделю после разрыва. В этом случае следует принять неприступный вид и со сдержанной печалью в голосе ответить: «После того как я расстался с тобой, я утратил всякое желание заниматься сексом. Кроме того, сегодня я уже дважды им занимался»... Обычно после этого она сразу же отбежит в сторону, скуля, как после заряда крупной дроби.

Если же больная упорствует и даже обещает стать вашей рабыней, контракт с нею можно условно продлить на специально оговоренный непродолжительный срок с возможностью новой пролонгации.

Всякое здоровое существо стремится к приумножению. В конце концов, не для того мы завоевываем женщин, чтобы всех их сразу бросать.

Истребитель женщин

Рожденный в Украине избавлен от поисков смысла жизни. Идеальное место для подвига — родная страна, густо заселенная отборным женским поголовьем, всегда под рукой. На ее пока еще слабо зараженных СПИДом просторах есть где проявиться породистому самцу. Главное — правильно выбрать тактику для покорения империи непуганых амазонок.

Женщины не любят грязные, пахнущие соляжкой танки. Побаиваются непредсказуемых гранат, несмотря на то, что их кольца так похожи на обручальные. Есть только один род войск, опытом которого можно воспользоваться в борьбе за право удовлетворять разнужданные инстинкты, — авиация.

Трудно найти что-нибудь более похожее на летающий фаллос с крыльями, чем задранный нос к небу молодчага-истребитель. Только этим, даже не будучи фрейдистом, можно объяснить странное, на первый взгляд, тяготение слабого пола к пилотам. Поскрипывающая кожей форменных курток, «рыцари неба» еще в эпоху только что победившей пролетарской революции уже работали на революцию сексуальную. Отшлифованную в двух мировых войнах тактику воздушного боя можно смело переносить на арену любовных схваток.

Правило первое — бей на взлете. Ничто так не заводит настоящего хищника, как охота на юную диетическую дичь. Гигантские победные списки немецких асов заполнены, в основном, за счет необстрелянного молодняка. Присматривайся к обитательницам детских площадок еще в то время, когда они интересуются бесплатными качелями, а не походом в дорогой ресторан. Через несколько лет несмышлёные ангелы получают статус совершеннолетних, а ты — законную лицензию на их "отстрел". Возражения опытных дам, что такие победы не прибавляют чести, отклоняются. Подержанные девушки просто завидуют. Твое пушечное мясо должно быть свежим и не протухшим.

Правило второе — набирай высоту. Забудь о лживых советах приятелей не делать карьеру. Поднимаясь по ее ступеням, больше шансов встретить потенциальную жертву. А достигнув высокого положения — использовать его в личных целях. Просторные кабинеты с мягкими диванами и право вербовать секретарш — прерогатива больших начальников. Неужели ты хочешь лишиться себя этого удовольствия только потому, что кто-то сказал: «Легче верблюду проскользнуть сквозь игольное ушко, чем богатому — в царствие небесное»?

Правило третье — нападай только на растерянного, утратившего моральную стойкость противника. Самая неприступная красавица переживает порой приступы одиночества и тоски. Ас должен вынырнуть из-за облаков в тот самый трудноуловимый момент, когда ее выгнали с работы, бросили в личной жизни и обругали в общественном транспорте. Внуши, что именно ты тот самый, кого небеса послали, чтобы решить все ее проблемы и даже принести кофе в постель. На несколько недель можешь забыть о мужском достоинстве. Умоляй и стой на коленях. Прикидывайся помешанным на почве неразделенной страсти. Симулируй даже любовь до гроба, если нет другого выхода. В случае удачи ты себе все простишь. Ведь это не более чем отвлекающий маневр, венцом которого должна стать длинная, сладострастная очередь раскаленной спермы, посланная прямо в цель. После чего — неизменный боевой разворот и уход к новым встречам в сияющем небе.

Надеюсь, не нужно напоминать, что атака получится эффективной только в том случае, если ты следишь за своим оружием и мотором. Час в день в бассейне или на турнике —

профессиональная обязанность донжуана высокого полета. Блестящая физическая подготовка повышает психологическую устойчивость. Снимая одежду, ты должен быть уверен, что ослепишь еще чем-то, кроме шелковых семейных трусов, свидетельствующих о твоём высоком общественном положении. В противном случае из элитного истребителя есть риск превратиться в неповоротливый ночной бомбардировщик, покоряющий женщин только метанием увесистых пачек денег.

Замечено, что жертвы автомобильных катастроф подсознательно стремятся к оживленным дорогам. То же самое можно сказать и о клиентуре соблазнителя. Привлеченные мощной воронкой агрессивной ауры, беспомощные нежные создания будут сами втягиваться в шлейф твоей славы, теряя волю к сопротивлению. И тогда встанет только один вопрос: как отмечать одержание победы?

Для этой цели на моем рабочем столе всегда стоит модель МиГ-3 — самого элегантного истребителя Второй мировой. Красными звездочками, как в советских ВВС, к его фюзеляжу пригвождены души сбитых женщин. Белыми, как в американцев, — если соблазненная имела честь быть девственницей. Случайные, не имевшие продолжения связи в поездах и на курортах обозначены скромными черными палочками на хвосте — так шифровали удачу асы люфтваффе.

В этой коллекции нет только так называемых «побед в группе» — они не достойны джентльмена, уважающего уголовный кодекс.

Укрощение корыстолюбивой

Женская алчность так же безгранична, как Вселенная. И так же, как Вселенная, имеет тенденцию к расширению. Шагающую в ногу с веком мадам уже не удовлетворишь марш-броском в Крым и зараженным любовью принцем на белой «девятке». Чтобы испытать экстаз, ей необходим «Мерседес» и утренний бриз на острове Тенерифе — хотя она до сих пор не помнит, где это находится. В идеале же рай для дочери человеческой должен помещаться прямо в банке, а Бог работать кассиром, оплачивающим счета по первому требованию.

В жадности женщины есть что-то от наивности дикаря. Тот, кому приходилось бывать в недоразвитых странах, знает, в какой восторг приходит абориген при виде белого человека. Каждый турист кажется ему как минимум Рокфеллером, готовым тут же вливать доллары в местную экономику в обмен на замызганные бурнусы и огрызки папируса с портретом жука-скарабея.

Примерно те же переживания сотрясают и женщину, в убогой жизни которой появляется элегантный красавец, созданный в тренажерных залах и секретных лабораториях парижских кутюрье. Почему-то она считает, что представитель этой редкой породы мужчин тут же уподобится языческому жрецу и начнет вызывать магические дожди из банкнот, осыпаящих бедную Золушку с головы до ног. При этом ей невдомек, что молодой человек, возможно, уже совершил несколько преступлений против человечества за право носить ремень от «Hugo Boss», а потому мечтает только о том, чтобы отстегать им кого-то по хитрой пухлой заднице, корыстолюбиво подрагивающей на высоких каблуках.

Излюбленные женские поговорки «неплохо бы купить» и «хорошо было бы приобрести» преследуют мужчину всю жизнь вплоть до того судьбоносного момента, когда он окончательно убеждается, что выгоднее всего вложить капиталы в простой сосновый гроб. Причем, не для нее, а для себя. А до этого несчастный десятилетиями блуждает по выбранному женщиной ложному пути, отовариваясь никому не нужными стиральными машинами и таблетками от головной боли.

Наиболее трагическая ситуация, как всегда, сложилась в Соединенных Штатах. Бездонные американки уже давно мутировали в обыкновенные счетчики с вторичными половыми признаками. Только по форме сохраняя человеческое подобие, эти игральные автоматы заняты исключительно выдумыванием новых поводов для сдирания штрафов с заокеанских мужиков, отупевших от пожирания дешевой гамбургятины. Громадные бройлерные культуристы и директора крупнейших корпораций безропотно платят отступное своим бывшим супругам, вместо того, чтобы, купив систему федерального правосудия на корню, скопом отправить их вместе с отпрысками в воспитательный дом.

Женское взяточничество еще кое-как объяснимо, если речь идет о заслуженных патриархах мужского мира, наполненных жизненным опытом до краев — генералах в отставке, подержанных киногероях и миллиардерах на покое. Чтобы высечь из этих пресыщенных самцов хоть искру прежнего воодушевления, действительно необходим изощренный профессионализм. А профессионализм всегда чего-нибудь стоит.

Но бандиты в юбках пытаются запустить руку даже в карман прыщавого юнца, подсчитывающего свою первую зарплату, и начинающего менеджера, из последних сил разорившего своего первого конкурента.

Втайне женщины всегда будут обожествлять наши финансовые просчеты. Судьба Клеопатры, которую Цезарь взял на содержание вместе с ее обанкротившимся царством, вместо того, чтобы отдать на растерзание озверевшей солдатне, служит для них вечным примером. Они мечтают ничего не делать и иметь все. Но, к счастью, есть и другие исторические прецеденты. Великий Петр в ответ на счет, присланный одной из английских актрис, только хладнокровно заметил, что в своем отечестве привык покупать женские поцелуи по копейке за дюжину.

И поэтому, когда женщина задает мне вопрос, почему я не трачу на нее деньги, я отвечаю не менее парадоксальным вопросом: «А разве ты лошадь?» И так как еще ни одна из них не сообразила сразу, причем тут лошадь, расшифровываю с ехидной полуусмешкой: «Если бы ты была лошастью, то я бы лично шел на Сенной рынок и приобретал тебе два гарнца овса, оплачивал бы твои визиты к ветеринару и платил бы кузнецу за новые подковы. Но раз ты не лошадь...»

Букет для женщины всегда слишком мал. Любой подарок — всегда слишком дешев. Она всегда заслуживает чего-то лучшего.

А поэтому лучшее, что можно придумать, не дарить ей ничего.

Тем более себя.

Если в пример для подражания пробивается полоумный субъект в съехавшей на ухо шапке, сотрясающий ресторан ночным криком: «Гуляй, бояре!» и требующий шампанского себе (ящик), своей лошади (ведро), своей даме (ванну) и своим цыганам (каждому по бутылке), то такое общество можно сразу тащить в ларек для стеклотары. Ему конец.

Не спорю, парня в шапке можно назвать великомучеником щедрости. Но страшно даже представить, если все мы, прочие мужики, станем ему подражать. Финансовый кризис обеспечен.

Всем хорош Сергей Паратов из «Жестокого романса». Только пришлось потом расстаться со всем — и с пароходом «Ласточка», и с любимой Ларисой. Прощай кутеж, привет похмелье! Так почему же о Паратове тоскуют женские души? Лучше бы он был рыцарем скупости. Тогда бы драма на Волге обернулась легкой комедией.

Откровенно говоря, я просто не понимаю, зачем нашим дамам цветы. Вещь — бесполезнее огурца. Что — ими закусывать можно? Поддерживая эту выгодную только цветочным фирмам традицию, мы оказываемся глупее обезьян. Самец шимпанзе подарит своей избраннице банан. Но коллекционную орхидею — никогда! Зато никто не слышал, чтобы джунгли сотрясала великая депрессия. У них там все разумно устроено. Потому что никто никому не дарит цветы.

Стоит ли печалиться, если вместо одного жалкого пакетика импортных макарон ваш кормилец (за ту же цену!) притащил две роскошные, неподъемные пачки отечественных? К тому же серых — значит, экологически чистых, без красителей и вредных добавок! Ваш друг — умный. Он о вас заботится. Кроме того, он поддерживает национального производителя.

Вы не довольны, что пригласивший вас мужчина предложил в баре только стакан апельсинового сока? А, по-моему, он просто кутила! За ту же цену на оптовом рынке можно купить полтора литра точно такого же. И распить их на лавочке, дыша свежим осенним воздухом.

А как вам понравится, если я скажу, что в Европе каждый, независимо от пола, расплачивается за себя сам — если он, конечно, не проститутка и не проститут. А мы движемся в Европу! Пора привыкнуть, что даже на оптовом рынке сок на двоих придется

покупать вскладчину! Чтобы чувствовать себя независимой личностью, а не девушкой на содержании.

Предложение кавалера выпить в баре рюмочку дорогого ликера должно привести благоразумную барышню в содрогание. Первое, что подумала бы на ее месте любая волчица: «Этот волк хочет, чтобы я умерла от цирроза печени — только поэтому он собирается купить мне такой дорогой яд!»

Почему кого-то должно удивлять, что в моей квартире отличный ремонт, а в полупустом холодильнике лишь самые необходимые здоровые продукты? Только умеренностью можно достичь благосостояния. Финансовые махинации и игра на бирже — не для всех. Остальным придется потуже затянуть пояса, если они хотят отремонтировать в евростиле хотя бы будку для любимой собачки.

Кроме того, неужели толстый, одышливый, «ни в чем себе не отказывающий» жених, рискующий схватить инфаркт прямо в разгар любовных игр и вогнать вас в безумные траты на врачей, лучше тощего скупердяя? Пусть он ничего не ест и вам не дает! Не нужно будет платить за препараты для похудения.

Богатые нации имеют плохую репутацию. За пфенниг удавится — говорят о немце. А ему хоть бы что. У него все нормально с самооценкой. Он знает, что обязательно найдет свою милую умную Гретхен, которая, если он расщедрится, одернет ефрейторским тоном: «Ты, что, Ганс, хочешь нас разорить? Это платье мы купим мне только, когда оно появится на распродаже!»

Апофеоз женщины будущего

Богатства женской души — ничто в сравнении с сокровищами ее сундуков. Первые — улетучиваются, как хорошее настроение. Вторые — можно щупать вечно. Это понимали даже варвары. В старые времена счастливую невесту со свекольными щеками везли в дом жениха верхом на горе перин в сопровождении обоза с домашним скарбом и ревущего стада крупного рогатого скота — зрелище не менее сильное, чем завоз товара в супермаркет. В качестве обязательной юридической формальности новобрачной полагалось иметь при себе грамоту, торжественно удостоверявшую, сколько десятин пахотной земли отныне переходит в цепкие лапы ее любящего супруга.

Возвышенную красоту этой сцены отрицали только воинствующие большевики, пытавшиеся ради мирового счастья скрестить двух полуголодных разнополых строителей коммунизма в предоставленной государством конуре заводского общежития. Но эксперимент не удался. Будущее принадлежит усовершенствованным идеалам прошлого.

В третьем тысячелетии первобытный размер женской груди и естественный цвет волос не будут представлять ни малейшей рыночной ценности. Новые технологии этого не позволят. Женское тело станет всего лишь инструментом в руках диетологов и косметических хирургов. Моду на тряпки заменит помешательство на метаморфозах красоты.

Уже в 200... году «в струе» будут «ноги-ходули» и «бюсты-невидимки», а толпы девушек бросятся в распахнутые настежь ворота ремонтных заводов, требуя немедленно удлинить первое и уничтожить второе. Но уже через пару сезонов диктаторы эстетических норм убедят всех в том, что высшая ценность состоит в обладании хорошо откормленной плотью рубенсовской красавицы. И, несмотря на то, что женщины, как известно, ненавидят сладости и больше всего на свете обожают изнурительные занятия спортом, модницы примутся поглощать вагоны пирожных, а особо нетерпеливые — обзаводиться пикантными силиконовыми животиками и искусственной кожей, имитирующей целлюлит, по цене дороже крокодиловой. И никто даже не догадается, что новое поветрие будет вызвано переизбытком производства текстиля в Юго-Восточной Азии и продуктов питания в Украине, вступившей вдруг ни с того, ни с сего на тропу бурного экономического развития.

Следующим шагом изобретательных акул прекрасного станет появление стиля «унитело», превосходящего все остальные массовостью маркетинга. Каждая будет считать долгом чести иметь все такое же, как у любой другой каждой — среднюю талию, средние бедра, выразительные средние глаза, объединяющие основные признаки европеоидной и монголоидной рас, и практичную, требующую минимального ухода пигментацию мулатки. Параметры, выведенные на основании математических формул, женщины воспримут с тем большим энтузиазмом, что реклама убедит их: только наличие универсального среднестатистического тела — единственный действенный способ застраховаться от мужских измен.

Естественно, выдержать все эти удары судьбы сможет только финансово независимая, твердо стоящая на ногах «селфмейдвумен». Третье тысячелетие — эпоха мужского отдыха, право на который мы заслужили изнурительным умственным трудом.

Именно мы вывели комбайны на просторы полей и кухонь, заменили крестьянскую лошадку неутомимым железным жеребцом и оснастили машины автоматическими

коробками передач, сделав управление ими доступными даже пятилетней девочке. Мы открыли Америку, слетали на Луну, навели порядок и демократию и даже придумали противозачаточные таблетки — хотя последнее никоим образом нас не касалось! Женщины же за это время, закоптив миллиарды сковородок, в лучшем случае научились более-менее сносно жарить котлеты. Настал час потрудиться и им.

Они так долго добивались равных прав, что пора рассчитаться за них соответствующими обязанностями. В законодательстве развитых стран должна появиться статья, сурово наказывающая женщин за попытку травмировать мужскую психику бестактными требованиями инвестиций. Финансовое обеспечение вашей самореализации — не наше дело. Нам это не интересно. Мы плохо воспитывали детей. Мало зарабатывали. И совсем не заботились о будущем. Все это вы сделаете лучше нас — ибо на то вы и лучшая половина человечества. И раз женщины так убеждены в своем умственном превосходстве, то пора на деле доказать свой чрезмерно разросшийся «ай-кью».

Биржи, офисы, научные лаборатории и даже генеральный штаб следует предоставить в их полное распоряжение. Легко обвинять мужчин в звериной жестокости, когда забрызганные кровью невинных жертв, они приносят в дом вкусную диетическую булочку, дабы возлюбленная-вегетарианка не упала в голодный обморок. Женщины, естественно, устроят мировой порядок без этих антигуманных эксцессов.

Колониальные войны и перестрелки на улицах отойдут в легендарное прошлое. Политических соперниц будут устранять не громающим выстрелом в висок, а аптечно выверенной порцией яда. А преступников перевоспитывать в обычных школах, доводя до столбняка проповедями учительниц, ознакомленных с тайнами бытия, согласно инструкции Министерства образования.

Конечно, не все женщины сразу шагнут на путь восхождения. Многие из них хотят жить по старинке, в силу природной застенчивости подталкивая вперед не себя, а нас. Но я знаю способ, как переломить ход истории.

Чтобы заставить дам занять по праву полагающееся им место в авангарде прогресса, мужчинам следует объявить временный мораторий на сексуальные отношения. Примерно на протяжении двух недель общение с женщинами будет ограничено совместными походами в театр и обсуждением просмотренных фильмов. Для современных мужчин, ослабленных алкоголизмом и гиподинамией, такое непродолжительное воздержание не будет утомительным. (Высокоспортивный и некурящий автор этих строк не в счет, но ради общего блага и он попробует пострадать.) Зато потом мир вступит в эпоху сбывшихся женских грез. Причем, сразу всех. Даже высказанных как бы между прочим.

И тогда я торжественно провозглашу начало апофеоза совершенной женщины будущего — единственного существа, которое я способен добровольно прославлять. Но только при условии, что оно самостоятельно заплатит за свой постамент.

(Из цикла «Хамло женского рода»)

Ударницы гламура

Простая баба расстается с жизнью легко. Намучившись и натерпевшись, она уходит незаметно, как жила. Другое дело — светская дива. Ее провожают на тот свет, как любимую собаку или маршала Жукова — с военными почестями и всенародной скорбью.

В Украине это еще впереди. Сливки общества у нас регулярно съедали во время революций и голодоморов всяческие упыри. Аристократов резали на корню. Голубой кровью заряжали городские фонтаны. Так что всех наших нынешних так называемых «дам» сделали в советское время. В лучшем случае на Броварской мебельной фабрике. Отсюда и проблемы. Киевский высший свет выглядит как банда атамана Грициана Таврического, въехавшая в господский особняк и нацепившая чужие вещи. Манер нет. Традиции утеряны. Антиквариат растащен быдлом. Совсем недавно ведущие светской хроники даже не могли решить, о чем спрашивать такого гостя в первую очередь: каких художников предпочитаете или какие трусы носите? Я не шучу! Это исторический факт! Спросите у Кати Осадчей!

Да и сейчас мало что изменилось. Месяц назад один такой «интервьюер» пытал-пытал меня о секретах творчества в передаче якобы «о литературе» (хотя сомневаюсь, что он вообще умеет читать), пялился-пялился на мой костюм, а потом взял да и брякнул о наболевшем: «Вам какие модные брэнды ближе всего?» Пришлось ответить наглецу: «Все одинаково далеки, кроме формы офицера русской императорской армии!»

Между прочим, мундир этого самого офицера (только мундир — без штанов, фуражки, сапог и шпор!) сейчас стоит на антикварном аукционе 10 тысяч долларов. По цене — вполне «от кутюр». Готов поспорить: ни их Гальяно, ни наш Залевский такого не пошьют! Секрет утрачен еще в 1917-м! Уже Ленину пришлось бегать по броневичку в пролетарской кепочке и кургузом пиджачке.

По сей причине мною приветствуются любые попытки изобразить «хороший тон». Даже самые дикие. Взять хотя бы хозяйку телесалона «Колкости Кольновой» (фамилия и название для приличия слегка изменены). Это ничего, что иногда она похожа на самку белого какаду, водящегося на Молуккских островах. Зато на публике любит намекать, что чуть ли не постоянно живет в Лондоне. Послушать Свету, из Виндзорского замка она просто не вылезает — была бы женщиной, ей бы королева титул сэра дала. А так полом не вышла. «Образование детям нужно давать только в Британии... Это однозначно... Лучшие бутики в мире — лондонские...» — все из ее перлов! Непонятно только, как такую яркую птицу занесло на глухие малороссийские хутора. Еще наша гранд-мадам любит распространяться о своем аристократическом происхождении. Дескать, служил ее прадедушка в лейб-гвардии, забыла каком, полку... Как же, так я и поверил! Служил он в лучшем случае кучером в петроградском ЧК — там и на аристократов насмотрелся, когда их выводили в расход.

Гламурная жизнь требует исключительной выносливости организма. Нужно с утра до вечера навязывать себя как новую разновидность тампакса. Это только по официальной версии глупая пресса души не чает в своих героях. Папарацци к ним в окна лезут. Журналисты стоят в очередь, чтобы записать для истории очередную нетленную мысль. Хакеры взламывают домашние электронные архивы с пикантными снимками. А я помню другое. Как ломилась в дверь отдела культуры газеты «Киевские Гадости», где я тогда трудился, «всемирно известная красавица и фотомодель, мисс Украины и ее окрестностей» Саша Неналаенко (дадим ей такой псевдоним — надеюсь, узнаваемый). Бедняжка только что

съездила в США и обходила редакции с пачкой фотоснимков, которые сопровождала комментарием: «Смотрите, как интересно! Это я на яхте в каюте, где однажды спал Клинтон!» С тобой он, что ли, на той яхте спал? Добрая наша завотделом Вика бедняжку-золушку пожалела и фотки для публикации взяла, а потом по секрету, когда Сашенька уже улепетнула, вильнув карьеристским задком, цинично объяснила: «Все равно писать ничего не хочется. Да и ставить нечего — забьем полосу фотографиями койки, на которой Клинтон ночевал».

А сколько пришлось мне побегать от «выдающегося художника» Сережи Пиаркова! Вот же прилипучий был человечик! Гора идей! Я в парламент — он уже там. Зайдешь в Минкульт вопросики порешать — с порога в нашего Рафаэля вступишь. Он там одно время то ли сторожем, то ли советником на общественных началах при госпоже-министерше Белозвездовой подъедался. Мобильник с утра включишь — опять Пиарков! Звонит, проповедует панамериканизм, не спится ему! И чего, спрашивается, не в Техасе, а под Киевом поместье свое бетоном обводит? Команчей боится? Так наши мужички его надежнее любых индейцев во время очередной «колиивщины» сожгут! Напрасно он их народную смекалку недооценивает.

«Олесь! Ты должен взять у меня интервью! — наседали Пиарков, трясая жидкой бороденкой, как у сельского дьячка. — Это будет круто! Ты — скандальный! Я — скандальный! А потом снимемся на капоте моего джипа! Что бы все видели, как я его затюнинговал!»

Так хотелось ему ответить: «Поехали, Сереженька, в Ирак, взорвем американский танк, настрижем дурных американских голов, а потом — по финке в зубы — и сфотографируемся на фоне этого безобразия! Тебя тогда точно в Америку не пустят. А мне она и даром не нужна»... Едва сдержался. Ведь не поймет же, азиат! Никакого у него чувства черного юмора — точь-в-точь, как у г-на консула Северо-Американских Соединенных Штатов.

В последнее время появилась еще одна категория граждан — профессиональные борцы с гламуром. Ирэна Мавпа, например. Вроде писательница. Но писать не умеет. Вроде красавица. Но взглянуть страшно. Вроде мыслитель. Но мыслей нет. И (чуть не забыл!) покорительница сердец не просто мужских, как Светлана Кольнова, а бисексуальных — по официальной версии сношает в извращенной форме все, что движется — даже детенышей хомячка. А по неофициальной, которой я больше доверяю, просто мастурбирует — так как с ней, прыщенокосной, никто спать не хочет. Раздвинула границы сознания — перелезла через стену гламура и стоит теперь с другой стороны — там, где городская свалка. Говорит, что так свободнее. Конечно, свободнее — мыться ж не надо! По мне же, с какой стороны забора не стань, все равно воли не видать. Как и на всем Земном шаре, который, по моей философии, просто большая благоустроенная тюрьма с материками и океанами, но без возможности побега за пределы стратосферы.

Жить по гламуру сложнее, чем не по лжи. Пиджак должен быть не просто пиджаком, а непременно от Бриони. Голова — от хороших родителей. Женская грудь — минимум третьего размера. Если есть — своя. Если нет — силиконовая. Тоже недешевое удовольствие — от 3 тысяч у.е. и выше. Плевать на пол — нельзя. Пить из одноразового стаканчика — «заборонено». Ездить на «Форде» — только, если он — «Мустанг» середины 60-х. А лучше — сразу на «Порше». На «Мерседесе»? Нет, не гламурно. Вчерашний день. И на «Порше» скоро будет тоже не гламурно. Так что нужно спешить — купил, поездил и лохам подарил. А сам пешком — на гламурных конечностях. Вперед, вперед! Гламуру нет предела!

Девушка напрокат

Государство стремится контролировать все. Не только финансовые потоки, но даже ручейки спермы. Как прирожденный вуайерист оно хочет знать, в какие клоаки граждане сливают излишки энергии.

Но полученной информацией наш государственный организм не пользуется.

Виновата в этом его глубочайшая дряхлость. Существовая с незапамятных времен, делясь и размножаясь, государства успели накопить массу наследственных заболеваний и психических отклонений. Некоторые из них даже рождаются биологическими старцами.

К примеру, Украина — явно бабушка с первого независимого крика: «Ганьба!» в 1991 году. Она страдает нарциссизмом, старческим слабоумием и половой немощью. Первое доказывается обилием официальных праздников. Второе — отсутствием национальной идеи. Третье — сокращением народонаселения рекордными темпами.

Мы не собираемся никого завоевывать. Ни с кем не соревнуемся. И даже не снимаем кино. «Ще не вмерлы» — и то хорошо.

Ясно, что любой пенсионерке для оправдания существования нужны подходящие спарринг-партнеры. Порывшись по сундукам, Шапокляк в вышиванке нашла их в проституции и порнографии. «Мы превращаемся в заповедник секстуризма! — орет, как изнасилованная, свободная пресса. — После отмены виз немцы едут не смотреть Печерскую лавру, а щупать задницы киевских студенток!»

Ну и что? Чем больше наших баб измерят своими влагалищами заграничные члены, тем меньше иллюзий у них останется. Пусть сравнивают. Мир до конца можно понять только экспериментально. Не хотели москаля — нате немца! Не можете постигнуть умом, изучайте другим органом.

Зато теперь известно с научной точностью: украинского женского счастья не существует в природе. Продавая свое тело по мировым ценам, наши Катерины все равно не научились получать на сдачу счастье. Стоит послушать их разговоры, когда они делятся производственными впечатлениями. Шведы — жадные. Швейцарцы — тупые. Англичане — странные.

Хорошие отзывы от одной знакомой интердевочки я слышал только об итальянцах. Да и то потому, что, заплатив деньги, теллюбят лизать девку промеж ног, как фанатик икону. «Итальянцы — н-е-е-е-е-жные», — сладко закатывая глаза, цедила моя собеседница, словно присосалась к дорогому коктейлю долларов за пятьдесят. Уверен, обожравшись средиземноморской нежности, ей захочется простой отечественной кухни — с огурцом и квашеной капустой. Но будет поздно. К тому времени мы окончательно перейдем на азиаток из Таиланда.

Или отправимся европеизироваться в Польшу — буквально рядом, за пограничным столбом, ждет нашего вторжения распутная католическая страна, усеянная кабинками для отсоса избыточной сексэнергии и легальными публичными домами. Варшава вечером — ничуть не хуже Рио-де-Жанейро. Рекламки заведений разврата усеивают тут все улицы, телефонные автоматы и лобовые стекла автомобилей. Местные разносчики суют тебе их прямо под дворник, чтобы ты не забыл посетить ночью самые интересные достопримечательности древнего города на Висле. А днем можешь шляться по секс-шопам. Тут они величиной с киевский гастроном! Европа! Хотели люди в Евросоюз и добились

своего — заняли в нем достойное место!

Что заставляет одну труженицу сидеть целый день в офисе, а другую — гулять всю ночь по панели, неизвестно. Но поменяй их местами — погибнут обе. Каждому свое. Несомненно другое: в подавляющем большинстве женских душ живет проститутка. Просто часто она не активизирована. Или настроена работать по пожизненному найму — как служащий солидной японской компании.

Выходить каждый вечер на работу — трудно. Нужно держать себя в форме, нервы — в руках, а ноги — в ботфортах на таких каблучищах, в которых далеко не убежишь. Не каждой удастся устоять на этой головокружительной высоте! Замужем проще. Нашла мужа и все — экстрим кончился. Можно сдавать стринги в утиль.

Но точно так же, как и доярки или учительницы, продажные женщины делятся на три категории. Половина из них — врожденные халтурщицы. Хоть член, хоть доильный аппарат они будут обслуживать исключительно непрофессионально. Даже если занимаются этим всю жизнь.

Причем за любые деньги! Можно накинуть сверх положенных по киевским расценкам пятисот гривен в десять раз больше — все равно будет жевать прибор, как корова силос. Еще и развлечет напоследок историей про свою больную бабушку. Постоянные потребители сексуальных услуг добровольно обмениваются на сайтах информацией о таких бракоделках, чтобы не попадаться снова. Их боятся пуще СПИДа.

Еще сорок пять процентов девушек способны кое-как симулировать трудовой энтузиазм. Стахановки из них не получатся. Но обычные средние уличные ткачихи — выходят. Даже швей-мотористки, способные обслужить до трех клиентов за ночь. Втайне эта категория работниц тяготится своей деятельностью. Но виду не подает, так как родители научили ее добросовестно относиться к труду.

И, наконец, последняя разновидность ночных бабочек порхает исключительно по призванию. Это может быть скромная студентка, зарабатывающая губками на новую сумочку или модное пальто; примерная жена, не вызывающая никаких подозрений; или суперпрофессионалка, заслужившая своими услугами квартиру на Крещатике.

В любом случае, они отдаются по максимуму, ибо не умеют иначе. Не просто «с огоньком», как вторая категория, а с целым крематорием страсти. «Я очень популярная! — говорила мне одна из них. — Меня берут даже такие люди, как...» (Дальше следовала фамилия известного в Украине олигарха, рекламировать которого «за так» я не намерен.)

Естественно, проститутка по призванию обожает деньги. Но ей важно еще и удовольствие от процесса. Кроме оргазма, она способна испытывать вдохновение, ничем не отличающееся от того, что посещает любого творческого человека.

Клиент для нее — муза. Кровать — лист бумаги для короткой новеллы с неожиданным концом или для длинного романа с продолжением. Есть рукодельницы, способные настроичить невероятно пухлые тома! Они стареют вместе со своими постоянными заказчиками, принаравливаясь ко всем изгибам их биографий.

Украина напрасно сражается с продажной любовью. Бабушка просто забыла свою боевую молодость, когда грешила групповым сексом одновременно с ляхом, турком и москалем.

С тех пор немало отошло вод. Родились новые поколения, не помнящие об историческом прошлом. Но по-прежнему самой успешной в мире украинкой остается Роксолана, продавшаяся султану вместе с верой и потрохами.

И пока будет так — ничего не изменится. Когда отовсюду слышишь: «У нас забрали все!», стоит ли удивляться, что многие выносят из дому то, что осталось — то есть, самих себя?

Истина скрывается в самых неожиданных местах. Когда — в вине. Когда — в банковском сейфе. Иногда она может прятаться даже между двух продажных женских ног. И от этого не перестает быть истиной.

Лишняя вещь в доме

Наукой доказано: от частого употребления женщина портится. После года совместной жизни с ней не можешь отделаться от впечатления, что несчастная объелась грибов-галлюциногенов. Каждая ее фраза — тяжелый бред. Каждый жест — иллюстрация к истории болезни. Каждый поступок — повод для помещения в психиатрическую лечебницу.

Нет ничего страшнее, чем проснуться однажды утром рядом с законной половиной, стянувшей с тебя одеяло. Баба расслабленно потягивается, чешет дремучую подмышку, воображая себя Джулией Робертс — жизнь удалась! Заведя себе мужа, она уверена, что так будет вечно. Ее финансовые проблемы — теперь твои. Ее фантазии — как пыль, по всему дому. Ее головная боль завелась и в твоем мозгу. А если не завелась — тем хуже. Самка в шоке — отчего это ты, подлец, ничего не испытываешь? Даже сочувствия?

Поэтому, угрюмо уставившись в потолок, спрашиваешь: как это меня так угораздило? Ведь читал же в детстве: «Женись, мой друг, когда уже ни на что не годен!» Это толстовский князь Андрей говорил толстовскому же Пьеру Безухову. Знал Лев Николаевич толк в семейной жизни! Недаром чуть не пришиб однажды супругу обычной пишущей машинкой. Жаль промахнулся! Не пришлось бы перед смертью из Ясной Поляны бежать. Умер бы, как приличный человек, на чистой постели, а не на железнодорожной станции среди чужих людей. И зачем, спрашивается, такие хорошие романы писать, если живешь все равно не по ним, а по семейному кодексу?

Сколько ни наблюдаю за женщинами, все чаще прихожу к выводу, что Дарвин ошибся. В животном мире у нас с ней разные предки. Мы, мужчины, произошли от интеллектуальной обезьяны. Она — от таракана.

Во-первых, у нее тараканы в голове. Во-вторых, заводится на кухне, как таракан. В-третьих... Какая разница, что в-третьих, если и так понятно, что за беда!

Субботнее утро — тяжелое испытание для любой семьи. Вроде все сделано. Еще вчера. Вроде никуда не надо спешить. А сбежал бы сразу. Лишь бы не слышать, как она допрашивает: «Какие у тебя планы на сегодня, дорогой?»

Был бы действительно «дорогой» — промолчала бы. А, может, я размышляю о смысле жизни? Или изобретаю новейшую философскую систему? Или просто приблизился к пониманию категории «бесконечность»? Причем, не на теоретическом, а на образном уровне. Так, что даже и ей сейчас бы все объяснил?

Нет, всегда под руку! Вякнуть некстати — ее обычный прием. Как та спартанка, что, провожая сына на войну, прогнусавила: «Или на щите, или со щитом!» А то без нее не знали бы! Мужская жизнь всегда между двумя этими позициями. А еще чаще — без всякого щита с одним кинжалом в зубах на танки. Ее же привилегия — сидеть у нас за спиной, которая, как известно, лучше любого щита. И при этом зудеть хуже свежепосоленной ранки.

Все женщины до гробовой доски желают оставаться папиными дочками. Им нравится, когда их ладошка целиком в отцовском кулаке. Они обожают подарки и комплименты — всегда искренние и непременно из сильных рук. Если из мужчины общество целенаправленно выбивает сначала плаксивую бабу, а потом несмышленного мальчика, то на маленькую девочку в здоровенной тетке смотрят сквозь пальцы. Дескать, как-нибудь уживутся одна в другой — по принципу матрешки.

Но уживаются они плохо. Как и все, что страдает раздвоением личности. Так и не ясно,

что в следующую минуту выскочит из этой куклы — существо, желающее остановить на скаку коня, или боящееся войти в самую обычную (даже не горящую) избу, где установлена расстеленная двуспальная кровать.

Дать, не дать — любимая девичья игра. Или дать так, чтобы никогда больше не захотелось. В результате, мужчина, узнавший на практике, что такое женская душа, навсегда уходит к проституткам. Дабы отныне общаться только с телом — без сопутствующих ему вредных примесей.

Вся социальная история человечества — летопись мужского бегства от семейных ценностей. Дом философа подобен казарме. Марк Аврелий жил в полевом лагере на границе с германцами. Диоген — в бочке. Наш Сковорода — шлялся между чужими домами на манер бродячего бомжа. Скромность обстановки не помешала первому оставить классические «Наедине с собой», второму — послать на хрен Александра Македонского, а последнему — увековечиться всего одной фразой: «Мир ловил меня, но не поймал!»

Гордые и красивые всегда бежали из дому, чтобы творить благо и злодействовать. Уйти в пираты или святые — вечная мужская мечта. Только мужчина способен раздать все свое добро бедным или наоборот отобрать у них все. Некоторые умудряются делать даже то и другое, попеременно подражая то Чингиз-хану, то Иисусу Христу.

Женщина на такую душевную ширь не способна. Она может только тащить все в дом, к концу жизни окончательно превратив его в склад ненужных вещей, где нет ничего более лишнего, чем она сама. Но никто еще не видел мужчину, все страсти которого сводились бы к одной убогой формуле — жениться, жить долго и счастливо и умереть в один день со своей женой. И даже если такой оригинал найдется, то даже самые отчаянные феминистки признают его не мужчиной, а тряпкой.

В мировой истории существовало только одно идеальное общество — Запорожская Сечь. Классическая страна матриархата — Украина — подарила высшую формулу женоненавистнического мужского союза. «Незванный гость хуже татарина», — гласит поговорка. Но, оказалось, баба хуже даже незваного гостя. Поэтому казаки предпочитали жить прямо в Диком Поле, деля его с татарами, — лишь бы не жениться никогда.

Половую потребность они удовлетворяли, насилуя симпатичных панянок в завоеванных польских городах или глуша ее водкой, а свою численность поддерживали, сманивая у родителей жадных до вольной жизни подростков — точь-в-точь, как турецкий султан янычар. Нет ничего удивительного, что этот совершенный мир разрушила именно женщина — царь-баба Екатерина II с выводком своих женоподобных «екатерининских орлов» в напудренных париках.

Но, что бы ни случилось, в каждом из нас все равно жив казак. Каждый мог бы повторить за гоголевским Бульбой: «Не слушай, сынку, матери: она — баба, она ничего не знает».

Мы знаем! Две женщины всегда лучше одной. Лишнюю никогда не поздно выбросить. Главное — не держать их в доме.

P.S. Женщину ненавидишь, как вуйко москаля. И «повбивав бы». Но как потом жить — не ясно. На кого зло сгонять?

Из всех божьих тварей тварь модная — самая суетная. Как гоголевский черт, она сучит ножками, дергает пустопорожней головенкой, трясет фалдами — стремится произвести впечатление. В мозгу у нее всего одна мысль: как я выгляжу? Зато она настолько сильна, что полностью подчиняет все ее существо.

По одежке встречают, по уму провожают. Рабы моды помнят только первую часть этой истины. Им хочется, чтобы по ширине лацкана оценивали толщину их кошелька. По длине юбки — крепость моральных принципов. По сверканию дешевых стразов — блеск ума.

Эпоха, сделавшая героями портных, не достойна строчки в учебнике истории. Разве кто-то помнит имя прото-Кардена, пошившего сюртук Наполеону? Разве не лично Черчилль придумал собственный имидж с сигарой и галстуком-бабочкой? И разве не сам товарищ Сталин, без чьей-либо подсказки, почувствовал, что в армии пора вводить погоны, потому что империя построена и нуждается в надлежащем шике?

Сильной личности мода не нужна. Она диктует стиль на века, а не на сезон. Стая мартышек, собравшихся на показ, чтобы выяснить, какую шерсть нынешней зимой носить, не вызывает у нее ничего, кроме презрения.

В великую мужскую эпоху, сто лет назад, для моды был отведен скромный угол на женской половине дома. Чиновники и военные без всяких подсказок помнили, что и когда следует одеть. Последние вообще не имели права появляться в штатской одежде. Фасон мундира утверждал лично царь. Каждый юнкер, получая первый офицерский чин, знал, что августейший модельер раз и навсегда позаботился о красоте его внешнего вида.

Простонародье с единообразной красотой одевалось в то, в чем теперь скачут на сцене фольклорные ансамбли. Даже адвокаты — лица свободной профессии, выступали в суде только во фраке. «Не снимать фрак неделями» — на их жаргоне означало процветать, день за днем отрабатывая заказы. Мода в нашем понимании оставалась прерогативой слабого пола, и прощелыг, вроде Голохвостого, у которого, кроме фасона, ничего за душой не имелось.

Теперь времена изменились. Женщины добились с мужчинами равных прав. Но в результате только опустили их до уровня себя. Неудивительно, что центральной фигурой в современной индустрии моды стал знаменитый пидор, растиражированный в десятках копий. Сладенькие мальчики Дольче и Габана, старый очкастый папа Карло Лагерфельд, по-бабьи обмахивающийся помпадурским веером, и целый выводок пухлявых отечественных виртуозов наперстка с железными задницами, по которым так и хочется заехать кавалерийским сапогом — всю эту нечисть отличает одно: атрофия мужского начала.

Пушкин ошибался: нельзя быть дельным человеком и думать о красе ногтей. Ногти даны самцу не для того, чтобы красоваться на выставке достижений маникюрного хозяйства. Ими можно цепляться за неровности почвы, карабкаясь в горы, рвать горло врагу, отмечать маршрут по карте, когда сломался карандаш. В крайнем случае — просто чесаться. Выскоблил из-под них грязь, подстриг ножницами, вделанными в перочинный нож, — и ладно. Вместо того чтобы шлифовать бархоткой декоративные когти (на портрете Кипренского видно, сколько внимания уделял Александр Сергеевич этой части своих верхних конечностей), поэту следовало чаще упражняться в тире. Тогда бы кавалергард Дантес не уехал из России невредимым, а лег в мерзлую петербургскую землю с аккуратной

дырочкой в шинели, не поддающейся никакой штопке.

Победитель всегда одет в лохмотья. Запорожские казаки, презирая роскошь, пускали отобранные у турок шелка на портянки. Роскошный гитлеровский вермахт, одетый, как для посещения борделя, расколотила в пыль корявая Красная армия в обмотках и брезентовых ремнях. Элегантные американцы, пижонисто засовывавшие пачки сигарет прямо под маскировочный ремень на каске, драпали из Вьетнама от туземцев, обутых в резиновые тапки. Отсутствие в подошвах «вьетнамок» титановых пластин почему-то не помешало гоняться за «зелеными беретами». Как говорится, было бы желание!

Горе стране, президент которой модник. Хрустя перед телекамерами накрахмаленными манжетами, не поднимешь экономику — тут следует засучить рукава. Когда политические обозреватели начинают всерьез рассуждать о парламентской моде, писать в отчетах, у кого из нардепов на руке «Фрэнк Мюллер», а у кого — «Омега», и прикидывать, две или три тысячи долларов стоит костюм у председателя комитета по борьбе с организованной преступностью, ясно, что такой законодательный орган пора ампутировать. Нечего превращать государственное учреждение в филиал бутика.

Помните, как сторел при Ельцине российский генпрокурор Скуратов? Сначала заказал фирме-донору пару десятков костюмов для себя. Потом стал разгуливать по бане уже без всякой одежды в компании продажных девок. А в результате из «ока государева» неожиданно превратился в человека, только «похожего на прокурора». Странно! Иметь власть — и променять ее на лапсердак, который через год не продашь и на сэконд-хэнде... Интересно, носит ли он сегодня те эксклюзивные костюмчики? Или засунул куда подальше как вышедшие из моды?

Могучие цивилизации разрушались на глазах, прельстившись блестящими заморскими цацками. Экономический баланс Древнего Рима подорвала мода на китайский шелк. Дворянская цивилизация России выдохлась, обставив поместья завезенными из Парижа гарнитурами. Какой прок был Воробьянинову в его гамбсовских стульях? Лучше бы отслюнил сотню-другую на зарплату полицейским, сторожившим его особняк. Может, не было бы тогда никакой революции. Не пришлось бы гоняться по Совдепии за тещинными бриллиантами, выслушивая от Остапа: «Куда вы? ГПУ само за вами придет!»

В одной из читанных в детстве книжек меня поразила забавный рассказ. Германский путешественник заехал в гости к какому-то африканскому царьку. Того вынесли к нему верхом на старом продавленном диване, купленном у капитана европейского корабля. Царек использовал его вместо трона, выменяв на пару десятков соотечественников. На голове у жертвы моды красовалась еще одна «шикарная вещь» — старая: медвежья шапка французского гренадера, которую «великий монарх» приспособил в качестве парадной короны. Ничего не напоминает?

Разве не так же разбазарили Советский Союз, обменяв величие на американские джинсы? Я еще помню те времена, когда одноразовая зажигалка с надписью «Marlboro» считалась чуть ли не символом принадлежности к высшему обществу. Теперь такую можно найти в киевской грязи на улице. А новые продажные твари из телевизора убеждают меня, что модно носить какие-то тряпки от крашенных итальянских педрил, не забудущих прикупить на выручку не подвластную никаким «пискам» виллу на берегу Адриатики.

Мода — всегда дрянь. Она рассчитана всего на год. В следующем году будет новая. А я не покупаю даже жемчуг, потому что через сто лет он непременно состарится. Я люблю все вечное. А вечны в нашем мире только три вещи — земля, оружие и слава. Залевского

непременно забудут, как забыли портного Наполеона. Но у него еще есть время пошить мне сюртук. Я расплачусь за него парой строчек в мемуарах, если вещь будет действительно стоить того.

Директива домашнему повару

Баба вползает в душу наподобие котлеты. Сначала шкварчит, как на сковородке, а потом дает себя съесть. Но, в отличие от котлеты, она имеет способность воскресать и внедряться в твою жизнь надолго. Иногда даже навсегда. Причем, с гарниром — родственниками, домашними животными и детьми.

Тогда ты задумываешься: где ее подлинное место? Куда поставить вещь, чтобы не портила интерьер?

Некоторые всерьез пытаются делать из своих подруг бизнес-вуменш. Мол, смотрите: моя — умная! Не только гимнастику в кровати делает, а еще и считать умеет! Другие вбухивают астрономические суммы, превращая жен в певиц. А как иначе? Не пропадать же таланту, раз человек научился так синхронно открывать напомаженный рот под фонограмму? Третьи... Черт с ними, с третьими. У них тоже ничего не получается. Только деньги зря потратили.

Божье откровение в ином: место женщины — на кухне. Нет таких сложных вещей, которые нельзя было бы свести к простым. Мир устроен элементарно. Им руководят инстинкты. И главный из них — пищевой. На пустое брюхо не работается и не любитя. Тем более, не поется.

Дамы это отлично осознают. Если предложить заняться сексом сразу — редкая согласится. Но если сначала в ресторан — шансы резко увеличиваются. Женщина видит: у мужчины серьезные намерения. Он готов крупно потратиться. Может быть, даже гривен на двести! При виде цифры в счете растет и ее самооценка. В постель с вами ложится уже не дешевая шлюха, а дорогая интеллигентная блядь.

Но, разорившись так разок-другой, прикидываешь: кормить, кроме нее, еще и ресторанный повара — накладно. И заводишь собственного — только женского пола. Обученного по совместительству управлять пылесосом, стиральной машиной и некоторыми наиболее похотливыми частями твоего тела.

Этим актом благотворительности помогаешь и себе, и ей. Бедной девочке больше не нужно заботиться о смысле жизни. Вопрос, быть женой или космонавтом, отпадает сам собой. Меньше беспокоит и зависть к голливудским звездам. А также, отечественной «звездочке» Наталье Могилевской, которую замуж взяли, но долго там не выдержали.

На кухне женщина успокаивается. Тут есть что почитать — сборник рецептов и инструкция по эксплуатации электрочайника. Можно попеть — если акустика позволяет. Есть к чему приложить художественные таланты. Например, к обдумыванию дизайна нового разделочного столика.

Некоторые женские особи успокаиваются в этом месте настолько, что постепенно заполняют его собой целиком — лет через десять грудь просто упирается в мойку, а зад — в холодильник у противоположной стены. Лично мне такие экземпляры кажутся пределом совершенства. Они никуда не торопятся, ни за кем не гонятся и ни за что не пилят. А если пилят, то не тебя и твой мозг, а мозговую косточку какого-нибудь домашнего животного, попавшего им на обед.

Говорят, повара-мужчины готовят вкуснее. Сомневаюсь. Мой армейский опыт подсказывает иное. В армии не только весь производственный процесс приготовления борща находится в мужских руках, но даже мытье кастрюль. Тем не менее, поесть вкусно там можно, только забравшись на дом к какой-нибудь сердобольной жене офицера, пожалевшей

бедного солдатика.

Помню, была у меня такая. Не женщина — картина! Нет, порнографическая открытка — супруга полковника генерального штаба! Такие борщи варила — объединенье. Правда, к тому времени я был уже рядовым запаса. А генштаб не советским, а всего лишь украинским... Да какая разница? До сих пор, как живая, стоит в памяти у плиты в одних туфельках и фартушке — ко мне задом, к кастрюльке — передом... Эх, люблю я борщ, господи!

Не тяжелый, скромный, а постненький, диетический — с бурачком, с капусткой и (главное!) с сушеной рыбкой по старому казачьему рецепту — воблой или таранью. Только он — борщ этот — меня с нашей плаксивой Украиной и мирит. С утра встанешь, глянешь на Майдан Незалежности — на похабную девку в веночке с шашлыком в руках... Все, думаешь, еду — к чертям собачьим в Париж навеки! Как Тургенев. Не могу больше выносить надругательства над моим эстетическим чувством! А в обед борщ похлебаешь и попустило — нет, брат, шалишь, сделаем тут страну всем на радость. С двумя государственными языками, со всеми национальными кухнями! И ведь что интересно — в теории приготвилю борщ замечательно. А на практике баба нужна — без нее никак!

Сама по себе женщина — существо крайне жестокое. Можно сказать, вообще без тормозов. Испортить жизнь человеку для нее, что мороженого лизнуть. Но на кухне ее низменные инстинкты сублимируются. Поорудовав топориком, почидав ножичком, наштиговав чесноком цыпленка табака или набив утиную тушку яблоками, маньячка добреет.

В благоуханном мирке гастрономических изысков ей не так хочется тюкнуть вас по голове сковородкой, когда вы возвращаетесь под утро с чужой кухни.

Она понимает, что вы просто ходили за рецептами — знакомились с внутренним устройством других поваров и что все это только ради семьи. Как иначе можно понять, что дома вкуснее?

Каждая женщина воображает себя самым уникальным существом на земле. Она убеждена в своей незаменимости для мировой цивилизации. Только попав в руки строгого и справедливого инструктора, можно избавиться от этого навязчивого бреда. Быть Мадонной или Юлией Тимошенко — почетно. Но еще большего уважения заслуживает скромное воспитанное существо, живущее на кухне и помнящее о своих священных обязанностях.

Оно знает, что главное — не думать о малопонятных словах «самоактуализация» и «феминизм», а вкусно и вовремя заваривать утренний кофе, выбирать на рынке свежее мясо и постоянно удивлять чем-то новеньким самого важного клиента — законного супруга.

Только в этом случае кухня существа может стать больше, жизненное пространство — шире, а скромное житейское счастье — заслуженнее.

Каждая семья напоминает маленькую армию, где муж — танковый корпус, а жена — зам. по тылу. Чтобы танки прорвались на вражескую позицию, их нужно заправить соляжкой, подвезти боекомплект и развернуть полевые лазареты. Ведь даже после самого успешного боя бывают раненые — они нуждаются в заботе и утешении. Так и в семейной жизни: без домашнего обеда и доброго слова ваш собственный танк никуда не побежит.

В законодательстве Италии есть замечательная статья: мужчина может там потребовать немедленного развода, если жена попыталась принудить его к любой кухонной работе. Все проблемы Украины оттого, что у нас такой статьи нет.

Формы в униформе

В моменты редкого просветления любая женщина осознает, что она — всего лишь скоропортящийся товар. Эдакий сексуальный творожок с постоянно колеблющимся от перееданий и диет процентом жирности. Отсюда ее помешательство на упаковке. Не заботясь о своем качестве, самки вида *homo sapiens* только то и делают, что натягивают на себя обертку поярче.

Если архитектура — это застывшая музыка, то дамское платье — замороженная истерика. У типичного мальчика много игр. У девочки только одна — обратите внимание, какая я красивая. Выражение «крик моды» могло возникнуть только по этой причине.

Шубки, юбочки и чулочки. Лак для ногтей и кожаные курточки. Декольте, оборочки и рюшики. Сто тысяч разновидностей бюстгальтеров. И еще столько же фасонов туфельек. Все это придумано с одной целью — убедить мужчину, что под ворохом капустных листов не малоаппетитная кочерыжка, а сладкое сокровище. Уникальное и невыразимо прекрасное.

Но нормальный молодой человек стремится не к уникальности, а к унификации. Его интересует в девушках простота в эксплуатации и взаимозаменяемость. У него свой взгляд на женскую одежду. Платицу «от кутюр», сигнализирующую, как дорого стоит то, что под ним, он предпочитает стандартный наряд школьницы, медсестры или походно-полевой шлюхи в камуфляже.

Мужчина жаждет абсолютной власти. Униформированная женщина — вызывающе антииндивидуальна. Всем своим видом она показывает, что готова к подчинению.

Как бы далеко ни ушло человечество от первобытного существования, но изначальная форма его бытия — стая — жива до сих пор. Ей только придумали цивилизованные названия — фирма, контора, государство. Вожак всегда имеет приоритет на употребление подконтрольных самочек. В стародавние времена он помечал их лично. Но когда вид размножился, а количество особей переросло осязаемые пределы, маркировкой стала служить форма или хотя бы ее детали, заменившие непосредственный контакт шефа с телом.

Популярная эротическая фантазия — секс в офисе — выросла на этой почве. Деловой стиль одежды — та же униформа. Строгая юбка до колен, белая блузка и папка под мышкой у юной особи, имитирующей трудовую деятельность, может возбуждать не меньше, чем выводок шоу-герлз с перьями в задницах, вскидывающих ноги выше головы.

В отместку целая категория женщин тащится от офисных мальчиков в галстуках и пиджаках. Я знал одну продавщицу, которая не могла устоять против костюма в полоску, какой бы негодяй его не носил. Жертва фетишизма так и не вырвалась из плена стереотипов. Увлажняясь при виде каждого молодца, похожего на ее идеал, она до сих пор стоит за прилавком в «Метро-граде». Деловой костюм ассоциируется у нее с преуспеванием. Она не верит, что Бил Гейтс ходит на работу в свитере, а президенты давно встречаются без галстуков.

Некоторым романтикам нравятся девушки в матросках и бескозырках. По-видимому, они мыслят свою жизнь как гигантский корабль, чья команда, вплоть до кочегаров, состоит из слабого пола. Поднялся на мостик — употребил «рулевого». Спустился в кают-компанию — чпокнул парочку «стюардов». Где-то между трапами зажал «старпома» с грудью третьего размера. Пока не нападут пираты — плыть можно.

В тяге к медсестрам в обтягивающих мини-халатиках есть что-то глубоко

неполноценное. Мужчина, страдающий такой фантазией, ищет в девушке заботливого друга. Ему не хватает преданности и доброты. Вселенная пугает его. Это тип вечного дезертира, предпочитающего отлеживаться в госпитале, пока другие воюют. Его не прельщает мираж вражеского города с домохозяйками, готовыми сдаться в сексуальный плен. Он сам уже сдался в обмен на бесплатный укол сочувствия.

Зато субъекты, грезящие о школьницах старших классов, экипированных на манер дуэта «Тату» в клипе «Я сошла с ума», вызывают искреннее уважение. Сокращение несовершеннолетних — занятие для настоящих мужчин. Белые гольфики и плиссированные юбочки легко могут одеть в тюремную робу. Хотя современное законодательство в этой области, на мой взгляд, слишком строго. Древнерусское уголовное право было куда либеральнее. Оно считало несовершеннолетними только девиц до тринадцати лет. То есть, до наступления физиологической зрелости. Глупо пичкать грудастых десятиклассниц алгеброй и запрещать взрослым дядям делиться с ними азами житейского опыта. Парламенту тут есть над чем поработать. Широкое поле для законодательных инициатив — налицо. Главное, чтобы среди депутатов хватило истинных почитателей «Лолиты» Набокова, а не двуличных извращенцев, блеющих с трибуны о защите культуры, а тайком бегающих в публичный дом.

Огромной популярностью пользуются девушки в армейской форме. Война способствует падению моральных норм. Преступления автоматически становятся подвигами. За то, за что в мирное время могут надавать по шапке, теперь дают ордена. Барышни под пулями возбуждаются легко, понимая, что фронтовые потери приводят к тотальному дефициту мужчин. Динамщицы исчезают как класс. Втайне каждый мечтает оказаться на войне. Ухаживания тут сведены к минимуму, ресторанов нет, цветы — только полевые, а огромное количество гниющих трупов вокруг наталкивает самых несообразительных баб на мысль срочно приложить усилия для восстановления сократившейся популяции.

Но никто не хочет женщину-пожарного, женщину-космонавта и женщину-водолаза. Не потому, что огонь, космос и пучина пугают нас. А лишь по той причине, что спецснаряжение лиц этих профессий слишком тяжело для любовных игр. Представьте, что в кровать к вам ввалилось нечто в скафандре. Или в жабьих лапах, воняющих резиной. Немногие захотят делить с таким чудовищем постель. К тому же, в любой момент есть риск пережать какой-нибудь жизненно важный шланг и вместо оргазма стать безутешным свидетелем агонии партнерши.

Зато пикантную горничную из отеля хочет любой. Пятизвездочная гостиница — идеальное место для воплощения сексуальных идей. В ней имеются бар, бассейн, тренажерный зал и даже собственная дизель-электростанция, автоматически врубающаяся в тот момент, когда во всем городе исчезает ток. Комфортабельные лифты склоняют к разврату. Номера оснащены двуспальными кроватями. Узкие коридоры с коврами дорожками сами собой направляют на путь порока. Не мудрено, что тут так и хочется нанизать на вертел покорное существо в передничке, готовое потворствовать самым разнузданным инстинктам. Впрочем, куда чаще роль этих секс-горничных играют самые обычные проститутки, за сто долларов в час перевоплощающиеся в ту красоту, которая, если и не спасет мир, то хотя бы не даст погибнуть вечеру.

К сожалению, безупречная внешность — такая же редкость, как святость. Только униформа позволяет несколько сгладить эту вопиющую несправедливость бытия. Должным образом сшитая, она отвлекает наше внимание от недостатков скрытых под нею форм.

Хамло женского рода

Традиционно считается, что женщина — животное слабое и болезненное. Поэтому ему принято подавать пальто и уступать место в общественном транспорте. На самом деле это заблуждение. Назвать женщину слабой — то же самое, что презирать холерную палочку за то, что ее видно только в микроскоп. Маленькая, да удаленькая! Проникнув в крепкий солдатский организм, зараза выводит из строя целые армии!

Хамка верит в свою исключительность. Не прочитав ни строчки из Ницше и даже не зная его имени, эта дама с рождения гордо несет перед собой знамя сверхчеловека. Все двери мира — для того, чтобы она открыла их ногами. Все мужчины — чтобы вытерла о них ноги. Все яблоки — чтобы понакусывала. Библейская Ева, несомненно, была хамкой, за что ее и выперли из райского сада. Всю оставшуюся жизнь она посвятила мести — тому, чтобы плодить своих двойников. Эксперимент удался. Теперь хамок много и вклад их в сокровищницу мирового духа все значительнее.

Маленькие хамочки уверенно копошатся в песочницах. Размером чуть побольше — нагло рассматривают в упор школьных учителей. Подростки — отправляются в университеты и колледжи, твердо зная, что это такие места, где они должны показать себя во всей красе. А совсем крупные — портят жизнь окружающим за то, что не сбылась их детская мечта — усестись задом на земной шар и с криком: «Я — звезда!» колотить по нему сандаликом.

Хамке все должны. Правительство не заботится о ее социальной защите. Медицинская система — о здоровье. Мужчины — о досуге. Все в мире плохо. Все нужно поменять. Генеральная уборка должна начаться в шесть утра и никогда не заканчиваться. Подозреваю, что даже покойный Троцкий с его теорией перманентной революции и ныне здравствующий Усама Бен-Ладен с бомбой — на поверку всего лишь две хамки, только прицепившие для маскировки бороды. Слишком уж много в их поведении женской истерики. Обычные же среднестатистические экземпляры просто портят повседневную жизнь, наполняя своими претензиями улицы, базары и жилищно-эксплуатационные конторы.

То, что дорогу в жизни нужно пробивать грудью, хамка понимает буквально. Даже, если, вместо солидного пятого, у нее с трудом прощупывается первый размер, она действует им, как ломом. Горе встретившемуся на ее пути. Черепно-мозговая травма от нечаянного соприкосновения с женской разновидностью хамла гарантирована, как отдавленная нога в маршрутке.

«Кто они, а кто я!» — считает эта зараза, мигом вызывая вокруг себя эпидемию массового остервенения. Не имея голоса, она смело лезет в певички. Фонограмму ей купят. Рожу исправят. Все, что не сделают врачи, почистят на компьютере. А если нет еще на свете такого компьютера, она напишет песню. Что-то вроде: «Полюби меня такой, какая я есть!» Хамло женского пола почему-то свято уверено, что его непременно должны любить. Оно очень болезненно реагирует на ответные проявления агрессии. Может даже грохнуться в обморок от неожиданности. Или из хитрости — чтобы сымитировать невинную жертву.

Мимикрия — надежное оружие хамки. Иногда она годами прикидывается девушкой из высшего общества, рафинированной интеллигенткой или дочерью приличных родителей, чтобы в самый удобный для себя момент показать клыки. Голливудские фильмы о красавицах, за секунду превращающихся в вампирш, и украинские гоголевские панночки —

всего лишь иллюстрация этой метаморфозы. Хамка может даже прослушать университетский курс по этике. Но поступит она всегда исключительно неэтично.

У нее нет тормозов. Начиная карьеру в банде по воровству газа, она впоследствии будет искренне голосить об ограбленном ею народе. Продав лидера партии, расскажет о верности принципам. Отбив любимого у соперницы, публично пожалуется на склонность мужчин к изменам.

Страницы журналов и газет переполнены фотографиями знаменитых хамок. Мадонна, укравшая свой псевдоним у Матери Божьей, Анастасия Волочкова, которую только через суд заставили расплатиться за сделанный в ее квартире ремонт, Алла Пугачева, неизвестно по какой причине вообразившая себя великой певицей — не более, чем широко разрекламированные хамки. Теперь они образцы для подражания и недостижимый идеал для новых поколений своих поклонниц. Хамство в моде. Оно приносит прибыль и дает чувство собственной значимости.

Символические личности, вознесенные силою вещей на самый верх общественной пирамиды, — всего лишь флажки, обозначающие целые социальные явления. Каждая тетка, удачно обругавшая такую же на улице, чувствует себя не менее счастливой, чем Бритни Спирс, рассказавшая в прямом эфире все, что она думает о Кристине Агилере.

Существует две разновидности хамок — красивая и не очень. Первая бунтует по причине своей внешней привлекательности. Вторая — из-за ее отсутствия. Красивая при удачном стечении обстоятельств становится так называемой «демонической женщиной» — мечтой любого мазохиста. Уродливая — просто девочкой для битья — чучелом, на котором упражняются ее более удачливые соперницы. Именно из этой второй породы рекрутируется бесчисленное бюрократическое хамье в юбках, шуршащее бумагами в судах и районных администрациях; такие же бесчисленные посетительницы этих администраций, слоняющиеся по коридорам, потому что им нечем себя занять; наглые продавщицы «на ставке», заявляющие покупателю, что им все равно, купят у них что-то или нет, и те циничные твари, которые оставляют свои использованные тампаки в пляжных кабинках для переодевания. Даже если хамка просто молчит, у нее при этом такое выражение лица, что всем вокруг непременно хочется выругаться.

Справедливость требует признать: время от времени хамка заводится в каждой девушке, точно так же, как хам гнездится в душе благороднейшего из мужчин. Некоторая доза хамовитости нужна любому здоровому организму. Для выживаемости. Просто как прививка. Чтобы знать, какие антитела вырабатывать в случае проникновения в тебя вируса чужой наглости.

Но та же справедливость не дает забыть и другое. Хамло женского рода намного живучее, чем его мужской вариант. Не потому что оно крепче или концентрированнее, а исключительно из-за необъяснимой гуманности. Настоящий хам недолго оскверняет собой ландшафт. Успокаивающий укол штыком в живот или отрезвляющий выстрел из пистолета в затылок миглом превращают нарушителя правил человеческого общежития в то самое, о чем «или ничего или только хорошее».

Такая перспектива вынуждает тщательно подбирать слова самых оголтелых виртуозов ругани. Нет ничего вежливее, чем бандитская «стрелка» или дипломатические переговоры, которые ведут две вооруженные до зубов ядерные сверхдержавы. В крайнем случае, тебя могут уважительно обозвать Империей Зла. Но по матери точно не пошлют.

Чем выше уровень вооруженности, тем утонченнее этикет. Но так как женщины не

любят оружия в принципе, то хамки среди них не переведутся никогда.

Из цикла «Манифест сексуальной контрреволюции»

Инфляция девственности

Встретить девственницу теперь так же трудно, как медведя. Тем не менее, общение с ней по-прежнему не сулит ничего хорошего. Уж лучше познакомиться с медведем. Мишка, по крайней мере, рационалист. Его интересует понятная и полезная вещь — мед. А эта помешалась на такой штуке, смысл которой не в силах оценить даже лучшие умы.

С точки зрения биологии, девственность — атавизм. Что-то вроде аппендикса. Если ее вовремя удалить — все будет нормально. Но стоит этому куску плоти задержаться дольше положенного между ног — воспаление гарантировано. Причем, воспаляется не сама плева, а девственный мозг. Неожиданно для всех он начинает переоценивать себя.

Все окружающее кажется ему теперь низменным и жалким в сравнении с сокровищем, спрятанным под обычными трикотажными трусами. Еще бы! Все подружки трахаются, а как Дева Мария — того и гляди внезапно рожу нового Спасителя. Все растеряли, а я сберегла. У всех нет, а у меня — вот оно!

Единственный недостаток — девственность — нельзя прицепить на грудь, как медаль, чтобы все видели. Поэтому обладательница ее начинает назойливо рассказывать всем о своем богатстве. Сначала подружкам. Потом знакомым мальчикам. А если есть возможность, то и средствам массовой информации. Именно так раструбила некогда о своей девственности Бритни Спирс, миготнув внимание фотографов от прыщавого лба. Одно время ее даже считали Главной Девственницей Планеты. Потом успокоились — девушка начала публично целоваться с Мадонной, и всем стало ясно, до чего доводит сознательное издевательство над собой.

В природе девственницы, как опята, делятся на две категории — настоящие и ложные. С первыми и так все ясно. Вторые напоминают инвалидов войны. Медицина знает такое понятие, как фантомные боли. Это когда раненому ногу уже отрезали, а на погоду она все еще ноет. Точно так же и многим бывшим девственницам начинает казаться, что у них опять что-то выросло. Такая баба становится кокетливой и игривой, отдаваясь с церемониями, как в первый раз. Зрелище не для слабонервных. Особенно, если бабе под сорок.

Тем не менее, на тонкой девственной плеве еще сто лет назад держался колосс европейской культуры. «Сударь, вы обесчестили мою сестру!» — эта хрестоматийная фраза в завязке и два тома резни после нее кочевали из романа в роман. Цензоры рассматривали литературные произведения, исходя из того, можно ли их будет показать «невинной девушке». А толпы глуповатых гимназисток восторженно потели на концертах поэта Блока, даже не подозревая, что человек, читающий им со сцены стихи о Прекрасной Даме, — сифилитик, который сразу же после концерта отправится в публичный дом.

Во всем этом есть что-то трогательно-наивное — как вера в прогресс, Господа Бога и доброго царя, пекущегося обо всех в далеком Санкт-Петербурге, даже когда спит. Но именно девственницы до сих пор являются главными потребителями романтической поэзии и телесериалов. Дамский роман они держат в руках благоговейно, как член, а в экран пялятся, словно вместо Наталии Орейро там проповедует Папа Римский.

Их жалкая карамельная культура со всех сторон подгрызена жизнеутверждающими самцами вроде Генри Миллера или маркиза де Сада. Их иллюзии втоптаны в брусчатку действительности сапогами германских и советских солдат, изнасиловавших в XX веке пол-Европы. Их надеждам и упованиям нанесен смертельный удар сексуальной революцией 60-х.

Но эти вечные монашки как за соломинку хватаются за взявшийся невесть откуда СПИД и лепечут: «Теперь нам снова придется поверить в незыблемость традиционных ценностей!»

Мои друзья утверждают, что, сравнивая девственницу с исчезающим видом, я не прав. Что ныне эта особь переживает ренессанс. Что она снова размножается, доживая в целостности и сохранности не только до третьего, но даже до выпускного курса! И что фраза: «Я твердо решила подарить себя только тому единственному, кто этого достоин», снова оскорбляет своды университетских аудиторий и ночных клубов. «Ты просто всегда славился умением безошибочно выбирать среди женщин отъявленно похотливые экземпляры, — говорят они мне, — а такие рождаются вообще без девственной плевы».

Не скрою, я действительно предпочитаю убежденных распутниц, знающих, что в мире нет других вечных ценностей, кроме разврата и порнографии. Девственницы попадались мне редко. Честно говоря, всего два раза. Первый — на заре моей юности. И несколько лет назад, когда дверь моего служебного кабинета открыло наглое существо, притащившее на рецензию свои стишки и тут же заявившее, что оно является девственницей. Однако я с полной уверенностью утверждаю: у девственниц тоже богатая сексуальная жизнь. Куда более извращенная, чем у их утративших это качество подруг.

Герой уже упомянутого выше маркиза да Сада говорит в одном из романов: «Я не прикаснусь, Жюстина, к тому фантому, существованием которого вы так дорожите. У красивых девушек есть в запасе не только этот дар, и служение Венере может совершаться не только в этом храме. Есть и другие. Я удовлетворюсь самым тесным. Знайте, моя дорогая: близ лабиринта Киприды есть мрачная пещера, куда спрятались от нас страсти, чтобы сильнее манить нас к себе. Там будет алтарь, на котором я воскурю фимиам. Там нам ничто не мешает. При этом способе ничто не может изобличить девицу, каким бы яростным и многочисленным атакам она ни подвергалась. Едва пчела, насытившись соком, улетает, чашечка розы закрывается, и никто не может сомневаться в том, что она никогда не открывалась. Есть множество девиц, которые наслаждались таким манером лет по десяти и с разными мужчинами и выходили замуж во всем блеске своей невинности». Когда-нибудь книга под названием «Сексуальная жизнь девственницы» еще потрясет мир!

А пока нам нужно срочно выяснить, отчего на протяжении тысячи лет именно девственницы пользовались монополией на рынке невест.

Ответ один — дикость. Еще наши бабушки думали, что можно забеременеть от поцелуев. А дедушки верили: изгадил сорочку кровью невесты, значит, спасся от триппера. В эпоху полного отсутствия гарантий невинность якобы гарантировала все. И то, что рожденный первенец точно от тебя. И то, что по наивности жена не будет сравнивать мужа с соседом. И, возможно, (кто их поймет?) даже стабильность вращения Земли вокруг Солнца.

Не стоит забывать: предки были почти полные идиоты. Чуть-чуть умнее баранов. Будь они хоть на полграмма сообразительнее, изобрели бы кроссовки, а не кирзовые сапоги.

Теперь отцовство можно установить генетически. Сопутствующим разврату бацилл останавливает презерватив. Верить в то, что от онанизма сходят с ума, тоже не обязательно. Наука установила — сходят, наоборот, от воздержания. Значит, нет и причин подлаживаться под безумие профессиональных девственниц. Тем более, что с возрастом их претензии только растут.

У них свой сценарий красивой жизни. У нас — абсолютно противоположный. Где им жарко, там нам — мороз. Где они присядут, там мы — рысью. Еще великий киевлянин Александр Вертинский сто лет назад написал веселую песенку об одной переборчивой

барышне, которая мечтала о принце, белом платье, веночке и карете. И дождалась — в этом самом платье с веночком ее и утащили в новый дом. Только вместо кареты был катафалк.

Инфляция девственности надежно обеспечена стабильностью моды на круглые попы. Если п... гарантировано сгниет в могиле, чего целку-то беречь?

Поэзия запрета

Запретный плод сладок. Никто не помнит, кто это сказал. Но несомненно, что автор фразы страдал серьезными нарушениями психики. Мне пришлось продегустировать немало запретных плодов. Большинство из них оказались кислыми, горькими и гнилыми на вкус. Какими угодно — только не сладкими.

Запрещенный советской властью Солженицын при ближайшем знакомстве оказался нудным старикашкой, от чтения которого хотелось сбежать на Запад. Многопартийная система — балаганом. Джинсы — просто повседневной одеждой, довольно неудобной даже в сравнении с юбкой готтентота, не говоря уже об обычных армейских штанах. Зачем с ними боролись в СССР, уму непостижимо! Тем не менее, боролись! Точно так же, как с писаниями войновичей и всякой мелкой «парнасской сволочи», возвращенные имена которой теперь не помнят даже узкие специалисты.

Нужно быть действительно крепко не в себе, чтобы дочитать до конца «Лолиту». Сопливый рассказ пожилого извращенца об уголовной похоти к прелестям двенадцатилетней дуры, наверное, может возбудить психоаналитика, надеющегося нагреть руки на «лечении» такого идиота. Но нормальный молодой человек, вступающий во взрослую жизнь, с куда большим интересом просто попрыгает часика два-три на ядерной бабенке, чем запустит в мозги эту литературную муть. А ведь было время! «Вы читали «Лолиту»? Как не читали? О, вы столько потеряли...» Даже не верится, что первое советское издание «Лолиты», которое во времена моей студенческой юности было днем с огнем не сыскать, в прошлое воскресенье попало мне на Петровке ровно за одну гривню — в стопке таких же «супервостребованных» книг.

А фильм «Покаяние»? С обслюнявленной перестроечными критиками фразой: «Зачем нужна дорога, если она не ведет к храму?». Тоже ведь провалился пару лет на полке! Хотя, если следовать его логике, то никакие другие дороги вообще не нужны. Тебя ограбили? Беги к храму, а не в милицию. Проголодался? К храму! Прихватило желудок? Туда же. Пусть даже у тебя лопнет мочевого пузыря, но тебе не нужна дорога в общественный туалет. Тебе — к храму. Сейчас пафос этого киношедевра не вызывает ничего, кроме рефлекторного содрогания. Но в 1986-м толпы народа действительно усаживались, как зомби, у телевизоров, замороженные только тем, что еще вчера дорога к храму была запрещена.

Из той же оперы массовый успех кашпировских, глоб и чумаков. Если семьдесят лет держать под спудом народных целителей и астрологов, а потом внезапно открыть им шлюзы, ясно, что посмотреть на шаманы пляски сбежится половина страны. А вдруг завтра опять запретят?

Покойный СССР вообще представлял собой удивительное место по части запретов. Когда в восьмом классе я явился в школу с закатанными по локоть рукавами пиджака, учительница украинской литературы тут же обвинила меня в фашизме — в советских фильмах все немцы входили в завоеванные деревни именно в таком «неуставном» виде.

Но этот скорбный дух жив до сих пор! По крайней мере, всего несколько лет назад владелец типографии, где я собирался печатать «Вурдалака Шевченко», на полном серьезе требовал от меня справку из «какой-то цензуры», что такую книжку действительно можно печатать. Мой аргумент, что по украинской Конституции цензура запрещена, не произвел на него никакого впечатления. Отсутствие запрета пугало беднягу больше, чем запрет.

Впрочем, другие страны тоже стараются внести посильную лепту в сокровищницу мирового абсурда. В Израиле до сих пор запрещено исполнение музыки Вагнера на том основании, что покойный имел несчастье оказаться любимым композитором Гитлера. Тот факт, что у фюрера при всех его недостатках мог проявиться хороший музыкальный вкус, не приходит цензорам в голову. Чудовище обязано быть чудовищным во всем. Фюреру нравился Вагнер? Значит, Вагнер и породил фюрера! Если бы фюреру нравился танец «семь сорок», в Израиле запретили бы и его. Непонятно, как до сих пор не запретили автобаны, вегетарианство и высокие сапоги. Все эти вещи тоже когда-то пришлось по душе вождю немецкого национал-социализма.

В Японии считается порнографией изображение волосков на половых органах. Поэтому изобретательный пафос тамошней индустрии разврата направлен на то, чтобы максимально подбрить перед съемкой все, что возможно, а остальное прикрыть трусами — лишь бы перенести поглубже границу дозволенного.

Человечество истово ищет, чего бы еще запретить, не успев избавиться от вчерашних запретов. Ничего странного в этом нет. Сильный стремится к свободе. Слабый — к покою. Моцартов и Булгаковых делают в единичных экземплярах, а для миллионов обывателей высшее творчество — поиск очередного вождя, награждающего их новой порцией общеобязательных табу.

Никто не может сказать, откуда берутся бессмертные книги и великая музыка. Далее те, кто их создал. Во всяком случае, не от того, что покойный Бальзак имел вредную привычку хлебать ведрами кофе, а Шиллер держал ноги в холодной воде. Поколения подражателей делали то же самое, но ничего подобного «Шагренево́й коже» так и не написали. Зато первопричина цензуры ясна, как день, — зависть. Стать гением невозможно даже при примерном поведении. А вот похвастаться тем, что вымарал строчку-другую у Пушкина, мог не только Николай I, но еще и толпа совершенно позабытых историей людей — ординарных, скучных и, в сущности, нужных, как заноза в пальце.

Ненавидя мир, стражи порядка делают вид, что спасают его. «Живем, как на вулкане», — вздыхают ханжи, даже если под ногами у них Вольно-Подольская геологическая плита, способная усыпить Везувий.

В глубине души каждый цензор убежден, что запретить следует саму жизнь. Он ненавидит инфляцию, течение воды в кране, изменение погоды и незаметное взгляду, но болезненно ощущаемое его шестым чувством движение материков. Появившись на свет, как все, из материнской промежности, цензор, тем не менее, делает вид, что не имеет к этому месту никакого отношения. Три четверти слов для него неприличны. Остальные вызывают подозрение. Именно такие люди придумали выражение «Молчание — золото». Хотя, если бы это действительно было так, потенциальные миллионеры добровольно отрезали бы себе языки.

Кухня самообороны

Все войны начинаются со скуки. Но только на войне человек понимает, что такое настоящая скука. Втайне это осознает любой милитарист. Поднимающийся время от времени вой о разрешении свободной продажи револьверов недобитым интеллигентам — мужская разновидность кокетства. Мы и так вооружены до зубов. Штыковой удар костылем в брюшную полость подбрасывает жертву на три вершка от земли, а потом гарантированно низвергает на землю. Точно такой же, но в лоб — убивает наповал. Отточенный карандаш в холодных пальчиках специально проинструктированной студентки способен отправить к праотцам чемпиона по боксу.

Обычная же кухня представляет собой просто слегка замаскированную камеру пыток. Топорик для рубки мяса, спички для поджаривания жертвы заживо, табуретки и сковородки для размягчения человеческих мозгов, иголки для прочистки примуса и памяти пленного, пустые бутылки из-под пива, изысканным ударом по батарее превращаемые в колюще-режущие предметы, и, наконец, пакетик с крысиным ядом для домашней химической войны — страшный список можно продолжить до бесконечности. Лично я выдавал бы каждую из этих опаснейших вещей домохозяйке под роспись перед очередным приготовлением пищи. А потом отбирал все обратно и запирали в специальный оружейный шкафчик. Мало ли что может прийти негодяйке в голову?

Самые жестокие войны ведут не профессионалы, а вооруженный народ. Профессионал смотрит на боевые действия всего лишь как на работу. Его принцип: кому — война, кому — мать родна. А мечта — не труп врага, а вовремя полученная зарплата. Наемные армии всегда норовят превратить яркую и быстротечную бойню в вялотекущий повод для получения премий и орденов. Их войны называются Семилетней, Тридцатилетней и Столетней. Последняя передавалась в родах рыцарей от деда к внуку — как наследственные доспехи. На ее крови выросли целые поколения ленивых душегубов.

Вершиной воинского искусства профессионалов стала одна из междоусобиц XV века в Италии. Тогда два до зубов вооруженных отряда кондотьеров из конкурирующих городов просто съехались на каких-то виноградниках, подсчитали количество своих и чужих, прикинули, у кого выгоднее позиция, выбрали по взаимному согласию победителя и, не потеряв ни одного человека, разъехались по нанявшим их городам.

Зато простая крестьянская девушка Жанна д'Арк, дорвавшись до командования, сразу заявила, что англичане уберутся или на свой остров или в ад, после чего с чисто партизанской непосредственностью начала наматывать кишки британских джентльменов на свои девичьи вязальные спицы.

Смешно, но императора Наполеона победил не дипломированный выпускник Петербургского кадетского корпуса фельдмаршал Кутузов, а дикий русский мужик! Грязный и вонючий — без выправки, строевой подготовки и знания устава караульной службы. Этот крепостной скот, не различавший, где у него левая, а где правая нога, просто отказался давать фураж лошадям императорской кавалерии, а хлеб и мясо — ворчунам из Старой гвардии, отдубасившим пол-Европы при Аустерлице. Но мало того! Полуживотное даже не понимало, какой подвиг оно совершило! Суть происходящего объяснили только его праправнукам, обучавшимся в общеобразовательной советской школе. Оно же докумекало только то, что в деревню пришли какие-то неизвестные господа в красивой синей форме, которых нужно

побыстрее резать косой, как только они нажрались и завалились спать.

Комплектация армий давно ведется вопреки принципам разума. Годными защищать отечество признают только молодых и здоровых, обрекая нацию на вырождение. Хотя немощные и престарелые куда больше годятся для этой функции. Дожил до пенсии — марш на два года в казарму. При современном развитии техники прыть для марш-бросков — пережиток прошлого. К месту подвига старого пердуна подбросят на БТРе. А если ковылять к вражеским окопам пешком на задних конечностях — свыше его человеческих сил, пусть ползет по-пластунски. Кстати, и в тыл такой пехотинец не побежит. Дал волю панике, обратился в бегство — сдох от инфаркта. Гарантированная стойкость пенсионеров в обороне избавит вооруженные силы от необходимости отвлекать личный состав на формирование заградотрядов.

Рождаемость в Европе снижается. Каждый боец — на счету. Глупо разбрасываться таким замечательным человеческим материалом! Любой дед все равно скоро отдаст концы. Так пусть проведет последние дни занятый не болячками, а интересным общественно полезным делом уничтожения себе подобных!

Лиц с неуправляемой агрессией разумнее всего определять в спецназовцы. Просто перед заброской в тыл противника их следует проинструктировать — впервые в жизни можете собой не управлять. Причем, абсолютно. Делайте, что хотите. Хоть головы откусывайте врагу! Родина только скажет спасибо. Война все равно всех делает психами. Так почему же мы так настойчиво прячем психов от войны? Если кто и готов к ее перегрузкам, так это — они.

Запущенный в космос на спутнике-разведчике человек-обрубок без рук и ног увидит то, что не сможет различить никто другой. Ничто так не обостряет зрение, как одновременное лишение нижних и верхних конечностей с добавлением солдатской медали за отвагу. Известие же о том, что на участок прорыва прибыл батальон кастратов, потерявших гениталии в предыдущих сражениях, повергнет вражеское командование в шок. В отличие от остальных, их не испугаешь взрывом гранаты между ног — им уже нечего терять. А войну они воспринимают как глубоко личное, интимное дело, которое ни за что нельзя перепоручать другим. Согласитесь, этим парням есть, за что мстить врагу!

Конечно, воплощение этих принципов в жизнь потребует от политического руководства решительности. Но на то оно и руководство, чтобы быть решительным. Вялые личности не оставляют следа в истории.

На самом деле, патроны не в обоймах, а в головах. Арсенал под кодовым названием Земля к услугам каждого, кто захочет выбрать в его закромах приглянувшееся оружие самообороны. Глупо жаловаться на то, что взрослые дяди не дают купить пистолет, когда вокруг разбросано Господом столько замечательных камней!

Матерная сила

Напрасно сдерживать себя правилами приличия. Там, где пробуксовывает вежливость и замирает высокий штиль, действует матерная сила. В некоторых ситуациях она незаменима. Бессмысленно успокаивать толпу хамов у пивного ларька рассказами о высоком предназначении человека. Но фраза: «Какое у вас тут все-таки, б...дь, бескультурие!» немедленно вызовет у них чувство глубокого раскаяния. Некоторых даже удастся вернуть на путь истины.

Происхождение матерной ругани покрыто мраком времен. Странно, что поколениями обосновывая свой приоритет в изобретении лампочки, радиосвязи и рентгеновского аппарата, открытие мата славяне упорно приписывают татарам. Такое равнодушие к своим истокам не радует! Чтобы гореть, лампочке необходимы провода. Рентгеновский аппарат — ничто без специалиста, обученного им пользоваться. Радио умолкает, как только из него вынули батарейки. В отличие от них, мат бьет не в бровь, а в глаз везде, где есть самый обычный, даже ни дня не ходивший в школу человек. Мату не нужны электростанции, запчасти и техобслуживание. В его применении есть что-то от первобытной магии — того «слова», которым, как в стихах Гумилева, останавливали солнце и разрушали города.

Связанная с важнейшей для существования человека половой сферой, матерщина представляет собой древнейший, уходящий корнями в глубь тысячелетий пласт языка. Выражение, стыдливо заменяемое эвфемизмом «ерш твою медь», несомненно, на порядок древнее, чем слово «хлеб», появившееся только после того, как человек перешел от собирательства к земледелию. Согласитесь, и «ерш», и «медь», и то, что они заменяют, существовали даже у обезьян, а «плюшка» — изобретение куда более поздней эпохи. Подозреваю, что мат — это чудом сохранившиеся в народе остатки священного языка древних славянских жрецов, исторгнутого из официального обихода введением христианства. «Е... же ж твою душу, мать-перемать, о великий, Перуне!» — взывал верховный служитель культа, после чего вымогал у Бога, чего было надобно. Мозг, в отличие от компьютера, нельзя перегружать мусором. Он задерживает только важнейшее. Отсутствие у славян письменности требовало сильных выражений, намертво врезающихся в память.

Отсюда, от прежней языческой святости матерщины, та упорная борьба, которую вела со сквернословием «культура в законе». Дажьбога, Велеса и Триглава христианство объявило демонами. Все относящееся к их почитанию — бесовским порождением.

Отчасти церковь была права. Древнее язычество — совсем не та культурологическая игра, в которую забавляются сегодня некоторые чудачки. В Купальскую ночь не только водили хороводы и прыгали через костер, но и топили вполне настоящую девку — в дар водяному. А Перуну, кроме петухов, резали выбранных по жребию балбесов призывного возраста. Причем, никакой комитет солдатских матерей даже пикнуть не смел! До того, как стать сказкой с русалками и лешими, язычество было такой реальностью, от которой мороз по коже!

И все же не обошлось без перегибов. Вместе с водой чуть не выплеснули ребенка. Народ сопротивлялся этому, как мог. Стоило его хоть чуть-чуть подучить грамоте, как он тут же начал материться в письменном виде. Ядреные выражения то и дело попадают в Киеве на стенах древнерусских соборов. Самые безобидные из них, случается, проникают в научные издания. Но по-настоящему вкусные пересказываются археологами только в своем кругу —

под пиво, рыбку и разговор по душам.

Почти незамеченной прошла находка в культурном слое летописного Вышгорода XI–XII веков детали от прялки с надписью, гласящей, что принадлежала она некой Бляди. Словно стесняясь собственной смелости, автор статьи в журнале «Археология» прокомментировал, что слово это употреблено в «полностью положительном смысле», «воплощая судьбу в ее женских причинах, приближенных к природным силам интимнейшей сущью человеческого бытия».

Да черта с два видел в этом кто-то уже тогда положительный смысл! Нечего нас дурить! Еще церковный устав Ярослава Мудрого однозначно гласил: «Аще кто назовет чужую жену блядию, а будет боярская жена великих бояр, за срам ей 5 гривень злата, а митрополиту 5 гривень, а князь — казнить». Облаять жену «меньших бояр» стоило только 3 гривны, причем, без риска для жизни, а еще три — митрополиту. Зато всего за 60 резан — весьма мелких, по сравнению с гривной, монет — можно было обложить тем же термином сельскую бабу, что являлось недорогим развлечением, доступным даже человеку со средним достатком. Облегчил душу, и всем хорошо — и тебе, и бабе, и княжьей администрации,

Как показывает опыт, из языков завоевателей туземцы, прежде всего, усваивают ругательства. Вызрев в горниле Древней Руси, напитавшись живительными соками народной мудрости, матерное слово победно двинулось во всемирный освободительный поход. В Советской Армии мне приходилось общаться с представителями народностей, о существовании которых большинство даже не подозревает. Даргинцы и турки-месхетинцы, гагаузы и зыряне, почти бессловесные горные таджики, которых ни за что на свете нельзя путать с равнинными таджиками-кулябцами, не говоря уже о куда более популярных в широких научных кругах молдаванах и кабардинцах, тут же приходили во вполне вменяемое состояние, заслышав перлы из сокровищницы русской речи. Практика показывает, что десяток этих отборных лексем вполне заменяют присягу и все уставы, вместе взятые, включая боевой.

Один умный узбек-сержант по фамилии Таджиев, сын муллы, питавший глубокое уважение к тому, что до армии я успел проучиться целых два курса в университете, на полном серьезе убеждал меня, что матерщину придумал сам Аллах, чтобы народы жили в мире и лучше понимали друг друга.

Мат чрезвычайно многообразен. Он преисполнен совершенно взаимоисключающими смыслами. Все зависит от интонации. Одно и то же слово может означать и высшую степень презрения, и романтичнейшее признание в любви. Отрицательная энергия, заключенная в нем, тут же трансформируется в положительную, и наоборот. Девушка, умеющая ругаться в постели, как дореволюционный извозчик, — подарок небес. У нее, наверняка, не бывает проблем с оргазмом. Скрытая матерная сила, заключенная в ней, способна превратить ужин в постели на двоих в незабываемый праздник. Особенно, если это профессорская дочь, протестующая таким образом против ханжеского воспитания родителей.

Но, как говорил Зоценко, «во всяком безобразии следует соблюдать приличия». Мат плох не сам по себе, а там, где неуместен. В парламенте и суде он так же смешон, как пьяный боксер, принявшийся размахивать кулаками на благотворительной вечеринке. Но на поле боя, в борделе и в уличной драке он незаменим. Разговаривать с бесами можно только на понятном им языке. Иначе они так и не поймут, что пора покинуть приличное общество.

Мат компроматом

Человеку честному имидж не нужен. Ему и так хорошо — он довольствуется сознанием своей правоты. В отличие от него, подлец вынужден заботиться о своей репутации. Ибо массы, барахтаясь в житейской грязи, хотят видеть во главе себя только образец нравственности.

В их убогом представлении президент не имеет права ходить по бабам, воровать народные деньги и продавать национальные интересы. Ему запрещается хватать за задницу жену соседнего президента во время государственного визита, материться на заседаниях правительства и швыряться столовыми приборами по причине несварения желудка. Тем не менее, он тоже человек и ничто человеческое ему не чуждо. Идя по трупам наверх, особенно хочется тепла и сочувствия.

Представьте хоть на мгновение, что вы оказались в его кресле и вам «для ознакомления» принесли документы на приватизацию скромного горно-обогатительного комбинатика. Кому отдать предпочтение? Вот этой серьезной фирме, представившей пачку безупречных обоснований? Или той банде прощелыг, поднявшихся на торговле наркотиками, но не забывших засунуть между листочками чек на пять миллионов у.е.? Причем, на ваше имя и с аккредитивами солиднейшего швейцарского банка, излучающего вокруг себя атмосферу финансовой добропорядочности...

А у вас было тяжелое детство... А премьер-министр — вор и скотина. А на кабмине — клейма негде ставить. А ваши дети растут... И так не хочется, чтобы и у них было тяжелое детство. И до выборов — всего ничего. А за ними — мрак неизвестности и пайка пенсионера. Да ну их к лешему — государственные интересы! Кто их видел, на самом деле? Вокруг одни хищнические инстинкты!

И вот вы уже вызываете на ковер председателя Госкомприватизации (или как его там?) и даете ценные указания, как и кому нужно посодействовать в деле разумного перераспределения общественной собственности.

По-человечески вас очень даже можно понять. Но как не понять и того «честного» генерала вашей же спецслужбы, который сиганет на Запад, прихватив на память пару-тройку секретных бумаг, доказывающих, что вы отнюдь не тот ангел, за какого себя выдавали. А другой — чуть-чуть потемнее перьями. Ведь это вы, увлекшись «приватизацией», платили ему жалованье, равное сержантскому в приличной натовской армии! Так стоит ли теперь жаловаться, что вокруг одни предатели?

Молчание всегда дорого стоит. В X веке на богоспасаемой Руси еще не было горно-обогатительных комбинатов и приватизационных аукционов. Но дружинники князя Владимира уже возмущались, что князь лопают серебряной ложкой, а они — деревянными. Прислушавшись к критике, добрый князюшка приказал наделить всех приборами из чистого серебра. После чего изрек историческую фразу: «Серебром и золотом не добуду я другой такой дружины, а дружиной добуду и золото и серебро». Да, видать, позабыл кого-то наградить впопыхах! В результате мы знаем, что смолоду креститель Руси был большой оригинал — и брата Ярополка заказал варягам, и Рогнеду растлил прямо на глазах у родителей, и даже человеческие жертвы приносил Перуну. Как пить дать, донес на него какой-нибудь обойденный дружинник, которому не хватило столового серебра!

Компромат можно нарыть на каждого. Наивно думать, что вы лучше других только

потому, что еще не выползли на свет истины. Добейтесь чего-нибудь. Получите мало-мальски значимый государственный пост. Заработайте первый миллион. Станьте звездой. На худой конец, завоюйте любовь красивой девушки. Вы тут же услышите со всех сторон, какая вы сволочь!

Какие-то полузабытые одноклассники припомнят, как в тысяча девятьсот бог знает каком году вы вместе воровали яблоки в колхозном саду. Брошенная любовница расскажет в прессе, что у вас маленький пенис, но зато гигантская склонность к домашней тирании. А изгнанный за пьянку личный шофер поведает, что вы — тупица, так как сами никогда не садились за руль.

В свое время бешеным успехом пользовались мемуары горничной принцессы Дианы, состоявшие из описания смятых простыней, скандалов с мужем и разносов обнаглевшей прислуге. Центральным местом в этом шедевре был «натюрморт» кровати принцессы с гигантским пятном спермы, оставленным ее любовником — гвардейским офицером. Может быть, именно эта картина окончательно побудила принца Чарльза подать на развод. Но я не ручаюсь, что пятно существовало в действительности. Возможно, оно — всего лишь плод фантазии литературно одаренной горничной, искавшей гонораров и славы.

Правда состоит в том, что люди гораздо охотнее верят в мерзость, чем в доброту. Они с удовольствием будут слушать, как во время службы в армии кто-то насилует ни в чем не повинных туземных девочек, но только скептически хмыкнут, если вы расскажете, как делились с этими девочками хлебом, проклиная судьбу за то, что она загнала и вас, и их в эту дыру. И попробуйте доказать, что во время войны вообще мало кого хочется насиловать — на спине килограмм сорок казенного барахла и короста соли от пота, а в голове только две мысли — уцелеть и выспаться!

Когда не хватает правды, в ход идет обыкновенная ложь, приправленная россказнями о свободе слова. Перед очередными выборами большим успехом пользовалась статья в одном из киевских бульварных листков. Она называлась примерно так: «Нет, мы не писали, что политик N — гомосексуалист». Суд совершенно справедливо оштрафовал редактора «горчичника» на восемьдесят тысяч зеленых за распространение порочащих слухов, хотя в частном разговоре судья, выносивший решение, признался, что с большим удовольствием набил бы мерзавцу морду.

Когда Хрущев начинал кампанию по дискредитации покойного Сталина, он даже не догадывался, что сам роет себе могилу. Когда Горбачев, с куда большим размахом, повторяя его судьбу, обрушился на пороки взрастившей его коммунистической системы, правдолюбцу и в голову прийти не могло, что вскоре его полная несостоятельность как политического вождя станет ясна в СССР последнему идиоту.

В отличие от них господин Путин предпочитал помалкивать о грехах предшественников — хотя, наверное, много бы мог о них рассказать. По-видимому, ему было куда больше по душе высказывание того же Сталина, деспотизм которого спас мировую демократию от нацистского зла: «На мою могилу нанесут гору мусора, но ветер истории развеет ее!»

В школе злословия давно следует ввести обязательный спецкурс под названием «Расплата». Глава в учебнике о ней должна начинаться так: «Компроматометание — занятие для лиц с крепкими нервами и кристально чистой репутацией. В противном случае, из палача вы рискуете превратиться в жертву со всеми вытекающими последствиями — презрением окружающих, головной болью и последующим захоронением без воинских почестей под горой обрушившегося на вас со всех сторон компромата».

Преступления детектива

Не так давно в мои руки попался новомодный детектив о похождениях поручика Ордынцева. В разгар гражданской войны доблестный белогвардеец шляется по тылам своей не менее доблестной Белой армии и, вместо того, чтобы вешать комиссаров, распутывает темные истории. Обстоятельно, словно в кабинете на Бейкер-стрит. Возможно, кто-то и поверит в этот фантом.

Я же вспомнил своего дедушку — простого казака, 1902 года рождения, успевшего помахать шашкой в гражданскую. Легендарные времена он вспоминал несколько иначе. Дед зажмурился и с удовольствием выщеживал: «Тоди людыну було вбыты — раз плюнуты!» Лично я верю ему, а не детективу. В его словах чувствуется бесценное свидетельство практика о явном кризисе дедуктивных методов перед лицом массовой готовности к душегубству. Но даже когда этой готовности нет, метод все равно в кризисе.

У колыбели детектива стоял сумасшедший — Эдгар Алан По. Глубоко уверенный в своем интеллектуальном превосходстве над окружающей действительностью, этот алкоголик в 1841 году написал первый в мире детективный рассказ — «Убийство на улице Морг». Чтобы поразить воображение обывателя, убийцей он сделал орангутанга, сбежавшего в Париже от своего хозяина-матроса. В мире как раз появились первые зоопарки, что необыкновенно расширило естественнонаучные познания среднестатистических граждан. Пролетарии водили своих подружек полюбоваться на пленных африканских обезьян, а те визжали от одной только мысли, что будет, если «чудовище» вырвется из клетки.

По, в конце концов, умер от алкоголизма. Но от него произошли все современные писатели-детективщики. А от его орангутанга с бритвой — все литературные преступники. Такие же свирепые и такие же «правдоподобные». Дурное семя принесло нездоровые плоды. Человеческая глупость, умноженная на безграмотность, дала удобрение городской почве, на которой выросли такие проходимцы, как Конан Дойл и Агата Кристи.

Детектив — всегда детище мегаполиса. Профессор Мориарти может процветать только в Лондоне. Фантомасу — нигде жизни нет, кроме Парижа. В деревне не бывает чудовищных преступлений. В уездном городишке тоже. Тут трудно украсть не то что алмаз Раджи, но даже кабана у соседа. Скучность провинциальной жизни заставляет всех шпионить за всеми. В каком-нибудь баварском захолустье Штирлица вычислили бы за неделю — как Павлика Морозова. Но в каменных джунглях затеряться проще, чем в настоящих. Тут есть что порасследовать.

Миф о всемогуществе литературных сыщиков породила убогость достижений штатной полиции. Все знают успехи Шерлока Холмса и мисс Марпл. Беда в одном — ни один из них не существовал в действительности. Представьте мужика, который живет в центре Лондона, ширнется дорогими наркотиками, нигде не работает, не ходит по бабам и не интересуется гонорарами. Верите? Я — нет. За что-то же этот джентльмен должен существовать? Лично у меня две версии. Либо Холмс — германский шпион. Либо он с его страстью к переодеваниям — дорогая проститутка-трансвестит. В любом случае пора приглашать ребят из ведомства Берии. Они мигом разоблачат «врага британского народа».

В мировой литературе есть только один честный образ сыщика-единоличника — пана Штендлера по прозвищу «голова-шишка» из «Похождений бравого солдата Швейка». Все его детективное рвение уходило на отслеживание чужих мужей и жен во время случаев «на

стороне». Бедный Штендлер от этого ходил постоянно грустным и закончил тем, что сам однажды залез в постель к замужней даме, где и был мгновенно разоблачен детективом Шпахом из конкурирующего сыскного бюро. В повествовании Гашека кроется сермяжная правда. Расследование супружеских измен — максимум, чем занимаются реальные шерлоки холмсы. На большее просто нет спроса. Потрясающие воображение «пестрые ленты», собаки Баскервилей и бассейны с отравленными рыбками существуют только в воображении «мастеров детективного жанра». В их книгах преступления всегда раскрываются. Но только потому, что их придумывают сами авторы.

Несмотря на все успехи криминального чтения, до сих пор неизвестно, кто «заказал» Тутанхамона, президента Кеннеди и царевича Димитрия, от которого «мальчишки кровавые в глазах». Правда, Кеннеди успокоили совсем недавно. Каких-нибудь сорок лет назад — явно мало для приличного расследования. Но с Тутанхамоном-то можно было разобраться за три тысячи лет? Кто стукнул его «тупым предметом по голове», как утверждают археологи? Или, может, он по неосторожности с трона упал? Египет — страна маленькая. Бежать тут некуда. Посредине — Нил. Справа, слева — пустыня. Но не нашлось ни одного правдолюбца, который бы спросил: «А что с нашим фараоном-то, братцы?»

Грустная истина гласит: вся мировая полицейская система до сих пор держится на двух китах — доносе и пытке. Первое деликатно именуется в уголовном кодексе «сообщением о преступлении». Второе — как бы вовсе не существует. Но, тем не менее, живет и здравствует. Не оставляющий следов на теле удар по почкам известен любому профессионалу.

Конечно, в старые времена было веселее! Петровская инструкция «како пытать» оговаривала все тонкости. Пытали три раза, поднимая на дыбу и выворачивая суставы в руках. Если показания во всех трех случаях совпадали — процесс прекращался. Если подследственный начинал путаться, добавляли еще подъемник-другой. И так, пока три попытки подряд бедолага не говорил одно и то же — искомую «истину». Метод варварский. Но в стране, где второе лицо в империи — князь Меншиков умел только подписываться, а не писать, было не до тонкостей перекрестных допросов.

За годы журналистских приключений мне пришлось повидать разных следователей. Точно так же, как разных политиков и разных «звезд». Я помню интеллигентного капитана, устало пошутившего, что «живой мент, в отличие от киношного, расследует сразу двадцать пять преступлений в день и все без успеха». И разгильдяя-лейтеху, признавшегося, что не мог взяться за дело, так как «загулял вчера на дне рождения». И вполне реальную Каменскую лет сорока, пожаловавшуюся на то, что она стирала дома все воскресенье.

Честно говоря, эти встречи дали больше, чем чтение полного собрания сочинений Конан Дойла. Они избавили меня от веры в правосудие.

Любимым в детстве детективам я вынес собственный приговор — вечная ссылка на самую дальнюю полку в библиотеке. Хотя иногда подумываю: а не приговорить ли их к сожжению, как еретиков в Средневековье?

Насилие высокой культурой

Старый маразматик профессор Преображенский проповедовал: «Никого драть нельзя! На человека и на животное можно воздействовать только внушением!» А что бы он сказал, если бы встретился не с безопасным Шариком, а с бешеным бультерьером?

Цивилизация любит противопоставлять себя варварству. Толпы миссионеров облагораживают Африку в уверенности, что туземцы обязаны без промаха мочиться в унитаз и помнить десять христовых заповедей. Болтуны-политологи громоздят пирамиды доказательств, обосновывая преимущества демократии. Благородные речи о необходимости мирного совершенствования всего и вся несутся в режиме «нон-стоп» с телеэкранов и парламентских трибун. Все убеждены в благотворности культуры, так, словно она — залог гуманности и духовной гигиены.

Но подлинная культура — достаточно жестокая вещь. Она всего лишь форма, в которую варвары вливают свою горячую живую кровь. Киевский гимназист Миша Булгаков навеки остался бы никому не ведомым интеллигентным наркоманом, не случись в его стране одна из самых чудовищных революций. Революция выгнала его прикладом на мороз из уютной квартиры на Андреевском спуске, столкнула лицом к лицу с петлюровскими рожами и дала тему для творчества. В результате рассказы о встречах с морфием заняли в булгаковском наследии подобающее им скромное место! Зато у нас появилась возможность щелкнуть каблуками и отдать честь автору «Белой гвардии». А если бы петлюровцы, не дай Бог, не пришли?

Культура — отнюдь не то, что она о себе воображает. Современная цивилизация напоминает любительницу мясного, неспособную лично зарезать курицу. Мир для нее — гигантский ресторан. Но на кухню, где орудует ножом здоровенный негр, она предпочитает не заглядывать. Хотя шинкует-то негрятка для нее! Ведь, если бы для себя потел, давно бы уж прикончил не курицу, а хозяйку! «Скажите, Бен, — спросил я как-то у одного знакомого американца, — вам никогда не снилось, что индейцы скупили Голливуд и снимают фильм об очень плохих ковбоях, которых вешают с соблюдением всех формальностей римского права?» «Отличная шутка!» — ответил Бен.

Однако у этой шутки есть все шансы стать реальностью. Просто индейцы будут не из резервации, а из соседней Мексики. Такие милые симпатичные «пеоны» в круглых сомбреро величиной с колесо от телеги.

От природы простой человек — достаточно скучное существо. Его потребности редко выходят за пределы физиологических. Фантазия приближается к нулю. Учебники трактуют его как «гомо сапиенс». Гуманисты называют «царем природы», несмотря на то, что оставленный без присмотра «царь» тут же начинает подыхать от тоски.

Одиночество для него непереносимо. Свободная минута вызывает животный ужас и тягу к самоуничтожению. Убивая время, он убивает себя, и если не орет на футбольном матче, то хлещет пиво или экспериментирует с новыми разновидностями наркотиков. При отсутствии же средств просто колотит соседа табуреткой по голове или таскает жену за волосы.

Этот симпатяга — идеальный объект для воздействия культурных сил. Поп или раввин необходимы ему, чтобы в порыве раскаяния он не наложил на себя руки. Терроризирующая двойками учительница литературы — дабы привить кое-какое уважение к государственным институтам (в конце концов, она тоже чиновник, хоть и низшей категории). Пара-тройка

басен об Эйнштейне и Бетховене, величия которых скот все равно не поймет, тем не менее, запугают его идеей чего-то темного и ужасного, что значительно превосходит по разрушительной мощи его жалкий интеллектуальный потенциал. Если же всего этого недостаточно, в дело вступит полицейский со свистком и палкой. На рутинной деятельности последнего и держится вся пирамида культуры.

До тех пор, пока мент на посту, любой профессор может рассуждать не только о правах человека, но даже питекантропа. Но стоит ему отойти в сторонку, как по университетским коридорам начинают толпами бродить недоучившиеся питекантропы, круша все на своем пути. Очередная революция ввергает мир в пучину варварства.

С научной точки зрения, разница между культурой и бескультурьем только в степени специализации. Дикарь все делает сам. Лично охотится за водяной крысой. Лично свежует тушку. Никому не доверяя, печет ее на углях. А набив живот, развлекает себя игрой на там-таме. Какая энциклопедическая разносторонность! То ли дело у нас, где даже обычную барабанную дробь выбивает обученный в консерватории специалист за строго оговоренную плату!

Конечно, человек цивилизованный не станет отрезать пленным половые органы или пить кровь врага. Но только по причине брезгливости! Мало ли какие бациллы плавают в этой крови?

Зато с чувством глубокого удовлетворения он сравит парочку дикарских племен, живущих на приглянувшемся ему руднике, и будет любоваться, как те кромсают друг друга на куски каменными ножами. После чего введет миротворческий контингент, найманный из подонков цивилизованного общества — тех самых, «по ком тюрьма плачет».

Наведя порядок, brave парни познакомят местных жительниц с технологией применения презерватива и усядутся слушать вагнеровский «Полет валькирий», воображая себя героями фильма Фрэнка Коппола «Апокалипсис сегодня». Помните: вертолеты, хижины, чудные пляжи и немного вьетнамцев, которых нужно разогнать пулеметным огнем, чтобы покататься на серфе.

Вся высокая мировая культура замешана на крови низших каст. В поэзии Пушкина мне чудится визг его африканского предка, отбивающегося чумазыми пятками от лап работяг. В порхающей музыке Моцарта — груз деспотизма Австрийской империи. В репинских «Бурлаках на Волге» — страдания молодого приказчика, сумевшего запрячь толпу алкоголиков в речную баржу.

Выбор между культурой и дикостью — вопрос не морали, а вкуса. Кому-то нет большей сладости, чем развалиться в грязи у трактира и орать песни о тяжелой народной доле. А кто-то, разогнав нагайкой толпу студентов, начитавшихся Фрейда и Маркса, предпочитает скоротать вечерок над томиком Петрарки. Лично я на стороне последнего. Чем утонченнее культура, тем строже должен быть пропускной режим — чтобы ее окровавленные страницы не залапали немывтыми пальцами новые варвары.

Манифест сексуальной контрреволюции

История Дон Жуана имеет множество вариантов. Лично я не верю в те из них, что повествуют о статуе убитого мужа, утащившего великого соблазнителя прямо в ад. В решительности фантастического монумента чувствуется реальное бессилие испанских мужей. Не имея возможности разделаться с половым разбойником физически (он слишком хорошо орудовал шпагой!), бедняги придумали утешительную сказку, на популяризации которой неплохо заработали Мольер, Тирсо де Молина и даже наша Леся Украинка.

Куда больше доверия вызывает у меня новелла о Дон Жуане, рассказанная Проспером Мериме. В ней грешник наказывает себя сам. Пресытившись сексуальными триумфами, он уходит в монастырь, а на своем надгробии велит вырезать самоотрицающую эпитафию: «Здесь покоится худший из людей, когда-либо живших на свете».

Иными словами, и злейший преступник, и верховный судья заседают прямо внутри нас. Начиная как бунтовщики, мы непременно превращаемся в отъявленных консерваторов — палачей собственных идеалов. (Естественно, кроме тех, кого сожрала сама Революция как своих особо буйных детей. Социальная — с помощью трибуналов и расстрельных команд. Сексуальная — при деятельном участии сифилиса и СПИДа.)

До сих пор я считал себя образцом либерализма и морально-бытовой распущенности.

Телевизионные ток-шоу приглашали меня, когда нужно было высказать что-нибудь особенно омерзительное. Я протестовал против секса по телефону во имя куда более радикальных его разновидностей — в поездах и на крышах домов. Я требовал национализации девственниц и распродажи семейных ценностей. Бесплатных публичных домов — для бедствующих пожилых развратников. И рассказа «Баня» для укрепления программы младших классов.

«К людям нужно относиться мягше, а на вещи смотреть ширше» — вот что являлось моим кредо, позаимствованным из гайдаевской комедии. Меня даже называли глашатаем прогресса, хотя втайне я всегда подозревал в себе наклонности мракобеса и реакционера.

И вот в одно прекрасное утро я проснулся с мыслью: все запретить! А если нельзя ВСЕ, то хотя бы что-нибудь — хотя бы то, что пока еще можно. Но запретить так, чтобы ни у кого и соблазна не возникло что-нибудь нарушать!

Причиной, толкнувшей меня на путь истины, явилась встреча с девушкой по имени Марианна. Как ни странно, она не была святой. Наоборот! Марианну отличала исключительная антисвятость, диалектически уживавшаяся в ней с вежливостью и даже застенчивостью. Никогда ни до, ни после я не видел такой неправдоподобной красавицы! Тело элитной блудницы с длинными ногами и грудью четвертого размера сочеталось в ней с пухлогубым лицом врубелевской «Девочки на фоне ковра». Она знала два иностранных языка, носила короткую дубленку и сапоги из полированной кожи, курила план и спала как с мальчиками, так и с девочками.

Однажды ночью, вытряхнув из сигареты табак и наполнив ее коноплей из обычного с виду спичечного коробка, купленного на Бессарабке за пятьдесят долларов, Марианна смущенно затянулась и изложила мне суть своей радикальной теории, призванной изменить течение бытия. По ее словам выходило, что секс следует отделить от размножения, а пол — от отдельно взятого индивидуума. Точнее, вывести нечто третье — принципиально новое, соединяющее в себе роли и мужчины, и женщины. Причем, как по внешности, так и по

внутренней сущности.

Слушая эту странную фантазию начинающей наркоманки — неприличную, и, тем не менее, совершенно для меня несоблазнительную, в отличие от всего неприличного, что мне приходилось слышать и воплощать ранее, я понял, что в этой гипотетической бисексуальной утопии мне с моими старомодными принципами громилы и совратителя нет места.

— Фрейд утверждал, что все мы от природы бисексуальны, — заявила Марианна, великодушно предложив затянуться ее сигаретой.

— Не думаю, — ответил я, отвергая дармовую отраву. — Утверждение Фрейда доказывает только то, что сам он был бисексуалом и по образу и подобию своему пытался организовать окружающую действительность. Но, что касается остального мира, сильно сомневаюсь. Особенно в той части, где нахожусь я. Мне куда проще представить в качестве возлюбленной кобылу, чем, прости господи, какого-нибудь свихнувшегося жеребца. Даже с человеческой головой и на двух ногах.

Повинуясь некоторому Промыслу, что впервые был сильнее моей скотской похоти, я покинул в тот вечер Марианну, а на следующее утро принял твердое решение креститься. И вскоре с удовольствием «плюнул и дунул на дьявола», вступая на тот путь, которым некогда прошел куда больший блудодей, чем я, — князь Владимир, коего Господь, однако, превратил в крестителя Руси и святого. Нельзя сказать, что я собирался залезть на небо так высоко, как он. Мне вполне хватало скромной роли кающегося время от времени грешника. Однако с тех пор я твердо верю, что Тот, кто куда крепче нас с Владимиром, не допустит превращения мира в новый Бедлам.

Конечно, строгость средневековых установлений казалась мне несколько излишней. Совершать соитие только в классической позиции, как требовала некогда церковь, по-моему — явный перебор. Но, с другой стороны, покойный Папа Римский Иоанн-Павел II до сих пор вызывает у меня полную симпатию. И не только потому, что он взял да и извинился за все, чем провинились древние католики перед древними православными (хотя сам как человек современный лично ни в чем не участвовал), но и за твердую позицию в ряде модных вопросов. Вот молодчага, думал я, не боится прослыть гомофобом — сказал, что не станет признавать голубые браки и баста! Мол, не голландские мы еретики, а все-таки какие-никакие наместники святого Петра! И по поводу презервативов крепко врезал: неприлично, говорит, доброму христианину пользоваться этой резиновой штукой, ибо в Библии сказано: «Плодитесь и размножайтесь!», а по поводу контрацепции ни слова. Если не считать крепкого нагоняя Онану. Папа вернул мне веру в действенность христианских идеалов, хотя ему всегда было далеко до того киевского монаха, предание о котором гласит: «А кои отроки не слухались, брал палицу и бил оною по голову — и в том была истина!» Думается, этот простой педагогический прием мигом бы вылечил некоторых извращенцев, вдохновенно разлагающихся в тепличной обстановке терпимости.

С сексуальной революцией пора кончать. Прогресс дамского белья достиг таких пределов, что вскоре для возбуждения придется вводить паранджу. Секс-шопы ломаются от хлыстов, кожаных корсетов и резиновых кукол. Любую фантазию в ночном Киеве можно воплотить долларов за двести к удовольствию ликующего сатаны. Налицо явная затоваренность на рынке растленных идей. Дальше только Содом, Гоморра и огненный дождь.

А потому, отныне я — консерватор. Твердолобый старомодный консерватор, отнюдь не желающий, чтобы мир переполнился косопузыми уродцами, трахающимися прямо на улице,

не вынимая чизбургер изо рта, и похотливыми старушонками, воображающими, что они неотразимы во время коитуса. Думаю, тот Дон Жуан, который предпочел уйти в монастырь, меня не осудит. Что же касается остальных, то желаю им приятно провести время в аду.

Святое зло порнографии

Просвещенный ум не боится парадоксов. Он видел такое, что дикарю не причудится в страшном сне. Он знает: искусство — всего лишь тень, отбрасываемая человеческими телами. А тень не может быть порочнее прототипа. Все, что есть в мире, достойно описания. Все, достойное описания, заслуживает и нашего интереса. В конце концов, глупо жить, не зная, как оно тут все устроено.

Еще глупее обманываться, что нравы повредились только вчера из-за того, что таможенники сдуру пропустили пачку польских порножурналов в нашу переполненную моралью страну. Разврат — вечная ценность. Он был всегда. Как женщины и мужчины, которым, увидев друг друга, надо же чем-то заниматься, чтобы не сдохнуть от скуки.

Самое раннее изображение трахающейся парочки на территории Украины относится ко II тысячелетию до нашей эры, когда никаких таможен не было даже в проекте! Археологи до сих пор гадают, что за черт изображен на каменной стеле в виде усатого мужика с каменным топором за поясом. Большинство сходится на спорной мысли, что это мифический прародитель какого-то племени. Зато не вызывает сомнений то, что вырезано на боку у загадочного древнего джентльмена: прыткий молодой человек накалывает на вздыбленный член юную леди, похотливо оттопырившую свой первобытный задок. Лично я не верю ни в каких прародителей. По мне, старинное изваяние иллюстрирует простую мысль: станешь крутым пацаном, тоже будешь вести такой приятный образ жизни.

Истина — всегда неприлична и состоит в том, что человечество только делает вид, будто озабочено мировыми вопросами, а на самом деле мечтает, как бы кое-что кое-куда засунуть да и поставить опыт, а не загорится ли эта штука от трения. Причем, если «загорится», все довольны. Говорят: она получила оргазм. Скажите: неужели лучше получать по морде, как это принято в боевиках?

Где логика в том, что, занимаясь сексом хотя бы раз в жизни, слуги народа принимают закон о запрете порнографии? Тогда давайте запретим и сам секс как главное орудие зла на этой планете. Будем размножаться искусственным осеменением, как племенные быки, или делиться, наподобие инфузорий. В конце концов, давайте запретим Библию. Там тоже есть некоторые сомнительные места. То, что в самом начале — о змие и яблоке. И еще похлеще.

Например, вот это из пророка Иезекииля: «Ты построила себе блудилища и наделала себе возвышений на всякой площади; позорила красоту твою и раскидывала ноги твои для всякого мимоходящего... Всем блудницам дают подарки, а ты сама давала подарки всем любовникам твоим... Я соберу всех любовников твоих, которыми ты услаждалась и которых ты любила, со всеми теми, которых ненавидела, и соберу их отовсюду против тебя и раскрою перед ними весь срам твой».

А что это были за любовники, по словам старика Иезекииля?! Просто мечта каждой интеллигентной девушки! Плоть их — «плоть ослиная, и похоть, как у жеребцов»!

Нет, вы как знаете, а я считаю: или нужно быть последовательным и Библию срочно из церкви изъять или закон о порнографии отменить. Потому что это же просто неприлично. От «Хастлера» и блужданий по порносайтам — одна скука. А от двух строчек из Писания (Что значит, Святая книга!) похоть — как у жеребца! Просто слюнки текут. Хоть бы глазком посмотреть на эту суперблудницу...

Мы явно недооцениваем уровень продвинутости своих предшественников. Взглянув на

вышеописанную мною каменную стелу с резвящейся парочкой (в науке ее называют Керносский идол), мой приятель воскликнул: «Какая высокоразвитая цивилизация была! Наверное, они даже знали, что такое половые извращения!»

Наслаждаясь лицезрением энергичных лесбиянок, орудующих фаллоимитаторами в современных «фильмах для взрослых», большинство из нас даже не подозревает, что искусственный фаллос изобрели раньше колеса. Археологи то и дело находят эти вещицы на месте доисторических поселений. А французский мемуарист XVI века Пьер Брантом в «Жизни галантных дам» описывает, как во время очередной религиозной войны гвардейский капитан, обыскивая покои Лувра в поисках оружия, обнаружил под корсетом одной подозрительной барышни не пистолеты, а сразу четыре «копии» мужских детородных органов в натуральную величину. Это «дало повод для большого веселья». А обладательница этих «сокровищ», пишет Брантом, только «skonфузилась».

В другой раз принц Алансонский (хорошо известный по романам Дюма) неожиданно наткнулся сразу на двух дам, забавлявшихся подобным инструментом. Брантом говорит, что «одна из них на удивление хорошо преуспела в этом деле, прикрепив здоровенную штуку себе между ног с помощью лент, так что это было похоже на натуральный член. Ее застигли врасплох, и она не успела это снять, принц же велел показать, как они это делают». Ныне Брантом считается классиком французской литературы. Специалисты восхищаются его юмором и изящным слогом. Лично я тоже придерживаюсь подобного мнения.

Сам термин «порнография» с развитием техники давно утратил всякий смысл. «Порно» — по-древнегречески «шлюха». «Графо» — писать. Все вместе — «описание шлюх». Следовательно, их рисование уже не порнография. Точно так же, как и съемка. Где вы видели древнего грека, разгуливающего по борделю с видеокамерой на плече? Грек мог тащить разве что кувшин с вином, дабы эти шлюхи бодрее двигались, когда он их будет описывать. Кроме того, в любом суде можно доказать, что вы как творец описывали и снимали только приличных женщин — жен и дочерей дипломатов, предпринимателей и банкиров. Ну еще супруг депутатов, отвлеченных от своих семейных обязанностей размышлениями о запрете порнопродукции.

Требовать уголовной статьи за порнографию так же цинично, как и запрета на философию. От Платона и Ницше тоже много вреда. Первый выдвинул идею тоталитарного государства. Второй посоветовал подтолкнуть падающего. Между прочим, обоих сейчас изучают в университетах как часть мировой культуры. Хотя, если бы тот же Ницше стал толкаться на берлинских улицах (или, не дай Бог, добивать лежачих в развитие своих этических воззрений), местные полицейские мигом отволокли бы бесноватого профессора в участок.

Я никогда не поверю, что в гробокопатели идут только, чтобы не сдохнуть с голоду. Для этого необходимо призвание. Любовь, если не к смерти, то хотя бы к кладбищу. Психи трудятся психиатрами. Злодеи — тюремщиками. Самые великие поклонники порнографии служат в полиции нравов. Защищая публику от воображаемого зла, можно собрать бесплатную коллекцию его экспонатов.

Чума не от мира сего

Природа загадочной женщины покрыта мраком. Как ее делают и что в технологический процесс добавляют — точно не известно. Делают вроде так же, как всех. Добавляют, кажется, то же самое. А результат получается прямо противоположным. От обычных представительниц своего пола эту отличает дополнительный параметр, именуемый на научном жаргоне «неадекватностью поведения». В каждом классе есть такое сокровище — свое «чучело», девочка не от мира сего.

Общаться с ней сложно. С первых шагов эта юная леди намекает, что она «не такая». На уроке взрывается неуместным хохотом в то время, когда все в полной тишине сдирают контрольную по химии. На перемене — отрешенно стоит у стены, разглядывая поверх голов загадочные дали. На дискотеке — танцует только сама с собой. «Богатый внутренний мир! — решают учителя. — Ранимая психика! Надо беречь!»

Взлелеянная тепличным режимом, девочка-чума благополучно дотягивает до выпускного бала и вступает во взрослую жизнь. И тут внезапно выясняется, что жизнь ей решительно не нравится. Не для жизни она создана! А исключительно для лучшей жизни. Как эта лучшая выглядит и где находится, она не знает. Зато свято уверена, что где-то обязательно есть. Возможно, девочке стоило бы немедленно засесть за философский труд и поделиться с человечеством своими открытиями. Но в школе не преподают философию, и страдальца просто не оснащена соответствующим понятийным аппаратом. Поэтому всю накопившуюся сатанинскую энергию она вымещает на первое попавшееся — на мужчин. А они, как известно, всегда тут как тут.

Горе тому, кто встретится ей на пути и не прошмыгнет мимо! Легкое нервное расстройство, как минимум, ему обеспечено. Ручка у девочки-чумы легкая, зато характер — исключительно тяжелый. А объекты для моральных издевательств она выбирает, как на грех, с интеллигентскими родословными. Есть в этой крокодилнице некая утробная хитрость, страхующая ее от встречи с первозданно-диким мужиком, за пять минут способным обтесать ей рога вместе с прической. Она любит исключительно профессорских сынков, городских мальчишек с большими прохладными квартирами и молодых менеджеров, ориентированных на семейные ценности. А если, по стечению обстоятельств, и встречается с бандитом, то самым нетипичным — сохранившим кое-какие атавизмы моральных норм, а потому податливым к женскому разводу на жалость.

Развод на жалось — излюбленное занятие девочки-чумы. Рассказывая о своем первом муже, она создаст в ваших глазах образ негодяя, перед которым померкнут Гитлер, Ганнибал Лектор и Соловей-Разбойник. Даже Голливуд, воскресив покойного Хичкока и вооружив его новейшими компьютерными технологиями, не в состоянии конкурировать с ее языком. Тем не менее, несчастная опять хочет замуж.

Если же, по Господней милости к нам, там ей так никогда и не удалось побывать, то тогда в образе мужчины-монстра будет выступать кто угодно — любой дурак, осмелившийся некогда первым положить ей руку на попу. Может, он ей: при этом ничего и не обещал. Может, он всего лишь угостил ее мороженым да и приласкал по доброте душевной. Но в героическом эпосе девочки-чумы ему навеки будет отведено ампула змея-совратителя, надругавшегося над ее чистотой и невинностью. Юридическая практика знает даже таких «чумок», которые, сохраняя девственность десятилетиями, умудрились усаживать на нары

одного за другим ни в чем не повинных мужиков, якобы пытавшихся их изнасиловать. При этом богиня Фемида почему-то обходила вниманием тот факт, что «жертвы» охотно ели, одевались и отдыхали за счет своих «обидчиков», отбирая их деньги и драгоценное время.

Сочувствие общества всегда на стороне слабого. Даже если доходяга — отъявленный провокатор. Загадочная девочка отлично усвоила эту истину. Поэтому все хотят ею воспользоваться. Все жаждут ее оскорбить. Каждый мечтает вытереть о нее ноги. И ни один не откажет себе в желании причинить ей острую душевную боль.

Иногда, в минуты всеобщего помрачения умов, общество даже вручает в руки этих ведьм свою судьбу. Загадочные Веры Засулич, охотившиеся на царей, вместо того, чтобы вышивать гладью, товарищи Землячки в кожаных куртках, расстреливавшие белых офицеров на черноморских пароходах, террористки из красных бригад 70-х и нынешние мусульманские модницы с поясами шахидов на чреслах — как раз из такого теста. Мутить воду — их призвание. Плодить чертей в тихом болоте — священная обязанность. Именно о них говорят французы в том крайнем случае, когда нужно распутать особенно мерзкое преступление: ищите женщину. И, как правило, не ошибаются.

Истово, как религиозный фанатик, девочка-чума верит в то, что Коперник ошибался, поставив Солнце в центр своей космической системы. В центре должна быть она. Вокруг обязано вращаться все остальное. Федор Михайлович Достоевский, немало настрадавшийся от этих роковых особей, гениально синтезировал их квинтэссенцию в образе Настасьи Филипповны из «Идиота» — петербургской истерички, тиранящей толпу влюбленных в нее самцов и швыряющей в печку пачки денег. Единственное слабое место романа — название. На самом деле он должен был называться «Идиотка». Зато замечателен финал! В тот самый момент, когда непредсказуемая Настасья Филипповна окончательно задолбала всех своей святостью, один из поклонников прирезал ее самым обычным кухонным ножом. И пошел на каторгу с блаженной улыбкой и словами: «Надо же было кому-то взять грех на душу!»

Петербург провожал его аплодисментами. Судьи рыдали, впервые сожалея, что вынуждены поступить по закону.

Женская чума — заболевание наследственное. Передающееся, в отличие от дальтонизма, исключительно по женской линии. У мамы-чумы дочь тоже непременно будет чумой. Она может жить в другом городе, иметь совсем другую профессию, но, в конце концов, непременно окажется в тупике одиночества со словами отчаяния на устах: «Мужчин у нас было много, но долго они не задерживались». Поэтому во все времена так ценятся девушки из хороших семей — те, в которых «чумовитость» отсутствует во всех поколениях. Именно их не только берут замуж, но даже оставляют там.

Явление девочки-чумы трудно описать, пользуясь исключительно медицинскими терминами. Больше для этого подходит семиэтажный мат.

Зато легко дать от нее рецепт.

Умный мужчина поддерживает с загадочными женщинами только особые отношения — ничего общего с ними у него попросту нет. И быть не может. Ни денег. Ни детей. Ни совместных проектов. Ни даже планов на сегодняшний вечер. Таков единственный способ, чтобы вечер действительно удался, а не обернулся отправной точкой падения в пропасть — в объятия чумы не от мира сего.

Женщины честного поведения

На определенной ступени духовного восхождения человек неизбежно осознает: секс — слишком серьезное дело, чтобы доверять его непрофессионалам. Универсальное устройство Вселенной подтверждает этот постулат. Костюм заказывают портному. План военной кампании — генеральному штабу. Большой зуб лечат у дантиста, а не у соседа по лестничной клетке, прикупившего в прошлый четверг электродрель. Так почему же я должен вверять свои утонченные половые инстинкты среднестатистической дамочке за соседним столом, бросающей заинтересованные взгляды?

Юный неопытный индивидуум, возможно, был бы счастлив на моем месте, как был некогда счастлив и я, впервые оттянув резинку трусов у своей одноклассницы. Но сегодня я знаю, как много проблем следует за этим безответственным жестом. Язык символов сложен и многозначен. То, что для нас всего лишь оттягивание резинки, для них — приглашение к чему-то большему.

Кто знает, какие мысли носятся в ее мозгу, когда она хлюпает под тобой, наподобие раздавленной броненосцем волны? Не хочется ли ей замуж? Или в твой кошелек? Или на какой-то трижды проклятый концерт, куда ее нужно водить для ее развлечения и собственной скуки?

К сожалению, женщины слишком часто путают постель со всем остальным. Самая сексуальная, самая безбашенная девица, которую я знал, отдавшаяся прямо в театральной ложе и публично кичившаяся своей безнравственностью, в конце концов, потребовала: давай попробуем жить вместе. Хотя бы месяц. Хотя бы ради эксперимента. Но как все нормальные люди. Я был обманут в лучших побуждениях. До этого мне казалось, что на моем пути, наконец, встретилась настоящая ненормальная.

Увы! Все вечные возвышенные ценности, которым я служил, — секс, разврат и порнография — были для нее не целью, а средством, чтобы, кудахтая, усесться на гнездо с фальшивыми золочеными яйцами.

Жизнь разочаровывает. Именно поэтому любой соблазнитель рано или поздно удаляется в монастырь или в объятия профессионалок — женщин честного поведения. Тех, кто определенно говорит, что и за сколько будет делать.

В христианской традиции блудница — существо почтенное. До того как стать возлюбленной Христа, Мария Магдалина работала женщиной легкого поведения. «Бросьте в нее камень, кто без греха!» — ехидно заметил Спаситель. Он хорошо знал тайные склонности собравшихся линчевателей. Никто не посмел. «Нет, вы все-таки бросьте!» — не отставал прилипчивый Христос. Но агрессивные блюстители нравственности дружно разошлись по домам. Каждый из них вспомнил, сколько радости принесла им эта милая девушка. Каждый предусмотрительно подумал о будущем — о неотвратимом моменте, когда опять припечет.

Древние греки, отличавшиеся, в самом деле, здоровым детским взглядом на жизнь, еще на заре своей цивилизации заметили: некоторые девочки ведут себя не так, как остальные. Их материнский инстинкт ослаблен. Зато половой — горит, как нефтяная скважина. Они постоянно, утомительно для себя и окружающих, хотят. Таких не брали замуж, а приравнивали к общественной собственности — определяли в храмовые проститутки. Денно и ночью эти сексуальные пчелки собирали мед во славу Афродиты, помогая

согражданам сохранить мир и спокойствие в тесных, перенаселенных полисах.

Вглядитесь в лица рафаэлевских мадонн: все эти воплощения материнской красоты списаны с римских проституток. Найти порядочную женщину, готовую позировать художнику, тогда было так же трудно, как и теперь. Порядочных женщин сковывали комплексы и обязанности по кухне. Зато гулящие возбуждались от одного вида кисти. Никакого искусства не было бы вообще, не существовай в Европе похвальная традиция расслабляться с девками. Был бы один орнамент, как в мусульманском мире.

Даже не жадность, а элементарная глупость мешает некоторым мужчинам прикупить себе порцию в сексуальном фаст-фуде. Банальный час орального секса с замечательной особью женского пола стоит в Америке десять долларов! Всего десять долларов, господи! А полный пакет услуг — не более шестидесяти. Не понимаю, почему они женятся вообще, подвергая себя риску бракоразводных процессов и дележа имущества. Порядочная женщина всегда дороже непорядочной. И на поверку всегда хуже. Оседлав мужа, она разлагается, как социалистическая экономика эпохи застоя. Зато девушка легкого поведения, вышколенная в условиях конкуренции, в отличной форма круглые сутки. У нее не болит голова. Не потеют руки. И она никогда не спросит: «Где же ты опять бродил?»

Считается, что в услугах проституток есть нечто позорное. Не согласен. Куда унижительнее прыгать на манер молодого козла вокруг капризной девчонки, которая не сложит себе цены. В семнадцать через это проходят все. Но в сорок, под грузом общественного статуса, капитала и служебных регалий, негоже тратиться на сомнительный ритуал ухаживаний. Гордый поворот головы, строгий вопрос о цене, придирчивое уточнение условий заказа. В конце концов, все происходящее мало чем отличается от ужина в ресторане. И в том, и в другом случае вам просто надоела домашняя кухня.

Главное — не переедать. Попад в сексуальный рай, понимаешь, что все происходящее в нем — всего лишь дорогостоящая машинка для мастурбации, сверкающая сатанинским огнем. Презерватив спасает от инфекции, но не от скуки. Какая разница — две или три? Придорожные итальянские профессионалки в кашемировых пальто на голых смуглых телах, толстогубые кубинки, умопомрачительные девушки Майами, способные вытащить из вас за вечер штуки три баксов, порнозавод гамбургского Сан-Паули — ничто в сравнении с первым поцелуем в подъезде и с тем моментом, когда запускаешь руку в мокрую испуганную глубину такой же семнадцатилетней дуры, как ты сам.

Некогда я хотел умереть в Париже лет в девяносто. Длинный черный автомобиль. Выстроившаяся вдоль мостовой бесконечная шеренга шлях и старый маразматик с трясущейся головой, медленно принимающий свой последний парад. Щупая выставленные на продажу ляжки подагрическими пальцами, роняя слюни на крахмальную манишку, он счастливо мычит в скотском восторге, торжествуя над злобным бытием.

Теперь же мне хочется вернуться в растаявшее прошлое, в тот самый подъезд и спросить: не осталось ли тут немного любви... Но это невозможно. А потому в бордель, господи! В лучшее, что еще есть. Или, по крайней мере, в самое честное из того, что будет.

Пиявка для миллиардера

Из всех запоров самый страшный — финансовый. Легко понять страдания бомжа. Куда сложнее вжиться в безразмерную шкуру миллиардера, которому надоело все. Первый «Мерседес» вдохновляет, как поцелуй одноклассницы. Пятый — не вызывает ничего, кроме байроновской тоски. Когда вы упаковались тремя-четырьмя банками, контрольным пакетом сталелитейного концерна, газетой, телеканалом и яхтой с островом — остается только воздеть голову к небесам и заголосить по-бабьи: «За что, Господи?»

Человек, достигший этой стадии развития, начинает чудить, совершая поступки, необъяснимые никакими теориями. Савва Морозов дает деньги на революцию. Форд пишет антисемитские брошюры. Третьяков по баснословным ценам приобретает мазню немых передвижников. Сын саудовского небожителя, плюнув на американский диплом, создает исламистскую артель по отстрелу нью-йоркских небоскребов.

Их легко осудить. Сложнее — найти лекарство. Между тем, оно есть. Усаму Бен Ладена еще можно спасти. Неизлечимых болезней, кроме старости, вообще не существует. И английский сплин, и русская тоска легко утоляются простым эффективным средством — женщиной-пиявкой. От обычной медицинской, отсасывающей гниющую кровь, эта отличается тем, что способна выкачать излишки из любого денежного мешка.

Она взбалмошна и эксцентрична. Ее фантазия неистощима. Она хочет квартиру в центре Лондона. И еще одну — в Париже, на плас Пигаль. Ей необходимо палаццо в Венеции. Причем именно это, а не вон то. Тот факт, что в палаццо еще теплится старинный патрицианский род, ее несколько не смущает. Они построили. А мы купим. Правда, милый? Иначе я не доживу до утра... И действительно, покупают. Ей купили бы даже Виндзорский дворец — но, к сожалению, его выставят на торги только с остатками Британской империи.

Именно эти женщины поддерживают пирамиду haute couture, покупая юбчонки за десять тысяч долларов, созданные вдохновенной рукой какого-нибудь крашеного педераста, определяющего модную струю сезона.

Для них в легендарный Ногч 1938 года, прямо из-под задницы Геринга, втискивают подогрет сидения и автоматическую коробку передач. Их спинки массируют дрессированные негры. За их здоровьем следят светила науки самой крупной величины. Дети в Зимбабве могут умирать от таинственных эпидемий. Никто даже не шелохнется. Но прыщ на ягоdice женщины-пиявки вызовет оживление целой отрасли здравоохранения, суля долгосрочные инвестиции и глобальное оживление на рынке медуслуг. Перепуганный владелец пиявки отдаст все, чтобы возлюбленное существо и дальше комфортно сидело на нем, не дергаясь от непривычной боли.

Что отличает пиявку для миллиардера от прочего женского поголовья? Красота? Отнюдь. Даже наоборот.

«Я посоветовал Михаилу Михайловичу взять на содержание какую-нибудь знаменитую женщину, — пишет Алексей Толстой, — и свел его с прогремевшей на обоих полушариях мадемуазель Сальмон, — шикарной и уродливой, как черт. Она была зла, дралась, предавалась всем существующим порокам и накручивала такие счета, что это поддержало наш кредит еще на месяц».

Вглядитесь в лица светских львиц. Той же покойной принцессы Дианы. Неужели вы в самом деле хотели бы ее? Неужели бедняга аль Файед не мог найти девушку помоложе и

покрасивее? Однако не мог! Девушка для миллиардера должна быть с червоточинкой — крепко попользованная предшественниками. Тщеславный писатель Розанов женился на бывшей жене Достоевского. Аристотель Онассис подцепил многодетную вдову Кеннеди. Оба прецедента говорят лишь о том, что между миллиардерами и литераторами много общего. И тех, и других тянет на вселенскую славу и подержанный антиквариат.

Может быть, в пиявках их привлекает доброта? Черта с два! Всласть насосавшись, та мгновенно перебирается на кожу следующей жертвы финансового полнокровия, превращая ее из миллиардера в жалкого обладателя нескольких миллионов, вновь полного юношеских комплексов. Ум? Эта ее составляющая тоже весьма специфична и не позволяет интересоваться ничем, кроме себя самой.

Выброшенная из привычной среды обитания, пиявка чахнет, теряя иммунитет на глазах. Ее рабочие губки обвисают в безвольной улыбке. Плечики жалко опускаются. Тряпочка haute couture болтается на тощих бедрышках, как карантинный флажок. Жизнь кончена. Финансовые потоки изменили направление.

Еще вчера она давала советы молодым режиссерам («Мы ждем от вас амбициозных проектов!») и поучала начинающих политиков («На последней пресс-конференции вы могли бы высказаться получше!»). Но теперь пиявка не чувствует ничего, кроме душевной пустоты. Если ее немедленно не подберет очередной благотворительный фонд, ей конец. Ведь даже сопляк-старшеклассник не рискнет появиться с такой пенсионеркой на людях.

Тогда что же? Что отличает ее от других? Наглость, господа! Она свято верит, что стоит не меньше, чем ее пациент. Подобно миллиардерам, она убеждена, что все деньги мира плохо лежат и что именно она поможет им перелечь лучше.

Мысль сомнительная. Особенно для человека с философским складом ума. Но где вы встречали миллиардеров-философов?

Из цикла «Стрелы Амура»

Преображение женщины

— Господи, как хочется замуж за нового русского! — открыла душу очкастая математичка Соня англичанке Надежде. — Или за нового украинца. Или за киргиза. Все равно за кого. Лишь бы за нового!

— Ну, ты хватил! — ответила отличавшаяся скептицизмом Надежда.

— Куда нам...

Была большая перемена. Первокласники, как тараканы, носились по паркету. Отец Паисий, учитель закона Божьего, появившийся в школе в связи с возвратом религиозных ценностей, как раз рассказывал очень подходящий анекдот:

«Подстрелили нового русского. Братва к нему кинулась, а он им шепчет: «Цепь и "Мерседес" можете в гроб не класть. А мобильник вместо свечки суньте. Уж больно я к нему привык — кулак будет чесаться».

Два чудом уцелевших в гимназии педагога-мужика — физрук и историк — радостно заготовили, но Соня только презрительно покосилась в их сторону:

— Остолопы! Гимнаста нашего краном на брусья не затащишь. А историк от политических перемен и вовсе одурел. Если завтра рабовладельцы придут, станет рабовладельчество проповедовать. Если амазонки — матриархат. И туда же... Ржет... А те, над кем они смеются, летят на черных «Мерседесах» к светлому будущему и плевать на всех хотели.

— Нам-то что от их лебединого лета?

— А то, что или вместе с ними лететь, или прозябать, как болотным уткам.

* * *

Соне было тридцать девять лет. Больше всего на свете она любила две вещи. Элитарный рассказ Кафки «Преображение» о том, как человек становится насекомым. И фильм «Красивая женщина» с Ричардом Гиром — про миллионера, сделавшего из проститутки дорогую цацку. Первое ее возвышало в собственных глазах. Второго она стыдилась. А больше всего боялась Соня, что через год ей будет сорок. Об этом она тоже решила никому не говорить.

* * *

Чтобы добраться со школы домой, нужно было перейти через окружную дорогу. Обычно уставшая Соня переползала через нее без особых проблем, но на сей раз стоило только поставить ногу на асфальт, как возле ноги затормозил огромный черный автомобиль.

В автомобилях Соня разбиралась плохо. Но этот сразу внушил ей доверие. Может, потому, что у него было аж четыре обручальных кольца на носу. Затемненное стекло медленно, как медвежья лапа, поползло вниз, и из-за него высунулся курчавый профиль императора Каракаллы с крупным носом и далеко уходящим в сторону руля подбородком. На руле крабьей клешней лежала мужская рука и на пальце ее боевой добычей поблескивал

наглый рубиновый перстень.

— Куда везти? — спросил Каракалла твердо.

Соня вздохнула, обошла кругом автомобиль и решительно плюхнулась на переднее сиденье, постаравшись сделать так, чтобы юбка вспорхнула повыше, приоткрыв колени.

— В ресторан, — тоже твердо ответила она и вызывающе добавила: — В дорогой!

— Тогда в мой поедом. Дороже в Киеве нету. У меня даже трехкопеечная булочка — тридцать долларов.

— А как называется?

— «Элитарный».

Соне почему-то вспомнился Кафка и она спросила:

— А автомобиль у вас тоже элитарный?

— Элитарный.

— Какой марки?

— «Ауди».

— А почему не «Мерседес»?

— Потому что теперь у нас, у крутых, в моде скромность. Европу «Мерседесами» не удивишь.

* * *

Около полуночи, подвозя опьяневшую Соньку в родовую усадьбу, располагавшуюся на пятнадцатом этаже шестнадцатизэтажного дома, Каракалла сказал:

— Меня зовут Миша. Мне нужна Женщина — подруга. Жена, одним словом. Чтобы надежная. И чтобы поговорить. Ты мне подходишь. Мы одного поколения. А то с этими, семигривенными, — он кивнул на мелькавших под фонарями старшеклассниц, — у меня никакого контакта. Абсолютно.

— А чем они занимаются?

— Догадайся.

Соня догадалась.

— Будешь заниматься тем же. Но с постоянным клиентом. Со мной. В законе. И не за семь гривен.

— Внешность у меня по сравнению с семигривенными...

— Сделаем пластическую операцию.

— Дорого?

— Не-а. Дорого, если бы ноги пришлось удлинять.

* * *

В клинике эстетической хирургии среди стриптизерш, бизнес-дам и жен министров Соня впервые почувствовала себя человеком. До такого прогресса не додумался бы даже великий провидец Жюль Верн, предсказавший телевизоры и подводные лодки.

Тут увеличивали икры и уменьшали колени. Начисто, как взмахом самурайского меча, срезали животы. Вкатывали, куда надо, как арбузы, гигантские груди, придававшие их

обладательницам вид крейсерских яхт, несущихся под раздутыми парусами к экватору жизни. По последней моде изгибали брови. И, наконец, совершали хитрую операцию липосакцию — отсасывание природного жира из любых мест (даже из уха!).

По сравнению с другими сиренами реконструкция Сони ограничилась мелкими переделками. Ей перенесли пупок на более выгодное место. Взбили, как сливки, филейную часть. И увеличили на два размера бюст, отчего на сердце навсегда поселилась высокодуховная тяжесть, напоминающая об отце Паисии. Через две недели клинику покинуло юное легкомысленное существо лет двадцати двух, весело покачивающееся на высоких каблуках и улыбающееся миру мраморными зубами молодой суки.

Жизнь была прекрасна. Миша занимался бизнесом с утра до вечера, а в свободное время уезжал с друзьями играть в бильярд или улетал в Европу на матчи футбольной суперлиги. Соня посильно помогала ему тратить деньги, и от нечего делать продолжала вести уроки математики на полставки, приводя в эротический трепет подрастающее поколение. Старшеклассники слали ей записки. Она смеялась и швыряла их в урну. Дома ждал муж, накачанный любовью, как вороной лимузин бензином. Скорость его была феноменальной — до двухсот сорока фрикций в минуту. От этого Соня иногда опаздывала на уроки.

Но тут начались бедствия.

Первое было небольшое. Не успела Соня в только что купленной норковой шубе добежать от дома до новенького синебокого Опеля-«Тигры», приобретенного тоже специально для нее, как шубу сдернули с легкомысленных плечиков вместе с ключами от машины в кармане. Две рыжие кожаные спины удалились с места происшествия десантной рысью, лелея в объятьях шубу, а пострадавшая только облегченно вздохнула. Случись все шестью секундами позже, когда она взялась бы за никелированную ручку авто — кожаные куртки уехали бы еще и на дармовой тачке.

Второе несчастье было побольше. Угнали безответную «Тигру», хотя ей, несчастной, накануне поменяли замки. Тарас, сторож автостоянки, родной брат отца Паисия, необыкновенно на него похожий, моргал святыми глазищами и ничего не помнил. Явившаяся милицейская бригада лишь обнюхала место происшествия равнодушными носами и уехала. Только главный сыщик, садясь в казенные разбитые «Жигули», на прощанье авторитетно отвесил: «Качественная была машина — новая. Хоть бы капля масла на асфальте осталась. Ну, бывайте!» На вопрос же, можно ли качественную машину найти, гений криминалистики просто заметил, что преступление из разряда нераскрываемых.

Плюнуть можно было разве что на третью беду. Старая, злющая, как слепой бульдог, Алла Эдуардовна, директриса сонькиной школы, вызвала внезапно вознесшуюся математичку-бесприданницу к себе в кабинет и, ковырнув острым взглядом ковер у ее ноги, заявила:

— Полагаю, вы больше не можете оставаться во вверенной мне школе.

— Почему? — простым светским тоном спросила Соня.

— Взгляните-ка лучше на свои чулки за 50 гривен и найдете ответ. Такие траты внушают невозможные мысли. Как вашим коллегам, так и ученикам.

— А какие должны быть чулки?

— Максимум за шесть, — определила директриса. — Педагогу должна быть свойственна монашеская скромность.

— Как у отца Паисия? — съехидничала Соня.

— Да, как у отца!

И тут Соня, игриво улыбнувшись, задала кощунственный вопрос:

— А что, он тоже носит чулки за шесть гривен?

Алла Эдуардовна стала медленно раздуваться, подыскивая в недрах памяти какую-нибудь свежую педагогическую мысль. Но Соня, не дожидаясь плодов просвещения, повернулась на каблуках и вышла из кабинета, чтобы уже никогда не возвращаться в этот храм науки, бедности и скудоумия.

* * *

Но по-настоящему страшной была четвертая беда. Ранним утром на предательском рассвете в квартиру Сони и Миши ворвалась толпа людей в черных намордниках, скрывавших затаенный государственный испуг, и, выудив из постели хозяина, уволокла его в неизвестное куда. И только вечером пришла подпольная записка: «Виновата нефть! Корни идут наверх. Мы проиграли, не поделив бензозаправки на юге. Не плачь. Я скоро вырвусь».

В ушах Сони еще звенели призрачные голоса омовцев, блуждавших в лабиринте незнакомой им квартиры, а прямо перед нею стоял высокий, светлый, похожий на переодетого иностранца офицер-вестник, доставивший клочок бумаги. Приложив руку к гнутой тулье фуражки, он галантно произнес: «Серджио Антониони, капитано корпусо карабиньеро. Мафиозо и коррупционер. Из вашего клана. А если попросту, то Сергей Антоненко, лейтенант милиции».

Лик улыбающегося офицера-ангела был настолько небесен, что, несмотря на тяжесть момента, Соня смогла пошутить:

— Неужели «капитано» переводится с итальянского как лейтенант?

Ангел снял фуражку:

— Ваш муж полагает, что в Риме я был бы уже полковником.

Римский полковник прошел в гостинную, и, усевшись за привезенный из Италии обеденный стол, заговорил:

— Завтра вас вызовут на допрос. Большой начальник хочет довести дело до конца, и стать еще большим начальником. Но он не знает, что на этой пленке уже отсняты его брачные игры, где он скачет по сауне и пытается вас изнасиловать. Вы покажете ему кассету и убедите сделать все возможное, чтобы Михаила Максимовича отпустили.

— Но для этого я должна поиграть с начальником!

— Все уже сыграно. Одновременно с вами в той же клинике по заказу вашего супруга сделали пластическую операцию еще одной женщине. Сколько это стоило, я не знаю. Знаю только, что очень дорого, потому что ей даже пришлось удлинять ноги. Мне неизвестно также, была ли она любовницей Михаила Максимовича. Но, учитывая стиль его гениального ума, не исключаю, что именно ему могла прийти в голову мысль сделать любовницей точную копию жены.

А вам не следует ничего бояться. Потому что есть злые милиционеры и добрые. А я — добрый.

Ангел улыбнулся так загадочно, а в гигантской опустевшей квартире гуляли настолько таинственные демоны, что Соня поняла: именно сегодня ей выпадет узнать, есть ли у небесных посланцев земное начало. Лейтенант Антоненко остался на весь вечер и на всю ночь, а утром сказал:

— Об этом мы никому не расскажем. Иначе нам не поздоровится. А теперь за дело!

* * *

Когда в полдень наступившего вскоре радостного искристого дня Михаила выпустили из тюрьмы, именно лейтенант-ангел проводил его до ворот и, заговорщицки подмигнув, принес извинения от имени в очередной раз ошибшегося государства.

За воротами Михаила ждали «Ауди», свобода и радостно всхлипывающая жена, похожая на ручную лису. И тут я вынужден поставить точку.

Ибо нет на свете трогательнее картины, чем прекрасная блондинка, рыдающая на мускулистом плече мужа, когда за спиной у него стоит ее любовник.

Никогда не покупайте вещи в сэконд-хенде

Будь Ольга хуже воспитана, она закричала бы от восторга. Зеленое шелковое платье переливалось в руках, как изумруд. У этого изумруда был только один недостаток — она нашла его в магазине сэконд-хенда. Вокруг стоял предсмертный запах старой одежды и куда-то вдоль железного ангара уходили ряды пальто, похожих на картофельные мешки, и шеренги затертых джинсов, чьи штанины болтались, как ноги висельников.

Ольга никогда не заходила в такие магазины. Она и сегодня не зашла бы сюда, если бы над входом кто-то не повесил вывеску «Одежда из Европы», забыв добавить слово «старая». Но сейчас Ольга была готова ему это простить. Маленький лохотонный продавец с модной рыжей бородкой, в черном костюме, инородным телом прогуливался между рядами европейского барахла. Глаза его излучали внимательнейшую доброту.

Ольга еще раз потрогала ценник на платье.

— Оно действительно стоит 12 гривен?

— Действительно, — улыбнулся продавец.

— Разве так бывает?

— Иногда сюда попадают замечательнейшие вещи! На прошлой неделе один молодой человек выудил даже настоящий мундир наговского генерала.

Но Ольгу совсем не интересовали генеральские мундиры. Она, словно замороженная, смотрела на платье.

— Не сомневайтесь. Берите, — сказал продавец. — На Крещатике такое же стоит двести долларов.

— А почему вы его тогда сами не купите?

— Если бы у меня была такая девушка, как вы, я бы обязательно купил...

Единственным недостатком Ольги было то, что по окончании рабочего дня рядом с ней становилось скучно, как возле любимого компьютера. По дороге домой она уже корила себя за то, что впервые в жизни купила платье, даже не успев его примерить. Ольга работала коммерческим директором на радио, и еще в школе ее называли Считалкой. Никто лучше нее не мог договориться с налоговой инспекцией и пожарной охраной. Ее умные голубые глаза в нужную минуту сразу же становились беспредельно уставшими, напоминая всем, что, кроме законов, существует еще и множество обязательных послаблений. Особенно для девушек с нежной кожей, вынужденных одиноко бороться с жизнью.

Но то, что она увидела в зеркале, напоминало фокус из музыкального клипа. Длинное тело Ольги на глазах становилось еще длиннее, белокурые волосы потемнели до медного цвета, завиваясь проволочными кольцами, в голубые глаза кто-то плеснул желтого, отчего они заблестели бронзовой зеленью, а из разреза нового платья показалась длинная, как бесконечный карандаш, нога.

Пошатнувшись, Ольга коснулась пальцами зеркала. Отражение не исчезло. Новое странное существо поселилось в ней. Существо, явно не знакомое со словами «скромность» и «скука».

В тот же вечер высокую красавицу в зеленом платье видели играющей в рулетку в ночном клубе «Будапешт». Оттуда она ушла не одна, а в сопровождении подтянутого молодого человека в смокинге, чьи светлые волосы победоносно вспыхнули в свете фонаря, когда он подсаживал свою спутницу в длинный черный автомобиль. Смех девушки еще долго висел в переулке между «Будапештом» и Владимирским собором, раскачивая ветки весенних каштанов.

Еще через несколько дней ту же особу, только с еще более вызывающей улыбкой, заметили на представлении чеховской пьесы «Три сестры», которую молодой режиссер Жолдак переделал в эротическое шоу. В тот самый момент, когда сестры с криками: «В Москву! В Москву!» швыряли в публику трусики-стринги, означенная особа, склонившись к сидевшему рядом бизнесмену, спросила: «А вы бы взяли меня в Москву?» Раздавшийся на весь партер писк мобильного телефона можно было истолковать только как однозначное «да».

Потом девушку запечатлели для вечности в разделе светской хроники журнала «ТВ-Сад». Совершенно изменив своим классическим привязанностям, но в том же платье, она нагло целовалась с модным музыкальным ведущим, показывая публике длинный острый язык. Несколько раз с тем же ведущим ее можно было обнаружить на светских тусовках и вручении музыкальной премии — до тех самых пор, пока в Киев из Москвы не явился с публичными чтениями писатель Мандаринов. Он читал со сцены свои замечательные произведения о любви в подъездах и выкрикивал: «Вам нужны светлые идеалы? Так трахайтесь, как отечественные лабораторные мыши, а не как грязные американские крысы из фильма "Основной инстинкт"!»

Девушка брала у знаменитого Мандаринова интервью уже почему-то как корреспондент «Ночной газеты», после чего отправилась с ним на индивидуальную лекцию в гостиницу. Никто не знал ее подлинного имени, только псевдоним — в одном из клубов ей даже присудили титул самого загадочного светского открытия весны 2000 года.

* * *

Между тем, застенчивая блондинка все так же заставляла таять сердца пожарных инспекторов на одной из киевских радиостанций. Правда, она стала еще тише. Ночью она вскакивала с постели и, распахнув дверцы шкафа, нащупывала в темноте гладкую ткань.

Ей снилось, что платье украли, что она залила его кислотой, порвала о гвоздь, выросший как гриб в театральном фойе, и, наконец, самым страшным видением в мозг въехал раскаленный броненосец-утюг, плывущий по изумрудному шелку, оставляя за собой выжженную дымящуюся полосу.

Чтобы не пугать ночными криками соседей, Ольга сменила квартиру, переехав в старый дом с толстыми кирпичными стенами. Все время, пока она везла туда вещи, ей хотелось попросить шофера остановиться, чтобы заглянуть в багажник и проверить: на месте ли платье?

Ольгу утешало только то, что от носки изумрудная ткань его почему-то стала еще новее, лоснясь сытым тяжелым блеском, будто живая.

...По ночам на новой квартире слышались странные звуки. Кто-то шаркал ногами на кухне с выщербленным линолеумом. Сухо скрипел паркет. Ольга зажигала свет, прогонявший скрипы, и, торопливо наведя макияж, убежала в находившийся рядом клуб «Ночная маска», добродушно до самого утра стучащий бильярдом и пахнувший сигаретным дымом, как верный приятель. Иногда она спрашивала себя: когда же наступит развязка?

Желтый шар провалился в лузу. Ольга подняла голову и провела пальцами по кию. Кто-то смотрел на нее. Маленький рыжий человек с модной бородкой, в черном костюме, выступил из полутьмы и, добродушно улыбаясь, прошел мимо. Следующий шар с глухим стуком ударился о борт.

Весь вечер Ольге казалось, что ее рассматривают со спины, словно убеждаясь: та ли? Взгляд лежал на плече, как ладонь.

Ольга окончила играть и оглянулась. Рыжий человек сидел за столиком под стеной, заложив ногу за ногу и, не мигая, смотрел на нее. Лихо закрученные усы его самодовольно топорщились. В руке он держал стакан. Еще один, наполненный вином, стоял рядом на столе.

Ольга пошла прямо на взгляд:

— Вы по-прежнему работаете в том же магазине?

— По-прежнему.

— Вам там нравится?

— Мне нравится ТАМ запах.

— Запах чего?

— Тлена. Впрочем, от вас пахнет не хуже.

— Чем?

— Тем же.

— Вам не кажется, что вы меня оскорбляете?

— Истина не может оскорблять. Просто мы редко чувствуем свой запах.

Ольга очнулась только в автомобиле, несущемся по гаснущим улицам. Рыжебородый продавец сидел за рулем, застывший, как статуя. Резкий профиль его с прямым твердым носом то погружался во тьму, то снова выныривал в полосе света.

— Куда мы едем?

— Какая разница?

— Я хочу знать!

— Разве вы спрашивали о цели, когда покупали платье?

— Разве я знала, ЧТО покупала?

— У вас было достаточно времени потом. Но, кажется, вы выбрали просто движение...

В голове Ольги, как рекламная надпись, пронеслась успокаивающая мысль: «Действительно, какая разница? Ведь это он избавил меня от скуки»...

Она посмотрела вниз и вдруг увидела, что на ней ничего нет, кроме туфель на ногах и собственной кожи.

Ольга бросилась к продавцу... Но за рулем тоже никого не было, кроме сменяющих друг друга полос света и тьмы, которые падали теперь на пустое сиденье.

* * *

Когда утром милицейский патруль вытаскивал из разбитого «Мерседеса» тело блондинки с уставшим лицом, старший даже присвистнул:

— Во дают! Уже голыми носятся...

Полоска подстриженных волос на лобке у девушки была как запятая в недописанном рапорте.

Его напарника явно тошнило. Тогда старший, хлопнув его по плечу, весело добавил:

— Не переживай! Все равно у нее были слишком узкие бедра.

* * *

В то же утро в магазине «Одежда из Европы» твердая уверенная рука вернула изумрудное платье на прежнее место.

Откуда-то с улицы донесся обрывок разговора:

— Интересно, куда смотрят наверху? Эти секунд-хэнды окончательно добивают нашу легкую промышленность...

По старому сюжету

Шел дождь. Промокшая улица ныла под колесами троллейбусов. Автомобили захлебывались, разгоняя потоки, рвущиеся по мостовой. Ливень вжимал осенние желтые листья в землю.

Возле самого дома «Москвич» выплеснул на штанину Арефьеву грязь из лужи. Арефьев выругался и побрел к подъезду.

Он поднялся на третий этаж, открыл дверь и вошел в свою комнату в общежитии для молодых научных работников. Правда, в нем жили не только аспиранты, но и кандидаты, и даже один пожилой неженатый доктор с кафедры русской литературы, который и переселяться не хотел, так как соседство молоденьких аспиранток ему нравилось.

Арефьев бросил на пол портфель, набитый ненужными теперь бумажками, и зачем-то стал мыть руки в грязноватом умывальнике, торчащем из стены комнаты, а потом прямо в мокром плаще сел на неубранную постель и машинально поднял с пола валявшуюся книгу. Книга была старая, в рыжем переплете, «Сонник». Арефьев угадывал по ней сны, но часто неудачно: сны он видел современные, а книжка толковала все о каком-то рассыпанном жемчуге и старушке с пантофлей в руке.

Сегодня кандидатская Арефьева в четвертый раз была завалена его врагом, профессором Шпринтом.

В такие дни одинокие люди смотрят в зеркало, надеясь в себе самом обрести утешение. Хорошо тем, у кого в глазах спокойный уверенный блеск или неистребимое лукавство. Хорошо красавицам, у которых под веками только быстрая грусть.

Но если лицо у вас худое и дряблое, если подбородок бессилен, а на руки свои вам самим стыдно взглянуть — так они слабы — не подходите тогда к зеркалу и знайте — вас никто не спасет, даже вы сами.

Чуть прижмурившись, смотрела на Арефьева со стены плакатная красавица. Губы ее были — полукруг насмешки. Короткая рубашка сползала с плеч кружевами. Арефьеву почудилось даже, что он чувствует запах ее волнистых каштановых волос, запах духов, просачивающийся сквозь хрупкое кружево...

Он задрожал унижительной болезненной дрожью, вдруг вскочил, распахнул дверь и понесся вниз по ступенькам.

«Только это и осталось, — думал он, — только это!»

Внизу, схватив трубку телефона и запутываясь пальцами в кольцах диска, он набрал номер: 6-6-6.

— Алло! — сказал строгий голос.

— Извините, я не туда попал, — прошептал Арефьев и хотел положить трубку.

Но трубка будто приросла к руке.

— Туда вы попали! Туда! Арефьев помолчал, посопел в трубку, расхрабрился и спросил:

— Это дьявол у аппарата? Правда?

— Конечно правда! — голос стал на редкость добродушным. — Раньше телефонистка сидела. А теперь самому приходится. Скучный стал народ. Не звонят. Ну, ладно. Ждите.

И трубка ответила гудком.

Медленно побрел Арефьев к себе наверх. В комнате становилось жарко. Электрокамин расстарался вовсю. Голова сразу разболелась. «Какой глупый разговор... Может, я и не ходил

никуда? Тут так жарко...»

Арефьев сел в кресло и положил голову на спинку.

Сгушались сумерки. Он уснул.

Вдруг старенький, заваленный газетами будильник очнулся курантным боем. Громкие звуки молотком ударили в комнату. И тут в дверь постучали.

Арефьеву показалось спросонок, что из крана потоком полилась вода, завывая в раковине.

«Ага! Это кран испорчен. Я говорил коменданту. Водопроводчик пришел. Водопроводчик... в 12 ночи?»

Ни о ком другом Арефьев и не подумал.

Он вскочил с кресла и побежал открывать. Маленький человек в сером плаще и такой же шляпе, с грубым коричневым чемоданчиком стоял в коридоре. Он улыбнулся бритым серым лицом и серыми глазами.

— Дьявола вызывали? — глаза его будто подпрыгнули в орбитах.

— Да!

Тогда он вошел, сняв только шляпу, в комнату и уселся в продавленном кресле у электрокамина.

— Ну, душу хотите продать?

— Душу...

— Сейчас посмотрим.

Серый вынул из чемоданчика лист бумаги с рисунком, очень похожим на те, под которыми в учебнике анатомии стоит подпись: «Легкие человека».

— Ага! — обрадовался он. — Вот есть тут черное пятнышко, и тут вот еще одно...

Он поморщился, улыбнулся, хмыкнул и сказал, весело глядя в глаза Арефьеву:

— Год! Год могу дать.

— Почему год? За душу Фауста вы 33 дали!

— Эх, батенька, так то какая была душа! Год! Арефьев медленно выдавил:

— Ладно, — еще сомневаясь, не делает ли он глупость.

Всего один год. Но зато...

...Он представился себе, но не таким, как был, а другим, за ресторанным столиком у окна с тяжелой бархатной портьерой. Взгляд его был чуть пьян и нагл, остер, подбородок выдвинут вперед, губы решительны. Бутылка шампанского откупорена, запотевшие бокалы, легкая закуска, а в двух хрустальных штокувинах — названия их он не знал — икра. В одной — красная. В другой — черная. А на плече его на лацкане изящнейшего пиджака голая рука той женщины с плаката, но живой, улыбающейся только ему, счастливчику.

И где-то там, в кабинете его квартиры, в верхнем ящике стола лежит экземпляр защищенной докторской «Творчество Пушкина как целостная система»...

— Это пошло! — сказал дьявол и посмотрел Арефьеву в удивленные глаза. — Так уже было. Это для меня неинтересно! Сделка не состоится! — и взял шляпу, поморщившись досадно.

Переключатель в комнате щелкнул, и то, что произошло, исчезло начисто, не оставшись даже сном. Пустая комната. Темнота. Пять минут первого ночи [\[2\]](#).

Рождественская мулатка

К вечеру в шоколадной полутьме почему-то особенно хочется мулатку. Впрочем, с не меньшим энтузиазмом ее хочется и утром, когда тело превращается в гагаринскую ракету, способную послать заряд юной спермы на Марс. И в обед. И в цветном порнографическом сне с плавучим колониальным борделем, водруженным прямо посреди озера Виктория, в мутных волнах которого плещутся голые африканские русалки.

К такому выводу пришли мы на Рождество 2001 года, сидя в ночном клубе «Белая гвардия». Мы — это Барон, Корнет и я, Пилот, — трое самых развратных (и на данный момент самых одиноких) романтиков в мировой истории.

— Сволочи... Что сделали со страной! — зло процедил Корнет, самый молодой из нас, пожившись в тесноватом белогвардейском мундире, которые выдавали прямо на входе. — Сначала уничтожили дворянство, потом интеллигенцию, а теперь еще и вывезли за границу всех стоящих славянских баб, так что даже мне, потомственному расисту, ни о чем не думается, кроме как завалить под пальмой эту самую голенастую мулатку!

— Стыдитесь, мон шер! — возразил Барон. — Расовые предрассудки не красят борца за белую идею. Мы просто обязаны совокупляться с темнокожими самками до тех пор, пока окончательно не растворим их цвет в нашем могучем нордическом потомстве!

— Истинно христианская мысль! — присоединился к этому спичу и я, гордо носящий свое наследственное прозвище Пилота (в годы Великой Отечественной мой дедушка, советский ас, завалил 58 немецких стервятников, а теперь его внук с тем же фамильным восторгом продолжал валить в постель хорошеньких девочек, невзирая на их национальную принадлежность).

— Предлагаю срочно отправиться в Рио-де-Жанейро! — провозгласил Барон, похотливо шевеля усами. — Именно там мулатки водятся в немыслимых концентрациях!

— Да, да! — поддержал его я. — По моим подсчетам, там их около двух с половиной миллионов — причем все с выбритыми голодными лобками и справками от венеролога.

— Ну, уж этим не обольщайтесь, — съязвил скептик Корнет. — Справки — поддельные, по семь крузейро штука, а пезды раздолбаны местной шпаной до дыр, как донбасские шахты.

— Это ужасно, — заметил я. — Предпочитаю аккуратные, по-солдатски коротко стриженные пезды, не издающие в ебле неприличных звуков, вроде икоты или похрюкивания*. Путешествие отменяется!

(* Автор предупреждает, что является принципиальным противником матерщины, но в данном случае без нее не обойтись.)

Все тут же согласились, закивав безупречными проборами, ибо куда приятнее повстречаться с эскадрой пьяных махновцев, чем с неизвестной науке новой породой лобковой вши, разводимой организмом какой-нибудь любвеобильной меценатки.

— Современную даму, вообще, можно употреблять только в тот трудноуловимый момент, когда она еще жива, а флора в ней уже мертва! — назидательно изрек Корнет.

Однако мысль о мулатке не оставляла наши обремененные сексуальными фантазиями светлые головы. Хотя вокруг так и шныряли юные белокожие создания, стремящиеся приобщиться к вершинам духовного разврата. Нужно заметить, что «Белая гвардия» — действительно высокоэлитарный клуб. Особь женского пола, желающая проникнуть сюда, должна как минимум знать пару иностранных языков и иметь на руках диплом,

свидетельствующий, что она гарантированно достигает оргазма. Правила эти, естественно, разрабатывали мы как постоянные члены клуба, справедливо полагая, что женщина, являясь единственно полезным для мужского организма наркотиком, обязана быть патентованно высокого качества. В последнее время на особых тайных собраниях даже дебатировался вопрос, чтобы допускать в святая святых только поэтесс, но, в связи с неудовлетворительными внешними данными последних, идея была отвергнута как самодурство.

Впрочем, как любил говорить Барон, человек слаб, а член его силен. В тот самый момент, когда мы окончательно решили встретить Новый год не иначе как в приятном обществе хорошо воспитанной мулатки (хотя бы одной на троих), перед нашим столиком остановилось хрупкое обольстительное существо лет семнадцати, явно совсем недавно получившее от властей лицензию на сексуальный отстрел. Скромно уставившись на свой обнаженный по последней моде пупок, оно томно вздыхало, пытаясь обратить на себя внимание Корнета, отличающегося, надо признать, завидным, хоть и отрицательным обаянием.

— Что вам угодно? — строго спросил Корнет.

— Вас, — пролепетало существо, хлопнув фиалковыми глазами.

— К сожалению, сегодня я дал небесам обет переспать только с мулаткой.

Существо еще раз хлопнуло ресницами и вдохновенно промолвило:

— Но неужели вы способны отказать в тайных желаниях невинной девушке, готовой ради ваших странных прихотей вывалиться в какао с ног до головы и завить свои золотистые волосы в отвратительные кудряшки?

— Нет, против такой самоотверженности я не могу устоять! — взревел Корнет, рывком сдирая с себя мундир, и тут же удалился в кабинет в сопровождении коварной соблазнительницы.

Не успели мы с Бароном даже обменяться осуждающими взглядами, как из толпы перевозбужденных девиц вынырнуло еще одно существо, блестя разгоряченным смуглым телом с выпирающими отовсюду формами, едва прикрытыми кислотными лоскутками. Внешний вид похотливицы явно говорил о том, что она принадлежит к новейшему, возвращенному в атлетических лабораториях культуристскому типу, способному вдохновлять мужчин не только бюстом и бедрами, но и женственными мышцами.

Мне уже не раз приходилось контактировать с подобными экземплярами, но Барон, человек куда более занятой, сталкивался с девой-шварценеггером впервые. А потому, едва только эта демоница в мускульной плоти потерлась трицепсом о его вздымающуюся грудь, Барон вскочил и удалился в соседний кабинет, откуда тут же начали доноситься мерные сотрясающие удары, как бы от работающего атлетического тренажера.

Таким образом, возвышенный план рухнул, едва столкнувшись с грубой действительностью. Согрешив единожды, мои друзья уже не заботились о своей репутации честных людей, превратив остаток вечера в разнузданную вакханалию. Едва кончив, они тут же обменялись девицами, а потом присоединили к ним еще с полдюжины блондинок, брюнеток и рыжих всех оттенков кожи, свойственных белой расе, заглушив в конце концов шумом оргии отчаянно отругивавшуюся музыку из танц-зала. И только я продолжал скромно потягивать свой мультивитамин в твердой уверенности, что не стоит прогибаться под изменчивый мир.

Из этого состояния меня не вывели даже весьма безвкусные остроты Корнета,

заявлявшего прямо из полуотворенной двери кабинета, что сегодня я так и не нарисую ни одной отметки о победе на фюзеляже своего истребителя. Я посоветовал ему вытереть лужу спермы, выкатившуюся за порог, и был прав, ибо ровно в полпервого, когда топливные баки моих товарищей были окончательно опустошены всевозможными излишествами, настал час моего боевого вылета.

Она вошла прямо из промозглой зимней тьмы, как красивое дикое животное, случайно затесавшееся в загон для домашнего скота. Ее длинные ноги слегка заплетались, сверкая леопардовыми переливами облипающих брюк со специальным разрезом для оперативного совокупления в паху, а полуобнаженные груди покачивались, как буйки на волне.

Чернокожие боги настолько явно благоволили мне, что я не удивился бы, узнав, что закончу свои дни диктатором какой-нибудь Центрально-Африканской империи, готовой трижды в день отдавать мне на закление своих самых развратных дочерей.

Темнокожая дева уселась мне прямо на колени, обдавая жизнеутверждающим теплом страстного зада, не оставляющего никаких сомнений в возвышенном градусе ее чувств.

— Делайте со мной все, что хотите, — прошептала она.

— Но я должен быть уверен, что вам это ВСЕ понравится...

— Мне уже нравится, — прозвучало откликом на мою руку, проникшую ей между ног.

— Я очень циничен...

— Обожаю циничных: у них никогда не бывает проблем с потенцией.

— Но я буду вас очень жестоко колониально угнетать!

— Угнетайте, сколько угодно — именно это я люблю больше всего.

— И при этом вы должны быть так же чисты, как Наташа Ростова.

— Я еще чище. Разве в ее времена существовало антибактериальное мыло «Сейфгард»?

— Господа! — торжественно провозгласил я. — Кажется, я нашел наш идеал. Эту даму можно употреблять даже, когда флора в ней еще жива!

* * *

Остаток рождественской ночи и весь следующий день были потрачены мною на возрождение самых диких сексуальных обычаев колониальной эпохи, предания о которых бережно сохранялись в роду моей партнерши. Когда же к вечеру мы, счастливые и обессиленные, вновь собрались под сводами «Белой гвардии», на все вопросы: в чем все-таки суть сексуальной притягательности мулаток, — я отвечал со скромностью, свойственной всем истинно идеальным любовникам: «Запах, господа! Главное в ней — запах. А запах не передашь с помощью жалкой порнографической пантомимы!»

Му́ха в меду

Есть дочери человеческие, при виде которых во мне просыпается животное. Но есть среди них те, что способны пробудить дремлющего зверя даже эхом своего голоса. Ее голос в телефонной трубке возник в тот самый момент, когда, празднуя конец рабочего дня, я изощреннейшим образом содрал кожу с груши с роскошными женственными формами и вогнал зубы в ее нежную сочащуюся плоть.

— Мишу можно? — несмело спросила она.

— Его нет! — обрадовался я, заслышав один из тех редких беззащитных тембров, которые всегда вызывают во мне запретную похоть. — Зато есть я!

— Ну, вы-то мне не очень нужны...

— Это почему же?

— А когда будет Миша?

— Миши вообще не будет в ближайшее время.

— Он в отпуске?

— В научной командировке. Ему сообщили, что в Анталии обнаружена редкая порода девиц с обхватом бедер в 120 см. Он отправился проверить, насколько массово это явление.

На том конце провода замолчали.

— Поверьте, я значительно лучше Миши!

— Вы его коллега?

— Ближайший друг. Кому, как не мне, знать все его худшие стороны? Может, встретимся?

— Вряд ли вы мне его замените...

— Оскорблен в лучших чувствах! Я способен заменить кого угодно!

На том конце вновь замолчали, а потом, окончательно сраженные моим ходом мыслей, с неподдельным интересом спросили:

— А вы кто?

— Маньяк.

— Честно?

— Честнее не бывает.

— Молодой маньяк, надеюсь?

— В полном расцвете сил!

— С таким я бы встретилась...

— Смотрите, я предупредил — еще есть время передумать.

— Я никогда не передумываю!

Совість моя теперь могла быть совершенно спокойна. Женщины так устроены, что среди них всегда найдется добровольная жертва. Обманывать такую — предел жестокости. На это не способен даже я.

К тому же Ада (мне всегда везло на редкие имена) оказалась куда более честной жертвой, чем я думал. Обычно между голосом женщины в телефоне и ее описанием своего экстерьера дистанция столь же непреодолима, как между Землей и Марсом. Голоса очаровывают. Все остальное может повергнуть в депрессию самого неприхотливого извращенца. Но внешность Ады давала ей право вообще молчать.

Ее ноги были так безупречно стройны, что могли бы пронзить мое сердце насквозь,

если бы у меня было сердце. А длинные черные волосы распространяли вокруг себя настолько пряный аромат, что я впервые пожалел, что не принадлежу к куда более распространенной породе маньяков, которых ловят не на голос, а на запах.

— Так чем вы все-таки занимаетесь, обаятельный молодой человек? — спросила она, любовно устраивая свое слегка прикрытое серебристым платьищем тело на сиденье моего «Форда». — Маньячу потихоньку, — ответил я как можно любезнее.

— Что-то не верится...

— Сам иногда диву даюсь. Между тем, я именно тот, после которого органы внутренних дел то и дело обнаруживают развешанные по деревьям внутренние органы.

— Мужские? Детские?

— Исключительно женские. Я — строго гетеросексуален, что, в общем-то, редкость в наше безумное время.

— Так вы еще и в пределах нормы!

— По-своему, абсолютно в пределах.

Было видно, что ей со мной по-настоящему хорошо.

— С вами так интересно беседовать! — не удержалась она.

— Еще бы! Когда встречаешь подходящую девушку, просто из кожи лезешь вон, чтобы заслужить право содрать с нее кожу.

— Это в какой-то степени делают все мужчины.

— Я стараюсь делать это в совершенно определенной степени.

Она непроизвольно вздрогнула:

— Станный вы какой-то маньяк. Интеллектуальный, воспитанный, умный...

— Станные у вас какие-то представления о маньяках! Между прочим, среди нас процент людей с высшим образованием даже выше, чем среди евреев. И к тому же, хочу, чтобы вы знали — я женат.

— К чему вы это?

— Видите ли, некоторым девушкам не нравится встречаться с женатыми маньяками. Мне не хотелось бы, чтобы вы чувствовали себя обманутой.

— А может, подсознательно мне нравится быть обманутой? Я же жертва. У вас с женой хорошие отношения?

— Теплые. Не могу сказать, что доверительные — сами понимаете, о своей второй жизни мужчины женам не рассказывают. Но я доволен — лучшего алиби пока не придумали.

— Вам не хочется иногда ее задушить?

— Жену? Случается... Но, согласитесь, это было бы довольно глупо в моем положении.

— А что вы делаете, когда очень хочется?

— Держу руки за спиной.

Она предложила отправиться в только что открывшийся, разрекламированный ночной клуб, хозяин которого оживил для тинейджеров обстановку советской забегаловки, добавив для шику установленный в центре зала бронетранспортер с красной звездой на башне (по-видимому, Аде хотелось окунуться в обстановку раннего детства), но я уговорил ее выбрать место покруче, заметив, что не стоит последний вечер в жизни проводить в дешевом заведении.

— Мне хотелось бы подарить вам незабываемые впечатления, — отчеканил я, нажимая на слово «незабываемые».

— Так чем вы все-таки занимаетесь? — снова спросила она, едва мы оказались за

столиком.

— Зачем вам это? Я же сказал: вакансия супруги занята. Какая разница, задушит вас миллионер или бедствующий пролетарий умственного труда, затащивший вас сюда на последние копейки?

— Мне нужно!

Лицо ее внезапно приняло беспощадное выражение. Она начинала меня не на шутку сердить.

— Вы что, мне не доверяете? — жестко спросил я. (Любой, кто находился бы рядом, подтвердил бы, что сказано это было с особым цинизмом.)

Она даже не стала настаивать:

— А обо мне вам ничего не хотелось бы узнать?

— О вас? Ни капельки!

— Но почему?!

— Разве вы не знаете, что как личность вы меня совершенно не интересуете? Только как объект моих сексуальных устремлений! Я же предупредил вас, что являюсь совершенно нормальным маньяком — все человеческое мне абсолютно чуждо!

— Вы сумасшедший?

— Она еще и оскорбляет! Разве я называю вас сумасшедшей лишь потому, что вы поперлись в ресторан с незнакомым мужчиной? Просто я устроен не так, как другие, и прошу к этому относиться с уважением. Но я никогда (слышите, никогда!) не убиваю женщин против их воли! Если дама искренне хочет быть убитой, тогда я, так и быть, готов сделать ей приятное. Чего вы от меня хотите?

— Я тебя просто хочу...

Она соскользнула под стол и, как ножом, распахнула молнию моих брюк.

— Эй ты, бешеная Моника! — крикнул я, отпрянув всем телом. — Я благородный маньяк, а не нарушитель общественного порядка, вроде американского президента. Если хочешь, чтобы я тебя прирезал — всегда пожалуйста. Но заниматься оральным сексом в общественном месте — не мой профиль!

Ада вынырнула из-под стола с тем совершенно бесстыдным выражением на лице, которое бывает только у интеллигентных женщин.

— Я не могу жить без твоего вкуса! — заявила она.

— Так уж и не можешь! Ты едва успела попробовать.

— Поверь настоящей ценительнице.

— Не верю!

— Почему ты не хочешь?

— Это не совсем мое.

— Многие мужчины об этом только мечтают.

— Возможно. По-своему, у меня тоже очень богатая сексуальная жизнь. Если бы я написал мемуары — обыватель визжал бы от восторга.

— Я не хочу верить, что такой интересный мужчина, как ты, всю жизнь будет только потрошителем.

— Ты преувеличиваешь — это занимает в моей жизни не так уж много места. Добывание денег — куда больше.

Вдруг она уставилась на меня с совершенно наглым видом собственного превосходства, как ведьма, которая наконец-то нашла заклинание против безупречного рыцаря:

— Ты сказал, что можешь заменить кого угодно!

Я действительно это сказал. Наглая девка улыбалась, облизывая губы огненным языком.

— Что тебе от меня нужно?

Язык ее скользнул по стоявшему рядом высокому стакану, прошелся по его стволу сверху донизу, вознесся к венцу и погрузился в искрящуюся жидкость.

— Как жаль, что это только сок, — вздохнула она. — Я хочу тебя здесь и сейчас, и мы оба знаем как.

Она стекла под стол, как тягучая струя. Сквозь ткань брюк я ощущал, как впиваются в мои бедра ее хищно отточенные когти. Язык ее извивался так, что член казался погруженным в медленно вращающуюся центрифугу с медом. Она сосала, лизала, сжимала его в объятиях губ, рассыпаясь радугой движений, для которых пока еще не придумали даже неприличных слов. Через мгновение я уже взорвался, как вулкан, а она билась в лихорадке неправдоподобного оргазма. На нас даже не успели обратить внимания.

Да и мало ли что может искать под ресторанным столиком красивая молодая женщина, у которой вечно что-то падает — мало ли что она может искать там, где среди вывалившихся внутренностей сумочки ей и случается порой найти свое подлинное сучье счастье — найти благодаря мне, добрейшему из всех известных природе маньяков.

Театр російської драми

Я сидів за кермом, вдивляючись у п'ятьму. Нарешті двері театру відчинились, і з них виринула постать у довгому розстебнутому плащі. Вже здалеку я почув цокання підборів по мокрому асфальту. Ось звук став ближчим: я вже розрізняв риси її обличчя, коли вона минала ліхтар. Потім знову зникла в тіні будинку і за мить сиділа поруч, обдаючи мене вуличною вологою і духом мокрого листа.

— Навіщо, скажіть, оця таємничість? Змушуєте мене пройти під дощем піввулиці, коли б могли під'їхати до самого входу.

— Це не таємничість. Це обережність.

— Мені не дуже подобаються обережні чоловіки.

Я промовчав, даючи їй розгледіти мій арійський профіль, і відповів:

— А мені подобаються німецькі аси часів Другої світової. Ніхто не збив літаків більше за них. Але ніхто й не берігся так, як вони. Вони вміли за мить вийти з бою і втекти проти сонця, засліплюючи переслідувачів. Навіщо вам зайві балачки? Якби я під'їхав до входу, нас побачили б з вікна.

Вона мовчала. Я лише бачив, як блищать її очі — гаряче, мов чорні вуглини. Увімкнув запалювання, додав газу і, звернувши на безлюдний бульвар, помчав угору.

Вона ніколи б не сиділа поруч, якби на презентації фірми її чоловіка (і, мабуть, її самої — бо вона там була найгарнішою) я не запитав свого друга:

— Чи можна з нею мати справу?

— Не знаю, тільки одного разу вона мене поцілувала.

— Як саме?

— На прощання. Але так, ніби хотіла зустрітися.

— То я йду знайомитись.

І одразу ж попрямував до того кінця шведського столу, де вона розмовляла з моїм редактором. Звідти якраз почулося:

— Зрозумійте ж, наш театр тут найкращий!

— Не знаю, не знаю, — відповів мій редактор, уже добре напідпитку, — не можу стверджувати. Я не театрал.

— Я — театрал, Гнате Гнатовичу, — миттю втрутився я. — І це справді так. Він найкращий!

Товстий, веселий редактор радо посміхнувся — йому, мабуть, здалося, що молодший колега вдало виручив його в найтяжчий момент світської розмови.

Того самого вечора вона запросила мене на свою виставу в російську драму, а від свого друга — підлеглого її чоловіка — я дізнався, що їй тридцять шість, а чоловікові — сорок вісім. Отож я був молодший за нього вдвічі, а за неї — рівно на третину. І всі троє ми народилися в рік Півня. Як вони вживаються удвох? Бо ж прислів'я твердить: двом півням не місце в одній хаті...

— Як ви можете писати українською мовою? — запитала вона, коли я підвіз її до свого дому.

— Із задоволенням.

Ми піднялися ліфтом на третій поверх — їй ліньки було йти пішки, я впустив її до квартири поперед себе, як кицьку. У вузькому коридорі вона одразу ж сторожко повела

плечима і, не скидаючи плащ, заглянула до кімнати. Потім по вернулася назад і встромила парасольку у видовбаний пеньок, який я тримав саме для цього.

Кімната їй сподобалась. Білі стіни нагадували фотолабораторію. Над письмовим столом висіло кілька чорно-білих фото: високі кашкети, орли зі свастикою у кігтях, зірки, огорнені листям, і молоді обличчя з очима небесних мисливців.

— Хто це?

— Ерік Гартман. А це Вернер Мельдерс — перший, хто збив сто літаків. Оце Кожедуб — українець і найкращий з радянських асів. Шістдесят два збитих супротивники.

— А цей, без форми?

— Він взагалі-то не ас. Але цікава доля. У сорок першому збив трьох німців як радянський сокіл, а в сорок п'ятому закінчував війну в дивізії СС «Галичина» — пішки. Теж українець.

— А третій ліворуч?

— Мій дід. Сорок вісім офіційних перемог.

Вона глянула на мене з повагою, ніби це в мене їх було сорок вісім.

— А ви маєте офіційні перемоги?

— Лише неофіційні...

...Я все цілував її в губи, відчуваючи, що посміхаюсь і що немає в моїй квартирі нічого кращого за ці уста, — навіть привиди згаслих у небі вікторій не могли зрівнятися з ними.

— Ви їх лічите?

— Кого?

— Неофіційні перемоги!

— Я полічу їх на схилі віку, коли матиму час.

Вона поклала мені руки на плечі. Не знаю, чи вміють люди проходити крізь стіни, але я отямився, лише відчувши, що вона стоїть за спиною і сміється.

— Чи вмію я засліплювати переслідувачів?

— Бачу, що ми порозумілись, — сказав я.

— Як саме?

— Без слів.

За мить її плащ лежав під ногами, як роздертий прапор. Біла блузка здійнялась аж під пахви, а спідниця здавалася пасом, затягнутим довкола стану. Зніжені сідниці вигравали під моїми пальцями. Ноги їй аж пригинало від млості. Господи, як їй кортіло! Як їй цього кортіло! Присягаюсь, мені раптом аж смішно стало. Я ледве утримався від переможного реготу.

Ми цілувалися довго. Здається, так довго мені не траплялося цілуватись від того травневого дня, коли я вперше притис до стіни в під'їзді свою однокласницю... А потім Поліна стала навколішки, видобула з моїх штанів ту звабливу річ, яку китайські святенники називали нефритовим пагоном, і заходилася полірувати її язиком. Виходило в неї так добре, що здавалося, наче то Господь посадив на мій прутень слизького рожевого равлика, який вирішив будь-що утриматись на цій гілці.

Така майстерність заслуговувала винагороди. Я теж припав до неї, наче ведмідь, що прихопив язиком стільник. Бо ж біс його знає — може, десь у своїй загадковій підсвідомості сподівався забратися туди, звідки колись вийшов на світ. Либонь, недарма первісні люди ховалися у печерах, — мабуть, вони нагадували їм затишні піхви...

Довгоноге тіло Поліни, неправдоподібно молоде, ніби воно належало двадцятирічній

дівчині, аж звело від захвату, коли я поклав її грудьми на письмовий стіл, де ще лежало дві-три недописані статті, і ввійшов у неї на всю довжину, пославши стрілу Амура чи не в самісіньке її серце. А далі фільм утратив свою послідовність і викрутився кольоровими клаптями епізодів, у пам'яті від яких лишилося щось на зразок картини п'яного абстракціоніста, поверх якої наклеїли постаті з розшматованого порнографічного журналу...

І лише глянувши на годинник, помітив, що вже пів на четверту. Справжій далекий політ — три години. Між іншим, пального у «мессершмітта» вистачило лише на сорок п'ять хвилин бою. Можна було пишатися...

Через день уранці, підвозячи на роботу свого друга Петра, я розповів йому цю нічну історію. Петро працював в Інституті жабознавства Національної академії наук і саме їхав по платню, яку йому затримали за останні три місяці. Незважаючи на те, що він присвятив своє життя такій, здавалося б, далекій від політики темі, у нього, поряд з цікавістю до жаб, несподівано з'явилося ще й національне почуття. Важко скапати, чи було це проявом здоров'я, чи того, що за останні три місяці Петро не мацав не лише грошей, а й жінки, але він повчально сказав:

— Нащо ти з нею злигався? Вона ж погано говорить по-українськи.

— Ти дурень, Петре! Вона взагалі не говорить по-українськи. Вона просто красива жінка і може не говорити ніякою.

— Все одно — це непатріотично!

— Начхати мені на патріотизм! Щодо мене, то я люблю красивих жінок, а не якусь абстрактну Україну. Україна не має піхви, не має грудей. Навіть сідниць порядних не має. Нічого не має. Міф. Вигадка хворобливої уяви — ось що твоя Україна! Як і Росія, до речі.

— Ну, знову за своє, — скривився Петро.

— Аякже! Моя сексуальність для мене важливіша, ніж моя національність! Принаймні, ця річ природніша — її не так легко змінити. Спробуй прикинутися гомосексуалістом — я на тебе подивлюся. А москалем? Пошкреби трошки будь-якого хохла і знайдеш москаля, як казав маркіз де Кюстін.

— Не перекручуй. Маркіз казав: пошкреби росіянина і знайдеш татарина. І нічого не говорив, як довго треба шкребти.

— Біс із ним, з маркізом. Я визнаю переваги твоєї ерудиції. Особливо в галузі французької політичної думки. Ти ж видатний спеціаліст у жабознавстві, а жаби, як відомо, улюблена французька страва. Але скільки вчора я не шкріб ту довгоногу російську красуню, я знаходив лише жінку, жінку і ще раз жінку. Ніякого татарина там не було.

— Та роби що хочеш. Хіба я проти? Все закінчиться тим, що вона народить від тебе здорованя, якого потім запишуть якимось Івановим, і він повернеться до Києва в погонах російського полковника, щоб знову плюндрувати нашу нещасну неньку-Україну.

— Отут ти брешеш. Прізвище її чоловіка — Миколайчук. І якщо він не втече зі своїми капіталами до Канади — що деякі патріоти вже зробили, — то, сподіваюся, з нашого синочка виросте справжній герой. На відміну від мене — безпринципного найманця, як ти любиш говорити.

Хоча Петро й сказав: «Роби що хочеш», — але найменше того вечора я хотів зустрітися з Поліною. Не раз протягом дня здавалося, що вона десь поруч. То вигин автомобільного керма нагадував мені лінії Полініних сідниць, то пружне шкіряне сидіння — її обійми, і я ледь не загальмував посеред вулиці, побачивши дівчину, чий плащ і довге чорне волосся були як моєї вчорашньої подруги.

І коли на роботі я піймав себе на тому, що пещу круглий бік попільнички в кабінеті редактора, замість того, щоб відповідати на його запитання, то сумнівів не лишилось: Поліна брала Наді мною таку владу, погодитися з якою я ніколи б не зміг. Я не мав права їй дзвонити. Нехай телефонує сама. їй загнано не меншу дозу наркотику, ніж мені. Вона ще повернеться, щоб отримати нову порцію. Як поверталися всі інші.

Тим більше, що вдома на півці автовідповідача мене вже чекав голос Олі: «Я хочу... (пауза)... хочу тебе бачити». Жарт обіцяв гарний вечір. Оля була моєю університетською подругою. Інтимною, ясна річ. Яюсь на третьому курсі я випадково сів з нею поруч — і от відтоді... «До восьмої я на роботі», — повідомляв далі голос, перетікаючи в розлогий сексуальний стогін, на який мурашками відреагував мій зголоднілий хребет.

Проте по дорозі до Олі довелося здолати несподівану перешкоду. В напівтемному коридорі журналу «Еростиль», де вона працювала коректором, я зіткнувся з істотою, яку будь-хто назвав би чудернацькою. Це був пухлявий гладкощокий хлопець, поверх якого хтось намалював дівчину — помадою на губах, фарбою на віях та лаком на довгих нігтях, — одягнений у якийсь тюлевий хітон, з-під якого просвічували жіночі панчохи з червоними підв'язками. Побачивши мене, він радо всміхнувся і підійшов ближче, гойдаючи стегнами.

— Добрий день. Ви такий красивий... А як вас звать? Мене — Таня. — Губи його згорнулися в червону точку.

— Ланселот, — відповів я.

— Хіба так буває?

— А чому ні? Ви ж вірите, що ви — Таня?

— Я і є Таня.

— А я Ланселот!

Я обминув це диво природи і попростував до кімнати, де за комп'ютером нудьгувала Оля. Комп'ютер у неї був не з простих. Він умів грати в карти. Причому завжди вигравав партії один на один. Та коли проти нього сідали вдвох, бідолаха за мить залишався без штанів. Здавалося б, такий інтелект, а що його б'ють проти правил, збагнути не міг. Просто лихо з розуму!

Та сьогодні бісів пристрій обігрував мою Олю. Бувши ним, я б посоромився — просто гріх було псувати настрої такій чудовій блондинці в білому діловому костюмі, чії пухкі сіднички звабно вимальовувались на верткому стільці, а груди ледь не торкались екрана.

— Слухай, що то за чорт поселився у вас в коридорі? Чи, скоріше, чортиця, як воно стверджує.

— О, то справді оригінал! Ти ж знаєш, до нашого еротичного курника збігаються збоченці з усього Києва. Ми будемо робити з нього «дівчину номера» — як у «Плейбої». Йому двадцять сім років. До речі, він запевняє, що скінчив наше піхотне училище і командував взводом у Середній Азії. Невже ви не порозумілися на твоїй улюбленій темі?

— Завжди у нас так, — зітхнув я. — Або нічого не можна, або, якщо можна, то все відразу. «Плейбой» би закрили спеціально постановою Конгресу, якби в ньому з'явилась така «дівчина номера»...

— А така, як я?

— Тоді б від заздросів закрився «Пентхаус»!

— Я ладна пробачити тобі що завгодно. Навіть те, що ми зустрічаємось лише раз на тиждень.

— Ти хотіла мене бачити?

— Дурень, я тебе просто хотіла!

Оля на мить розвела ніжки в блискучих панчохах, показавши трикутник мережив, і так само хутко сховала його. Здавалось, там у неї причаїлася чорна блискавка.

— Крім тієї шльондри в коридорі більше нікого немає?

— Лише ми.

Я скинув свою шкіряну куртку і притис Олю до грудей. Кінчик мого язика розтулював їй уста, а рука тяглася до блискавки між ніг, занурюючись у вологу глибину. Схоже було на те, що Оля хотіла мене від самого ранку. Тим часом її ніжка акробатично лягла мені ледь не на спину (зайвий доказ, що Оля не брехала, кажучи, що тричі на тиждень відвідує шейпінг), і мій бойовий спис з першого ж разу поцілів їй просто в піхву, кожним новим ударом підтвержуючи успіх. Ним можна було б підкинути цю дівчинку до самої стелі.

— Боже, як я тебе хочу, — шепотіла вона, обпікаючи мою шию поцілунками. — Як я тебе хочу...

«Всі ви мене хочете», — промайнуло у голові.

— Ти ж мій? Мій? — питала Оля. — Мій! — кричала вона задихано. — Я тебе нікому не віддам! Нікому!

— Твій, — відповів я і подумав: «Якщо тобі так хочеться. Але, насправді, я — свій».

Оля здригнулася так, немов замість сперми я влив у неї розпечену ртуть, і похилилась в обіймах. Щока її притиснулася до мого плеча.

— Тобі добре? — запитала вона.

— Добре, — відповів я і знову подумав: «Як може бути добре тому, хто замість однієї жінки хоче двох, замість двох — трьох, замість шести — дванадцять і замість дванадцяти — безкінечність».

* * *

Уві сні я керував винищувачем над Ла-Маншем. Осінь 40-го року. Холодне море внизу. Ззаду — нікого. Синьо-біло-червоний круг на крилі — знак британської королівської авіації. Піднімаю голову. І раптом, наче прямо з сонця, замість «мессершмітта» на мене падає чорна валькірія — діва смерті з розгорнутими на півнеба крилами. Потойбічним сріблом горить луска її тіла. Віраж — на мить я врятований, але сталеві пазурі вже дзвенять по дюралевій обшивці мого «спітфайра». Ось вони впиваються в кабіну, і по склу наді мною розбігається павутиння тріщин. Прекрасні сині очі жінки-смерті пронизують мене наскрізь, криваві губи розтягуються в переможній посмішці, чорне волосся — як у змії... «Остерігайся Поліни», — пише хтось чорними літерами у моєму мозку.

Збагнути Поліну я не міг. З того дня, як вона подзвонила, минуло два місяці. Чи була жінка, яку я кохав би довше? Ні. Ніколи. І тому я робив усе можливе, щоб не закохатись ущент. У театрі завдяки Поліні у мене з'явилося постійне крісло. Я навіть став надягати на вистави двобортний костюм, бо, торкаючись пальцями мого волосся, — вона казала:

— Мені так подобається контраст між твоєю спортивною статурою і строгим піджаком. Це збуджує.

На відміну від мене, Поліна не дбала про обережність. Вона могла поцілувати мене на очах будь-кого. Чому їй так хотілося, щоб усі знали про наше «кубління»?

— Ти не боїшся ревнощів чоловіка?

— Йому подобається трішки ревнощів. Це його збуджує.

Я ніколи не зміг би пояснити до кінця її поведінку, як не можу пояснити причин цього світу. Але впевнений: якщо у жінки пухкі губи, вона знається на коханні. А чому Мадонна виходить на сцену гола? То, може, Поліна і була маленькою Мадонною? Я бачив, що, з'являючись зі мною в ресторані чи знайомлячи з кимось зі своїх друзів, вона пишається мною, як хижим звіром, якого їй вдалося вполювати — так ніби це не я спокусив її. І навіть я б сам не зміг уже сказати, хто ж кого вполював, бо назавжди запам'ятав ту ніч у метро, коли нам не випало зустрітись. Я їхав додому і твердив собі: «Ні, ти не помреш. Ти не помреш. Від цього не помирають. Завтра вранці ти її побачиш». Та коли вона запитала: «А що далі? Що з нами буде?», я відповів словами модної пісеньки: «Що з нами буде? Наша дорога — дорога в нікуди».

— Як?

— У тебе є чоловік!

— Але я його не люблю!

— Він багатший за мене разів у сто. А я лише молодший.

— Ти теж будеш казково багатим. Я вірю.

— А я тобі не вірю. Як можна вірити жінці, котра щовечора виходить на сцену вдавати кохання? Сьогодні — він, завтра — я? Я не люблю, щоб мене кидали заради когось.

— Добре. Вважай, ми не говорили. Це була хвилинка жіноча слабкість.

На прощання вона поцілувала мене, як завжди. Та коли я зателефонував за кілька днів, то почув: «Я зайнята». Краще б мені дали ляпаса. Я зціпив зуби і незабаром поїхав до Львова, де один з депутатів найняв мене на передвиборну кампанію. У Львові було добре. Вірменське подвір'я і собор Святого Юра допомогли забути Поліну. На згадку від тих відвідин лишилася купа грошей — гонорар за удачу — і чудова картинка: після мітингу, на якому мій підопічний вигукував: «Український флот борознитиме простори Тихого океану!» — ми святкуємо перемогу, білий стіл заставлено пляшками, старий вояк УПА напився так, що вважає курячу ногу в руці за свій протез, а я поглажую під столом ногу сусідки від коліна до середини стегенця і вже встиг домовитися, що через півгодини підіймуся наверх. Справді, у Львові було добре. Прикро лише, що імені сусідки — власниці таких розкішних, незбагнено солодких ніг — пригадати не можу.

Проте навіть львівський бліцкриг не втамував образи. Вперше я відчував, що ніхто не може замінити мені одну жінку. Навіть безліч жінок. І, замість того щоб вийти на звичне полювання, я вештався містом, ходив до басейну і гортав французькі еротичні журнали з колекції Петра — знаного на весь Київ збирача цього мотлоху. Розглядаючи барвистих, виблискуючих, як метелики, жінок з тілами, яких ви ніколи не побачите у житті, я подумав, що оце, мабуть, і є ідеальне кохання. Без запаху і слів. Купивши такий журнал у суботу, можна залити його спермою в неділю і пожбурити на смітник у понеділок, щоб уже ніколи навіть не згадувати цих перелітних одалісок. Ритуал на найвишуканіший смак. Будь-яке збочення. Можете навіть розрізати ножицями їхні паперові тіла чи відшмагати лінійкою, навчаючи пристойності.

І це навіть краще, ніж гумова лялька, бо до сторінок не потрібно нічим доторкатися. Одне слово, ідеальне кохання.

Поліна зателефонувала, коли я вже й не сподівався.

— Куди ти зник?

— Ти ж зайнята.

— Хто тобі сказав? Навіщо вірити тим, кому ти не віриш?

Уперше я не знайшов відповіді.

— Ти сердишся? Приходь завтра. Додому.

— А...

— Він їде до Відня. Приходь рівно о третій. Спізнишся хоч на десять хвилин — можеш не підніматися.

— Я ніколи не спізнююсь.

Утім із трубки почулися лише короткі нервові гудки. Раптом мені розхотілося йти. Чому? Передчуття небезпеки? Атож, саме воно. Такий собі холодок у животі і трішки в мозку, якщо хто не знає.

Небезпека? Я засміявся. Хіба тепер часи герцога де Гіза, який змусив дружину послати запрошення коханцеві і вбив його у себе в палаці, нацькувавши слуг? Наскільки я знаю, чоловік Поліни — прагматик. Він справно платить рекету. Заплатить і мені.

Проте наступного разу я обов'язково зважу на передчуття. Можете навіть назвати мене забобонним — усе одно. Бо саме в ту хвилину, коли я, лежачи на величній, як Маріїнський палац, постелі Поліни та її чоловіка, пестив витончене тіло коханки, почувуючи себе як риба у воді, і вже ось-ось мав зануритися в її ніжну глибіню, якась тінь промайнула в мене над головою. Інстинктивно я сахнувся убік, краєм ока помітивши, що там, де мить тому гралася моя плоть, лежить грецька ваза з Ольвії, кілограм три з гаком. Просто так вази з неба не падають. Особливо колекційні, гідні музейних залів, а не моєї голови. Я схопився на ноги й опинився віч-на-віч із нападником. Те, що я був без штанів, не дуже мене турбувало. По-перше, значну частину життя справжній чоловік повинен проводити без штанів. По-друге, голий я маю вигляд чогось середнього між Тарзаном та Конаном-варваром і під захистом своїх м'язів комплексувати не стану. Навіть якщо проти мене виставлять бійця в піджаку від Версаче. Блискавичним ударом у голову я звалив його з ніг і сів верхи.

— Ти ж міг мене вбити! — почув я свій відчайдушний вигук.

Я підняв правицю, щоб додати йому ще, і... опустив руку. Переді мною лежав Полінин чоловік — такий собі елегантний джентльмен саме в тому піджаку. Профіль його був трохи зіпсутий моїм аперкотом.

— Звідки ви взялися? — спитав я, від несподіванки переходячи на «ви». — Ви ж у Відні?

— У якому Відні? — застогнав він. Це було вже занадто.

— А чому тоді вас приперло додому майже серед робочого дня?

— Бо мені подзвонила дружина і попросила приїхати.

Я глянув на годинник.

— Рівно о четвертій?

— Так. Раптом мене осяяло. Я засміявся. Поліна, що дрижала тепер у кутку ліжка, згорнувшись у клубок, влаштувала нам тут щось на зразок півнячого бою, призом у якому була вона.

— Вона не казала, щоб ви не запізнювалися?

— Казала.

Я хутко натяг штани й допоміг бідоласі підвестися. До мене повернулася звична

впевненість і почуття гумору — ніби п'ять хвилин тому мене не перервали на найцікавішому місці. Саме настав час для коротенького прощального спічу.

— Пані і панове! — звернувся я до них. — Залишаю вас наодинці. Сподіваюсь, вам є про що побалакати. Поводьтеся пристойно. Вас, пане, я просто благаю: поведіться з Поліною як джентльмен і не жбурляйте з розпачу в неї вази, як у мене, бо тоді я змушений буду вбити вас за образу дами. А вас, пані, я б попрохав ніколи не проводити таких жорстких експериментів. Не у всіх чоловіків нерви як у мене. Зважте на це.

І вийшов зі спальні. В спину мені по-зрадницьки вдарив голос Поліни:

— Господи! Як я вас обох ненавиджу! Обох!

Як після цього мені захотілося побачити мою Олю! За двадцять хвилин я домчав до «Еростилію». Та Олі там не було. За комп'ютером гралося лише те жінкоподібне, котре минулого разу відрекомендувалося Танею.

— А де Оля?

— То ваша біла «Тойота» десятирічної давності стоїть біля під'їзду? — глузливо запитала істота.

— Як для жінки, ви непогано знаєтеся на авто, — відпаривував я. — Але «Тойота» справді моя.

— Ну, щось і в мене має бути від чоловіків? Правда? Що ж до Олі, то її з півгодини тому забрав якийсь красень на «Альфа-ромео» — щонайбільше трирічної давності.

Це був останній найвлучніший удар. Сидів би я зараз у кабіні винищувача, саме час було б натиснути на кнопку катапульти. Мабуть, істота за комп'ютером зрозуміла це. Вона злізла зі стільця і співчутливо погладила мене по руці. Очі істоти раптом набули м'якого похитливого виразу.

— Не журіться, — промуркотіла вона. — Ви такий гарний. Я б не змогла зарадити вашій біді?

Я вже не мав сили жартувати і просто відвів її пальці зі свого зап'ястка.

— Слухай, Таню, — сказав я, — помовч. А то вперше в житті я змушений буду вдарити жінку. Мені б не хотілося, щоб нею була саме ти.

Жінки та жаби

— Подаруй мені своє фото!

— Навіщо? Для колекції?

— Для колекції.

— Ні.

— Чому ні?

— Бо тоді ми розлучимось.

— Ми й так розлучимось.

— Все одно не подарую!

— То тримай на вічну пам'ять! Через триста років глянеш: «Более, яка я стала стара й некрасива!» А так вмерла б щасливою.

Я вручаю їй фото і порівнюю з оригіналом. Один до одного. Дівчинка 17 років строго по моді травня 97-го — два постаменти, приклеєні ремінцями до пронизливо-блискучих ніг, вище дзвоника спіднички щось трохи довше за ліфчик. Посередині голий пупок — можна взяти її на руки, налити туди коньяку і, випивши за вічне кохання, закусити лимоном. Проте, пити не станемо — геть вічне кохання!

— Знаєш, чому я з тобою зустрічаюсь? Я мовчу.

— Бо ти мені нічого не забороняєш.

— Чого б я забороняв? Китайці казали: хочеш оволодіти — відпусти.

— А що ще казали китайці?

— О, то були дуже мудрі люди. Вони багато чого казали.

— А чому ти кажеш: були?

— Бо ж Китаю давно немає — у січні його зніс цунамі з усім населенням. Майже з усім. Тих, що лишилися, забрали інопланетяни. Для дослідів. Такі симпатичні — з ріжками, на тарілках. Чи це; ще не ввели до шкільної програми?

— Ще не встигли.

— Як погано, що ти не читаєш пресу!

Я підчепив Яну прямо в басейні. На доріжці. У неї була статура плавчихи — прями плечі, блюдця грудей і відшліфовані водою сідниці, розрізані, як яблуко, чорним ножом купальника. Проте ніякою плавчихою вона не була. І навіть плавала так собі. Просто Бог подарував їй таке тіло.

— Що ти робиш завтра? — спитав я, коли ми вибрались з басейну на вулицю.

— Здаю екзамени з історії. Я нічого не знаю. Зовсім!

— Ну, хоча б, хто цей дядько, ти знаєш? — дістаю з кишені п'ятірку.

— Мазепа?

— Хмельницький! Мазепа — на десятці!

Переляк в очах стирає виною, як класну дошку ганчіркою. Права нога копає постаментом пісок.

— То ти вчитель?

— Я схожий на вчителя?

— Навряд чи. А чим ти займаєшся?

— Справою.

— Якою?

— Хіба нині хтось пояснює, якою справою він займається? Головне, що вона мені подобається, і ми можемо взяти хоча б оце таксі й поїхати в «Чотири сезони».

— Але як тебе звати?

— Зви мене просто — Пілотом.

* * *

Ясна річ, що Петрові все це, як звичайно, не сподобалось. Особливо вік моєї знайомої. Почісуючи великого пасторського носа, він виголосив:

— Кримінальна справа. Спокуса неповнолітньої. Загнимиш за ґрати.

— Стривай, ще за часів СРСР в Україні можна було виходити заміж у 17 років...

— Заміж — так, але не заводити коханців.

— Сподіваюсь, про вік вона бреше. Судячи з її знань, вона сиділа в кожному класі по два роки.

— Боже, то вона ще й дурна! Наступного разу ти познайомишся з мавпою в зоопарку і теж запросиш її в «Чотири сезони». Аби тільки збагатити статевий досвід.

— А що — запрошу.

— Ти аморальний!

— Увесь світ — аморальний. Чого, ти думаєш, жінкам так смакує купатися в шампанському? Бо їх тішить, що якийсь дурень зіпсував на них цілий вагон делікатного напою? Тричі ні! їм подобається, що бульбашки проникають під трусики і ласкаво лоскотують клітор!

Петро не витримує і заходить в реготі. Мабуть, уявив цю картину. Вигляд у нього точнісінько, як в американського пастора з глухого села, якому прихожанин припхав на сповідь врятовану від жінки порнографічну брошуру.

* * *

Щиро кажучи, мій новий роман не був позбавлений суто наукового інтересу. Захоплення натураліста, поглинутого дослідженням нового ссавця. Чим, справді, я гірший за того ж Петра, який недавно встановив, що прабатьківщиною жаб є Полісся і що саме на теренах України ці земноводні досягають за сприятливих умов радіації найбільших у світі розмірів?

Я теж міг би заснувати якусь нову науку на кшталт психокібернетики чи етнобіології. Я навіть знаю, як вона б називалася: жінкознавство. Так-так — точна чудова назва, що передає саму суть предмета суперечки. Мене б усі знали. Мною і пишались. Я з'являвся б у пристойному товаристві в елегантному смокінгу, і будь-де мене супроводжував би захоплений шепіт: «Хто? Хто це?!» «О, це той самий — ви читали його останню монографію "Порівняльна характеристика типів жіночих сидниць Дніпро-Бузького межиріччя"? Ні? Ви багато втратили! А "654 способи досягнення оргазму з самками виду homo sapiens лісо-степової смуги України"? Читали? То справді інтелектуальний бестселер!»

Яна була б безцінним екземпляром моєї колекції. Мене просто зомбував феноменальний ефект, за яким інформація з навколишнього світу переломлювалася в системі дзеркал її мозку. Вона була впевнена, що Гоголь народився до нової ери і написав

«Енеїду» («не ту, другу, а першу, на яку якийсь Вергілій змавпував пародію»), що Кравчук з 45-го по 91-й рік партизанів з УПА на Волині, а потім з боєм захопив Київ, що є дві України, і справжня знаходиться в Америці, а Грузія — на загадковому континенті Гондвана, де, крім неї, більше нічого немає, що футбол винайшли в Канаді, а Христос — то чергове втілення Будди і Магомета. І лише одного вона не знала: хто тепер є українським президентом. І навіть запевняла, що у нас взагалі немає президента. Скільки я не переконував її, що таки є, вона вбивала мене одним убивчим аргументом: «Якби у нас був президент, я б це помітила!»

Крім того, вона стверджувала, що висить у школі на почесній дошці як отаман шкільної банди, що її тато — звір, і не розмовляє з мамою чотирнадцять років, хоч і живе у сусідній кімнаті, дошкуляючи сімейству смородом свого допотопного самогонного апарата, і що саму Яну виховувала тітка, заняття якої — торгівля гашишем на оптовому ринку. У мене б просто рознесло голову, якби я спробував вичавити з цих монологів екстракт істини. Проте я не алхімік, і потяг до істини у мене значно слабший за звичайний статевий.

* * *

— Навіщо ти збрехав, що Китай знищив цунамі? — зло запитує Яна у Гідропарку, де ми граємо в настільний теніс.

— Я збрехав?

— А хто — я? — кулька лускає по моїй половині столу. — Сьогодні я купила на вулиці оцю футболку, і перекупка стверджувала, що вона з Китаю.

— Футболка?

— Перекупка, я кажу! Не прикидайся! Хто з вас брехун?

Стрибок кульки.

— Ні я, ні вона. Ми обоє — апостоли істини. Просто твоя китаянка — одна з небагатьох, що врятувалися від катастрофи. Тепер ці нещасні животіють торгівлею на київських вулицях. Ти ж не питала її про катастрофу?

— Я посоромилась.

— От бачиш — істина вимагає безсоромства.

Вона кидає ракетку на стіл. Ракетка гримить, як гладіаторські піхви. Кулька в останній раз стрибає по полю і зіскакує на асфальт. Янині руки обпікають мою шию. Я чую, як кульки за сусідніми столами перестукуються дедалі рідше і зовсім змовкають. Тиша. Раптом спалахують оплески. «У-у-у!!!» — виє тенісний майданчик. Здається, ми всіх обіграли.

* * *

Ми лежимо на пляжі.

— Коли я залишуся з тобою на ніч? Що я відповім — що немає часу?

— Почекай трохи. Кілька днів. Прошу.

— Знаєш, як називають тих, хто може, але не хоче? Мерзотниками. Ти — мерзотник!

— А ти — двієчниця. Однак з тобою зустрічаюся? По-моєму, ми гарна пара.

По піску повз нас з дурним сміхом пробігає нудистка. Пусті цицьки її теліпаються, як вуха у такси. За нею женеться голий сатир. Немов доганяє поїзд. Зарослий дикою шерстю

живіт його летить витягнутим у руках чемоданом.

— У них теж не було часу, — каже Яна. — Тепер час є. Але нічого іншого вже немає...

— Слухай! — раптом вигукує вона. — А може ти просто збоченець і боїшся зізнатися?

— Не вигадуй. Єдине моє збоченство в тому, що я люблю, коли жінки лягають в постіль на високих підборах. Але те саме подобається всім чоловікам.

* * *

Ми йдемо додому. Разом з нами до станції метро марширують сотні жіночих ніг — молодих, здорових, технологічних, немов виготовлених на токарному верстаті, відшліфованих, покритих лаком. Ціла дивізія, корпус. Ні, армія ніг. Яка то трагедія — жити на Батьківщині найкрасивіших у світі жіночих ніг і не мати часу! Навіть на ту пару, що крокує поруч!

Уже біля свого дому Яна каже:

— У мене феноменальна властивість вліпати в історії. («Одначе, вона культурна дівчина! Я вже навчив її слова "феноменальна"».) Ти знаєш, що двічі мене ледь не згвалтували? А тепер ще й маніяк причепився.

— Маніяк?

— Справжнісінький. Він, як і ти, старший за мене на десять років. Але п'ять з них відсидів. Проходу не дає: «Будеш моєю і все!» Я боюся! Пілоте, я справді боюся. Я навіть тобі боялася розказати...

Я легенько поплескую її по руці:

— Ну, який же це маніяк. Не бійся. Це закоханий. Ні в яких маніяків я, звичайно ж, не вірю. Жіноча хитрість дівчинки, якій сьогодні не хочеться спати одній.

Немає часу. Постійно немає часу.

* * *

Я вже ставлю ногу на першу сходинку свого під'їзду і виймаю з кишені ключ, як раптом мене зупиняє окрик:

— Стій!

Повільно обертаюся через ліве плече...

— Ти ніколи більше з нею не будеш зустрічатися. Зрозумів?

Колись я вже казав, що нагадую щось середнє між Тарзаном і Конаном-варваром. Проте цей щось середнє між Конаном і Голіафом. Рудуватий, на голову вищий за мене і разів у півтора ширший. Як і все, що більше, він здається собі ще й сильнішим. До того ж тримає руку в кишені, і я не знаю, що в нього там.

— Ти помиляєшся, — кажу я йому, намагаючись бути якомога ввічливішим, якщо він, звичайно, розуміє, що це таке. — У мене з нею нічого серйозного.

— Ніколи! Зрозумів?

Він ішов за мною від самого Яниного будинку. Як я його не помітив? Голос мій стає ще добродушнішим:

— Ти помиляєшся. Повір...

Я розвожу руками і посміхаюсь. Мабуть, моя посмішка зараз ще чарівніша, ніж у борця за мир. У китайців було старе гарне прислів'я: якщо ти сильний, вдавай, що слабкий. Він повертається і йде геть.

Однак він знає, де я живу. Я ще не вирішив, що треба зробити, але впевнений, що найкращі рішення приходять раптово.

Вдома я вмикаю відео. На екрані, як завжди, круговерть повітряного бою. Крихітний радянський винищувач з роздутими ніздрами (німці називали його «пацюк») втікає від «мессершмітта». Шансів ніяких. Але він над самим лісом і сповзає ще нижче, ледь не черкнувши верхівки лопатою крила. У «мессершмітта» не вистачає висоти і... Над лісом розпускається квітка вибуху. Тепер я знаю, що робити.

* * *

Його справа може знаходитися в кількох місцях. У суді, райвідділі міліції, комп'ютері Міністерства внутрішніх справ. Можливо, в прокуратурі. З будь-якого з цих місць її можна роздобути з деякою спритністю рук. Проте робити цього не варто, бо там будуть знати, що я нею цікавився. Тому найпростіше запитати Яну. Зателефоную завтра. Сьогодні вже надто пізно.

* * *

— За що він сидів? — запитую я Яну. — Добре. Дуже добре. Хочеш від нього позбавитися? Ні, від тебе нічого не потрібно. Просто призначити побачення і не прийти.

Я називаю місце і час.

Пролітає тиждень. Потім ще один. Рудий більше не приходять. Яна дивиться на мене такими ж очима, як колись, мабуть, дивилась на нього.

— Що ти з ним вчинив?

Я сміюся. Сміюсь від усієї душі:

— Ти думаєш? Так? Невже я не казав тобі про свої принципи? Я теж поважаю Кримінальний кодекс. Насильство — прерогатива держави. Нехай вона сама й відповідає за нього перед Богом.

— Тоді як?

— Чи не ти розказувала мені, що у Рудого рве мости, коли щось не так? Перший свій строк він відсидів за те, що від розпачу розбив магазинну вітрину. У нього було щось на зразок екзистенційної кризи (потім я поясню тобі, що це таке). Він не знав, куди подіти себе від розпачу і самотності — так він тобі це описав?

Ти призначила йому побачення біля універмагу «Три слони» і не прийшла. Через півгодини Рудий став розносити на друзки вітрину разом з усіма слонами, що були в ній виставлені. Ще через три хвилини між міліцейським патрулем і охороною магазину зав'язалась невелика дискусія на тему, кому належить його душа. Перемогла держава. Тепер йому буде виставлено рахунок — років два, мабуть. Я погано розбираюсь у юриспруденції...

Яна мовчить, немов бачить перед собою чарівника. Тоді я закінчую:

— Як сказали б китайці: його збило не ударом шаблі, а вихором від її замаху.

— Але ж коли його випустять, він прийде до мене?

— Не бійся. Саме тоді, коли його тягли до машини, я помахав йому рукою. Він це бачив. Він прийде до мене.

* * *

...Немає часу. Фатально немає часу. Я відкриваю ранкову газету. Кава пахне життям. На сторінці кримінальної хроніки мене вітає дівчинка, яку я добре знаю: «Розшукується. Пішла з дому. Була одягнута. 1979 року народження». Як і будь-яка жінка, вона применшувала вік. На рік. Виходить, їй все ж таки було вісімнадцять. Нарешті маєш своє фото.

Можливо, я щось повинен би відчути. Але я давно навчився майже нічого не відчувати. Та й чому я маю щось відчувати? Чому на цьому загальному похороні, яким живе світ, я зобов'язаний робити вигляд, що засмучений? З пісною пикою стояти біля гігантської світової труни і, роздираючи хусткою пустелю очей, привселюдно оголошувати, що зараз полетіться дощ? Скільки їх народжується цієї миті? Особливо китайців. Вони ж рекордсмени народжуваності, ці китайці. А отже, і смерті. Панове! Загальний траур по нещасних китайцях, всесвітніх рекордсменах смерті! Чи у вас не вистачає співчуття на таку силу-силенну маленьких жовтих людей? Які ж ви аморальні, панове!

Тисячі здорових, немов виготовлених на токарному верстаті жіночих ніг зараз непомітно перетворюються на зморщені старі ковбаси. Чому я повинен печалитися за єдиною парою, яка вже досягла досконалості?

— Петре, навіщо з'являються ці маленькі дурні дівчатка, пусті мізки яких не втримують навіть примітивних думок? Що каже біологія? — запитую я увечері, коли ми сидимо в мене дома і блукаємо каналами бездонного телевізора, десь у височині над яким пролітають безіменні супутники зв'язку.

Петро ставить гранчак на килим:

— Маса. Популяції потрібна маса. Поряд з такими розумними, високоінтелектуальними особистостями, як ти чи я, вона потребує звичайних дурнів, завдання яких вірити всьому, що їм скажуть, і служити полем для розгону. Це, як аеродром для літака. Звичайно, не хотілося б у таке вірити, але, мабуть, то правда. Печально, чи не так?

— Печально. Нічого більш втішного ви, звичайно ж, придумати не змогли...

— Більш втішне придумає віце-прем'єр з гуманітарних питань. А я ніколи не стверджував, що наука — всесильна.

* * *

Опівночі мене будить телефонний дзвінок.

— Привіт з того світу! Ти коли-небудь займався коханням з покійниками?

Чути так, немов у трубці* завелось маленьке: чортеня.

— Яна! Невже?

— А хто ж? Я чекаю тебе на дні лісового озера і згораю від жаги... Тут так холодно та темно, а я так змерзла...

Чортеня в трубці зарюмсало і заскигло.

— Тільки не переконуй мене, що покійникам стали видавати мобільні телефони. Як ти знайшлася — з міліцією чи без?

— Я сама загубилась і сама відшукалась — ну, як ще можна було пробитися до такого черствого і холодного типа, як ти?

— Кажі, де ти є і як тебе знайти.

(* Автор знає, що патріотичнішим нині є слово «слухавка», але, керуючись внутрішніми переконаннями, пише, як йому подобається.)

Вона називає адресу. Я відчуваю, як усередині мене все дрижить від бажання дотягнутися до її сідниць, розрізаних, немов яблуко. Але відповідаю:

— Це недалеко від твого будинку. Сподіваюся, за сім хвилин ти доберешся пішки. Навіть на високих підборах. У мене немає ніякого бажання займатися коханням з покійниками.

Київ, липень 1997 р.

Из цикла «Рассказы, не ставшие историческими»

Священные волосы

Множество удивительных историй я знаю, но расскажу пока только одну: войско наше выступает завтра, и всего одна ночь принадлежит мне.

Завтра должно решиться, кому из наследников Александра владеть тем, что завоевано им и брошено на зависть людям. Но что бы ни случилось, пошли, божество, мне удачу, и тогда клянусь оставить ремесло наемника и вернуться в родные Афины, чтобы послужить Аполлону и музам.

Но почему перед сражением, в котором жизнь моя, может быть, пресечется, хочу я рассказать эту легкомысленную историю, вместо того, чтобы подумать о возвышенном или хотя бы выспаться?

* * *

В театре Диониса в тот самый день, когда афиняне впервые увидели «Брюзгу» блистательного Менандра, некто Антифан, юноша красивый и знатный, едва сдерживал зевоту. Виной тому были отнюдь не изъяны новой комедии, написанной превосходно, но утонченный вкус самого Антифана, ибо он, хоть и носил имя известного комедиографа, но больше всего любил мим, от шуток которого несет чесноком за стадий. Не появиться же в театре юноше просвещенному было попросту неприлично.

Антифан поиграл краем пурпурного гиматия, поправил завитые волосы, вздохнул благоразумно в том месте, где все вздохнули, растроганные, и, вспомнив, что до конца остается два акта, затосковал еще сильнее. Справа, слева — везде были внимательные лица, и ничего не оставалось, как утешиться созерцанием спин тех, что сидели впереди.

Но, как это часто бывает, Антифана уже поджидала награда: через ряд от себя он заметил женщину, ради которой стоило проскучать не только три акта.

Не стану описывать ее. Признаюсь, я и не силен в описаниях. Тот же, кто хотел бы ее представить, пусть вспомнит статую Афродиты, изваянную Праксителем, ту самую, что создал он для граждан Книда. И да простит мне богиня, что смертную сравнил с ее изображением, но все ведь знают: образцами для статуй Киприды служат часто гетеры, а то и просто рабыни, даже не эллинки, за красоту свою удостоенные такой чести.

Антифан угадывал под одеждой дивные плечи, видел край округлой подрумяненной щеки — рассмотреть же остальное не удавалось. Но остальное не могло не быть прекрасно: кто усомнился бы, взглянув на эти волосы, — такими боги метят лишь избранных: когда-то Елену Прекрасную, теперь... Убранные в простой узел, не покрытые ни пилосом, ни краем гиматия, они блестели на солнце лидийским золотом. Антифан все же, как ни был восхищен, заподозрил — не крашенные ли они (афинянки ведь сведущи в подобных хитростях), но блеск был столь тягуч и неподражаем, что он оставил сомнения.

Едва закончилось представление, он подозвал раба своего Дава и зашептал ему страстным шепотом, забывая, что голос господина должен быть повелителен:

— Взгляни, Дав, вон на ту женщину с волосами ясными, как лучшее вино!

«Эге, — подумал раб, — да хозяин мой заговорил, как герой в сегодняшней комедии. Даже приказать толком не может...» И привычный к хозяйским капризам, догадливый Дав

тут же втерся в толпу, лишь кивнув в ответ, а Антифан направился к выходу, размышляя, как бы обратить внимание красавицы, и, не придумав лучшего, задел краем гиматия руку ее. Он добился-таки взгляда, почти равнодушного. Утешением, впрочем, могло послужить то, что гиматий свой незнакомка вдруг запахла плотнее, так что под ним проступили на миг, качнувшись, очертания ее амфороподобных бедер.

«Меня заметили!» — подумал Антифан.

Придя домой, он велел приготовить ванну, умастился и приказал подавать ужин, не слишком обильный, так как рассчитывал вскоре отправиться по тому пути, что Дав пролагал для него. Торопливое воображение Антифана уже носилось по улочкам Афин, перескакивая тупики и глухие стены, и пришлось даже попридержать его из опасения, как бы мечты не оказались лучше действительности.

* * *

Когда Антифан допивал вино из плоской чаши, Дав досказывал ему то, что удалось узнать. Хитон Дава был запылен, а солнце опускалось в море за Пиреем, уставшее, как сам Дав.

И уже совсем стемнело, когда они подошли к дому Евпории.

— Сюда, господин. Я тут все уже знаю. Думаю, тебя ждет улов. Только не смущай вдову слишком уж затейливыми ласками... поначалу.

Антифан поднялся по тесной лестнице, открыл дверь и увидел Евпорию.

Обнаженная, она стояла к нему спиной, рассматривая в зеркало свое лицо. Но смущенным оказался Антифан: обернувшись, Евпория смотрела прямо, и зеркало его глаз убеждало ее в собственной красоте больше, чем отшлифованное серебро у нее в руке.

— Уж не скиф ли ты? — спросила она насмешливо. — Ну, скажи мне хоть слово по-гречески.

Но и без слов было видно, что он не скиф. Тело его, стройное от упражнений в гимнасии, не могло бы принадлежать коренастому варвару. Он показался Евпории красив — не слишком, правда, силен, но изящен и, видимо, легок в беге...

Тогда она засмеялась и сама расстегнула ему фибулу.

Губы их слились, пальцы Антифана скользнули по ее плечам, волосы влекли их; вдруг Евпория оттолкнула его всем телом.

— Никогда не прикасайся к моим волосам! — прошептала она. — Они посвящены Артемиде! Никогда, иначе навлечешь на нас гнев богини!

Антифану показалось, что в глазах ее, расширенных, как щиты, пронеслось видение охоты с девственной богиней во главе. Старые зловещие предания вспомнились ему. Голос Евпории был так строг, что не верилось, будто ее смех наполнял только что комнату.

Но она улыбнулась и поцеловала его в подбородок.

Антифан хотел было задуть светильник, чтобы не смущать вдову, отвыкшую, наверное, от откровенных забав, но та приложила ладонь к его губам и увлекла его на ложе.

* * *

...Однажды в редкую одинокую ночь Антифан сочинил стихи и читал их потом приятелям на симпозионе:

Словно амфоры крутой
твоих бедер полукружья.
И когда ты, обнажившись,
пляшешь, страстно изгибаясь,
и подрагивают груди,
каждому движенью вторя,
то мне кажется, расплещет,
эта амфора вино.
И тогда, томимый жаждой,
я встаю, чтобы напиться.

Но никогда после того как амфора бывала опорожнена, Евпория не оставила Антифана у себя.

Лишь как-то... Быть может, охотница Артемида виновата — в ночном беге факелов, среди звящего лая собак, слишком легкомысленная, чтобы любить своих друзей, пустая чувствами и оттого вечно ищущая забвения в шальном гоне травли, она забывала о ней той памятной Антифану ночью.

...И Евпория не слышала, как любовник ее возвращается.

Светильник догорал, но в нем еще было масло.

Долго любовался Антифан священными прядями, блеском, пышностью их, к тому же пышностью и блеском запретными, и, наконец, не удержавшись, запутал в них пальцы.

И вдруг пряди эти упали копной на пол, как срезанные, и свет, отраженный в сверкающем шаре головы, прыгнул в глаза Антифану. Лови, слепец! Даже Пан не в силах насладиться тот страх, что испытал Антифан, узрев красоту, в мгновение ставшую уродством. Однако был он не какой-нибудь трусливой женщиной, а воином — недавним эфебом, убившим даже македонянина в какой-то стычке, македонянина, правда, раненого уже дважды другими, и, как ни был напуган, не стал натягивать волосы поспешно на голову возлюбленной, а приладил их потихоньку, хоть и замирая, но не без сноровки.

И подумал он, что, видно, правы мудрецы, утверждавшие, будто все в женщине искусственно: и поцелуи, и красота, и что лишь в любви отрока — истинное непритворство. Румянец Евпории, как и волосы, был поддельным — с одной щеки он сам недавно согнал краску губами.

Возвращаясь же домой, печалился он уже не так об узнанном, как о том, что то же самое узнать могут и другие.

О, друзья, вчера только восхищенные стихами моими, как посмеетесь вы надо мной!

— Не о той ли это облешей Афродите писал Антифан? — скажете. — Ну и повезло же ему!

И по размышлении, длительном и здоровом, на которое потрачено было не одну чашу неразбавленного кипрского, и не одну ночь, решил он, что нет способа надежнее укрыть клад

сей, как жениться на Евпории. Ведь недаром говорят: того, о чем никто не знает, почти что и вовсе не существует.

* * *

Можешь не верить, читатель, говорить, что поступки героев моих неправдоподобны и что рассказ мой выдуман от первой до последней строчки — можешь не верить, но я рад, что ты слушал.

И еще скажу: порой напускал я на себя утонченность и даже доказывал преимущество менандровой комедии перед мимом, но признаюсь: больше всего я, потомок афинских всадников, наемный пельтаст ^[3] в войске Антигона, люблю мим, да-да, тот самый мим, от шуток которого несет чесноком за стадий!

Смертельное оскорбление (Из мемуаров шеваляе де Мержи)

Я, кажется, слишком рано взялся за эти записки. Кто я? Всего лишь лейтенант королевской гвардии и автор двух пьес, поставленных под чужим именем в театре господина де Мольера.

Впрочем, какие-то странные предчувствия...

После успеха первой комедии слух, что ее автор я, распространился сам собой. Мне ничем даже не пришлось ему способствовать, но последствия слуха сразу же были мной оценены. Вдруг все заметили мужественную скромность моего костюма и припомнили несколько моих остроумий, которые, надеюсь, даже попадут в чьи-нибудь мемуары.

Потом я стал героем светского анекдота о молодом человеке, побывавшем сразу у двух дам. Просто удивительно, как успехи в распутстве люди умеют приписывать знаменитостям. На мой счет даже отнесли изобретение какого-то таинственного эликсира, мгновенно восстанавливающего мужскую силу — во втором варианте слуха я вывез его рецепт откуда-то с Востока, кажется, из Марокко, куда якобы путешествовал и на что будто бы указывал смуглый цвет моего лица.

Поскольку все это не более чем выдумки, мне придется напомнить, что баронесса де Фекьер и маркиза де Брюйер — героини этого не слишком ловко придуманного рассказа — на самом деле никогда в нем не участвовали, хотя, бесспорно, они очаровательные женщины, и, возможно, я, действительно, посетил в пятницу вечером первую из них, а в субботу утром — вторую. Но ведь это не повод для такого неправдоподобного преувеличения моих способностей?

Среди дам, заинтересовавшихся мною, особенный зуд испытывала мадемуазель де Ретц. Она была из тех девушек, из-за которых, — представьте! — даже в наше время случаются дуэли. А ведь давно прошли времена Ришелье...

Вообразите себе брюнетку среднего роста, удивительно стройную, с кожей действительно алебастрового цвета, такой нежной, что она краснела от неловкого прикосновения ногтя. Вообразите пухлые, ярко-красные губы, приоткрывавшиеся только для того, чтобы сказать дерзость в ответ на комплимент, и прекрасные голубовато-серые глаза, никогда не имеющие другого выражения, кроме презрительного.

Однажды она задела меня какой-то колкостью, очень обидной, но так неуклюже выраженной, что я даже не припомню сути ее. Я стерпел, но когда с ее стороны последовал маневр в расчете на комплимент — что-то о красоте женщин, я ответил простым, как бы совершенно равнодушно нанесенным ударом, сказав, что статуя, бесспорно, красивее любой женщины, но что невозможно влюбиться в статую, ибо в ней нет обаяния, если, конечно, не быть таким глупцом, как Пигмалион. После чего повернулся и ушел, оставив ее размышлять о том, кого же я подразумевал под статуей. Я знал, что она придет отнюдь не к утешительному выводу.

Я догадывался, что своей презрительностью к мужчинам мадемуазель де Ретц обязана лишь непроснувшемуся желанию — отсутствию того самого обыкновенного ощущения, которое испытывает и волчица. В красных презрительных губках я угадывал уста развратницы, несмотря на то, что несколько молодых дворян уже получили отказ на свои

предложения. И тогда в голове моей впервые шевельнулась веселая мысль.

Вскоре все знали, что мы враги, что мадемуазель крайне раздражена и что шевалье де Мержи меньше всего придает значения ее раздражению.

Она интриговала против меня, как умела. Я же отделялся шутками, не позволяя себе только эпиграмм, ибо тогда мой замысел сделался бы неосуществим — злословие в стихах дама ни за что не простит, в отличие от колкостей, выраженных прозой. Она даже вынудила меня драться на дуэли с кем-то из ее неудачливых поклонников, но, слава Богу, у меня хватило ловкости, чтобы выбить из его рук шпагу, и притворного добродушия, чтобы в тот же вечер увести его в «Еловую шишку» и сделать своим лучшим другом. Представьте ее гнев, когда на следующий день мы появились в Версале под руку.

В тот же вечер, во время очередного празднества, когда небо то погружалось во тьму, то горело от вспышек огня и рассыпалось звездами, когда сияли бриллианты на дамах и зеркала прудов, когда фонтаны стреляли разноцветными брызгами, а в воздухе застыла смесь из падающей воды, музыки, взволнованных голосов и женского смеха, замаскированный кавалер подошел к мадемуазель де Ретц, думая, что его суровые предки-гугеноты приняли бы все это за конец мира. Он взял ее под руку так, чтобы она ощутила властность его крепких пальцев, и увел за боскет. Этим кавалером был я.

Наслаждаясь изумлением в глазах моей гордой красавицы, я опустил на колени, резким движением приподнял край ее платья и прикоснулся губами к ножке. Я чувствовал, что есть что-то унижительное для мужчины в моих поцелуях, хотя губы мои отнюдь не без удовольствия касались нежного тела, затушеванного в розовый чулок, но я знал, что иногда нужно уподобиться даже подножию статуи и убедить женщину в вознесении ее, чтобы, воспользовавшись потом ее головокружением, свергнуть с пьедестала. Женщины — не богини. Они слишком плохо переносят высоту. Впрочем, следует заметить, что не в природе женщин падать лицом в грязь. По крайней мере, я не наблюдал ни одного такого падения. Зато услужливо раздвинутых ног — сколько угодно.

Тогда я встал и поцеловал мадемуазель де Ретц в губы. И обнаружил, что она совершенно не умеет целоваться. В тот вечер я преподавал ей первый урок. Черт возьми! Дерзость вместе с преклонением — отличная вещь!

Мне доставляло удовольствие наблюдать, как пробуждается ее чувственность. Я не торопился — и поцелуи превращались во все более рискованные ласки. Но оказалось, что этого недостаточно — от меня требовали признаний в любви, хотя для меня нет ничего труднее, чем произнести это слово вслух, если только речь не идет о любви к самому себе. Дважды я даже написал ей стихи, показавшиеся мне похожими на векселя.

И вот однажды, когда время уже колебалось между ночью и утром и затихал Версальский парк, мы сидели в гроте Дианы на дерновой скамье.

Рука моя легла на талию мадемуазель де Ретц, я притянул ее к себе, дыхание мое коснулось завитков волос, проникло в ухо, я ласкал ее плечи, шею нежными поцелуями влюбленного тайного врага. Она ослабевала. Губы наши сошлись, дыхание ее стало, словно у больной. Рука моя смелела, проникая под платье, сжимая все сильнее стройную гладкую ногу. Мадемуазель де Ретц откинулась на дерн, отбросила складки платья...

И тут я встал, разомкнув ее объятия, и расхохотался:

— Мадемуазель, неужели вы не заметили, где мы находимся? Вы собираетесь потерять честь под покровительством девственной богини?

Я улыбался в ее ненавидящие глаза:

— Вы были кокеткой, я сделал из вас вакханку. Вы, наверное, слышали о том Дон Жуане, что очаровывал женщин, не имея возможности обладать ими?

— Вы провели однажды ночь у двух дам одновременно!

— И, вероятно, истощил свои силы...

— Вы лжете!

— Это такая же правда, как существование тех глупцов, которых я вывел в своих комедиях.

Я удалился, даже не взглянув на прощание на прелестные ножки мадемуазель де Ретц.

* * *

Это последние строки из мемуаров де Мержи. Наш шевалье погиб в голландскую войну при осаде какой-то крепости. Его пулевая рана была слишком странна для офицера, не привыкшего показывать врагу спину.

Подозревали месть мадемуазель де Ретц и того дворянина, которого де Мержи сделал своим другом в кабачке «Еловая шишка».

Перстень

Эту историю я услышал во времена своей молодости, когда служил в гвардии, в гусарском полку. Я коротал вечер у Шухова. Играли в карты. Признаюсь, игра меня не интересовала. Денег у меня не было, а играть в долг я тогда еще не научился, и поэтому одиноко покуривал трубку на диване.

Из-за стола под смех товарищей поднялся ротмистр Тугаринов и, усевшись рядом со мной, тоже закурил. У Тугаринова была странная привычка: первая ставка его всегда равнялась двадцати целковым. Если он проигрывал их, то полагал это дурной приметой и весь вечер больше не играл.

Так и случилось. Наблюдать за игрой, в ней не участвуя, было для нас обоих мукой. Мы разговорились.

— Послушай, — сказал Тугаринов, — не слыхал ли ты про Ордынцева? Он служил в нашем полку.

— Нет, — отвечал я.

— Что ж, не мудрено. Карьера его закончилась плохо. Пошел в Сибирь по тракту с полосатыми столбами. И хоть бы одна из его баб увязалась следом! Я всегда говорил, что офицер не должен совать нос в политику, даже если ему удалось запустить его под все петербургские юбки. Какого черта нужно было губить свою душу с бунтовщиками, имея пять тысяч толстопятых мужицких душ в Полтавской губернии!

Тугаринов сокрушенно затаился:

— А ведь еще семь лет назад проделки Ордынцева были у всех на языке! Проказник! Дуэлянт! Шалун из самых первых! Именно он придумал обозревать дам в театре через астрономическую трубу! И на пари проскакал голым по Невскому в одном только кивере на голове... Но это было уже в расцвете его поприща. А начинал он скромно — розовый такой мальчишка. И страшно обидчивый, потому что самый младший в полку по возрасту. Повзрослеть ему хотелось чертовски. А что за гусар без любовницы! Причем успехи свои тогда не скрывали. Не то что сейчас, когда все развратничают, но как бы под вуалью: все видно, а лица не различишь. И вот наш Ордынцев решил влюбиться. И в кого же! В графиню Д., которой поклонялось пол-Петербурга! Она слыла тогда первой красавицей. Да, отважный был мальчишка...

Тугаринов еще раз затаился:

— Графине было около тридцати. Высокая, стройная, как статуя. И, как мрамор, бела. Выписывала из Парижа туалеты, книги, картины, какие-то особенные духи по таинственным рецептам и еще пропасть модного дерьма, которое сплавляют нам французы. Признаюсь, я сам тогда был не прочь за ней приударить.

При этих словах Тугаринова я тоже вспомнил графиню. Я знал ее уже достаточно поистаскавшейся, хотя готов был признать, что она еще способна воспламенить воображение. Ротмистр же улыбался, как кот, при воспоминании о сметане, еще не успевшей прокиснуть:

— Ордынцев рассыпался перед графиней мелким бисером. Внимание мальчишки, да еще такого хорошенького, льстило ей, хотя в свете и злословили, что связь с юнцом — верный признак старения. Но наш начинающий похотливец следовал за нею везде. Он мучился, страдал, но притворно, как я полагаю. И, наконец, послал ей письмо, угрожая

самоубийством. Послание было уморительнейшее. Одно место я до сих пор наизусть помню:

«Сударыня, я лежу на диване в моем кабинете, обессиленный от неразделенной любви к Вам, и всаживаю пулю за пулей в девятку пик, наклеенную на противоположную стену. Я занят решением сложной задачи: не пустить ли следующую пулю себе в лоб? И наверняка сделаю это, если Вы не полюбите меня. Хотя, надеюсь, как истинная патриотка, Вы понимаете, что в последнее время наша армия и так понесла слишком тяжелые потери на Кавказе. Смерть еще одного героя может оказаться невосполнимой утратой для Империи. Будущее Родины в Ваших руках!»

Но самое главное! Написано это было не по-французски, как тогда считалось приличным, а на чистейшем русском. Кажется, никто до Ордынцева не писал дамам любовных писем на русском языке. Мальчишка в один день прослыл оригиналом. И то, что должно было случиться, случилось.

Я никогда не видел графиню более счастливой. А наш бравый корнет выглядел так, словно получил в командование эскадрон. Идиллия их продолжалась месяца четыре. И вдруг бедная любовница замечает, что Ордынцев уже начал охладевать. Однажды вечером, измученная его холодностью, она воскликнула в слезах: «Ты больше меня не любишь!» Но Ордынцев, покоровший к тому времени (и тем же способом!) еще и княгиню С., ничего ей не ответил. «Так знай же, — продолжала графиня, — твоей измены я не переживу. В этом перстне яд. Я умру, и ты будешь моим убийцей!» И она пригрозила ему своим перстнем с известным всему Петербургу кровавым рубином величиной с булыжник.

(Тугаринов всегда рассказывал свои истории с такими подробностями, что поневоле хотелось задать вопрос, откуда он их узнал. Но рассказы его были для слушателей истинным удовольствием, и никто никогда не спрашивал.)

Смачно крякнув, он продолжал:

— Такие перстни были тогда в моде. То, что под камнем яд, щекотало дамам нервы. Хотя на самом деле никто из них не собирался умирать — все они кружились в мазурке до упаду.

Но графиня свое обещание намеревалась сдержать — какой-то мальчишка забавлялся ею, опытной и прожженной соблазнительницей. Вот только Ордынцев вовсе не желал быть убийцей. Даже косвенно. Он успокоил бедную любовницу, как мог. Сказал, что нельзя же так, право... Что эти вечные упреки, подозрения... Что он по-прежнему любит... И даже слеза, возможно, скатилась из его хитрого глаза, как в самом лучшем дамском романе. От подозрений не осталось и следа. Ночью корнет выбрался из постели так же осторожно, как дозорный из стога сена. Зимняя луна, повиснув фонарем на Адмиралтейской игле, светила сквозь окно в полную силу. Графиня спала. Не дыша, он снял с ее пальца перстень и открыл тайник. В нем оказался какой-то порошок розового цвета. Ордынцев щелкнул по перстню пальцем и вытряхнул все, до последней пылинки, в печку. На мгновение он задумался, чем бы заменить его содержимое. И тут глаз его заметил на туалетном столике коробочку с пудрой. Ордынцев наполнил ею тайник, бережно закрыл потайной запор и, улыбнувшись, вернул перстень на палец любовницы. Бедная счастливая графиня только доверчиво вздохнула во сне. Прошло еще несколько недель, и наш герой все-таки покинул ее, так как, кроме княгини С., молодецки овладел еще и баронессами К. и Ц.

Графиня перестала выезжать. Мысль о смерти являлась ей все чаще и чаще в самых соблазнительных позах. Однажды бедняжка открыла перстень, высыпала в бокал с вином яд и одним духом выпила все это. Вот тут-то и начались настоящие мучения! Ей стало страшно.

От слабости она даже рта не могла раскрыть, чтобы послать за лекарем. Когда же рот наконец раскрылся, оказалось, что ее лекарь уехал принимать роды на Васильевский остров. Прочие же эскулапы как раз давили прыщи на спинах дам перед маскарадом, где все они должны были изображать голых вакханок. Графине казалось, что она умирает. Но прошло полчаса, час, а кончина все не наступала. Тогда несчастная пришла в себя, догадалась, что яд или ослабел от времени, или вовсе был не годен, и благословила шарлатана-аптекаря, его приготовившего, хотя раньше всегда жаловалась, что в наше время невозможно купить качественную вещь.

Тут ротмистр расхотелся так, что заразил смехом и меня.

— Да, графиня утешилась, — смеялся он, — и поняла, что, потеряв любовника, все же не все потеряла.

— Но, вероятно, она очень страдала, — заметил я.

— А как же, — отвечал Тугаринов рассеянно. — Да что нам за дело до дамских страданий? Главное — чтобы во взводе был порядок!

И я подивился тому, как легко можно обратить трагедию в анекдот. Впрочем, Тугаринов рассказывал неспроста. От меня, новичка в полку, ожидали гусарских поступков.

* * *

Для начала я решил порепетировать на графине Д. Ведь в сущности она еще очень ничего. К тому же меня всегда влекли благородные поступки, а, говорят, романы с молодыми военными омолаживают зрелых дам. Я соблазнил ее письмом, точь-в-точь списанным с послания Ордынцева — только девятку пик заменил на семерку бубен, чтобы меня никто не заподозрил в плагиате. Когда же графиня попыталась пустить в ход свой старый фокус (а она по-прежнему не расстаётся с рубиновым перстнем), я был начеку, как Наполеон при Аустерлице, и, вместо пудры, подсыпал ей заботливо припасенного слабительного.

Теперь у графини лучший в Петербурге цвет лица и новый любовник — тоже корнет нашего полка князь Васильчиков. А письмо Ордынцева, похищенное мною из шкапулки в ее спальне, хранится под стеклом в нашем офицерском собрании в назидание молодому пополнению. Правда, ее муж раза три на год ни с того, ни с сего вызывает меня на дуэль.

Наш полковой врач считает, что это происходит, когда у графини обостряются нервы, и говорит, что даст ей настоящего яда, если она не оставит в покое такого милого и порядочного молодого человека, как я.

Ночь феды

Левкиппа обладала огнедышащей плотью. Тело ее было столь изобильно, что никакие хитоны не могли скрыть его откровенных прелестей. И хотя эллины не считали подобную чрезмерность признаком идеала, однако и они ощущали ее особенное, по-восточному тяжеловесное очарование.

Светильник мерцал блеклым желтоватым светом, рассеивая темноту опочивальни. Левкиппа отстегнула фибулу, и драпировки одежд, струясь, упали к ее ногам. Она выступила из них нагая и пошла на ложе. Роскошное тело ее подрагивало при каждом шаге.

Изобилие этой женщины поражало. В том, как она расположилась на белых, подчеркивающих выхоленную розовость ее кожи простынях, проглядывала величавость и одновременно богатая опытность тридцатилетней самки.

Одну ногу она согнула, другую чуть отвела в сторону, открыв себя, слегка приподнялась, опершись локтем правой руки на подушку, а левую положила на высокое круглое бедро — пальцы ее оказались у самого края треугольника рыжеватых волос между ног, ничего не скрывая, а, наоборот, указывая на то, чем следовало овладеть.

В полутьме блистали наготой плечи, большие, чуть опустившиеся от своей тяжести груди с упругими розовыми сосками, все выпирающие, набухшие прелести этой неправдоподобной красоты. Кровать стонала под тяжестью вскормленных форм лежащей горой великолепной плоти лениво и грузно. Казалось, она вот-вот развернется, поглотив эту гору, и навсегда скроет от глаз ее пышную соблазнительность.

Что-то менялось в полутемной комнате: то ли светильник разгорался жарче, потрескивая, то ли в воздухе уже появилась ночная прохлада, пахнувшая морем. Асандра бросало то в жар, то в холод — что-то неотвратимо должно было сломаться, и только Левкиппа лежала на белых простынях невозмутимо и почти сонно, уверенная в своей победоносной притягательности.

Рядом с ней было достаточно места, и тогда Асандр ступил на ложе и возлег подле Левкиппы.

Она откинулась на спину. Асандр положил ей руку на грудь, провел ладонью по животу, опускаясь ниже, и прикоснулся к выпуклому твердому лобку. Глаза женщины прикрылись от удовольствия. Он почувствовал, как млеет ее тело, и губами припал к полуоткрытому рту. Несмотря на притворное, минуту назад поражавшее спокойствие, ему ответили жадно, и языки их слились в долгом беззвучном поцелуе. Левкиппа обвила его шею руками и перетянула Асандра на себя, прижав его почти судорожно к своему возбуждавшему тучному телу, чтобы ощутить всю желанную тяжесть юноши.

Так они лежали некоторое время, а потом Асандр освободился, приподнялся на руках и стал ласкать языком шею Левкиппы. Ее пухлый двойной подбородок, груди, чуть прикусывая соски, отчего Левкиппа задрожала и раздвинула широко ноги. Асандр стал на колени, согнулся, несколько раз провел языком по ее нижним губам и коснулся похотника. Она изнемогала. Юноша выпрямился, снова лег на нее, погружаясь в мягкую плоть и опускаясь в нежную раскрывающуюся глубину.

И тогда опрокинулось все. Расплылись стены, и не осталось ничего, кроме счастья прикосновения.

Левкиппа отдавалась умело, положив ноги на поясницу Асандру, отвечая низом живота

каждому его движению. Два тела слились в одно. С каждым погружением любовники близились к высшему наслаждению. Теперь они жили общими ощущениями. Глаза им застилал пот, они дышали все учащеннее, тяжелее, вдруг захрипели одновременно, Левкиппа даже застонала от радости, пытаясь прогнуться, преодолевая всю свою тяжесть, бессильно обмякла, и они кончили разом. Асандр перевел дух и только тогда осознал под собой взмокшее ослабевшее женское тело.

Но они уже поняли, что это — начало. Силы снова возвращались к ним. Левкиппа отстранила юношу. Он сел у нее между ног, а женщина поджала их к себе, обхватив руками, изогнувшись навстречу и в этой зовущей позе отдалась во второй раз, раскачиваясь от наслаждения.

Они лежали, отдыхая, уже слегка насытившись, но Эрос не оставлял их. Левкиппа повернулась на бок, взяла в руку фаллос и принялась его поглаживать, ощущая, как он увеличивается и твердеет, а потом сошла с постели и опустилась перед ложем на колени. Асандр сел на кровати, упираясь ногами в пол. И тогда Левкиппа смогла оценить величие его мужского достоинства. Она изумленно ахнула, увидев скипетр длиной в локоть, потерлась о него щекой и притронулась губами к блестящему острию. Второй поцелуй был крепче, продолжительней, в третий раз Левкиппа оторвалась уже не сразу и, наконец, захватила его целиком. Асандр откинулся назад, испытывая восхитительные ощущения от этой ласки, отдался им, потом попытался отстранить Левкиппу, но плечи ее были так нежны, когда он до них дотронулся... Она уже снова поймала губами выскользнувший член, ласкательные движения языка стали быстрее, и Асандр понял, что эта женщина, совсем недавно казавшаяся такой величественной, жаждет теперь унижительной, презирующей ее любви.

И тогда ему внезапно открылась радость от унижения боготворимого ранее тела. Левкиппа судорожно глотнула и липкими от семени губами стала целовать Асандру колени, руки, фаллос, готовая распластаться на полу, как рабыня. Она подняла голову, и Асандр увидел ее просящие глаза. Волосы женщины развилась, на щеках стерлись румяна, лицо казалось осунувшимся, даже похудевшим, но горячий блеск глаз искупал все. И Асандр решил подвергнуть ее тому способу любви, что обычно предназначен для мальчиков.

Он встал и наклонил Левкиппу так, что она стояла теперь на коленях, упираясь согнутыми руками в кровать. В свете лампы блестела ее спина, словно отлитая из тяжелой бронзы. Асандр взгляда не мог отвести от этой роскошной спины и ягодиц, подрагивающих от вожделения.

Он пощекотал Левкиппу под мышками, раздувая в ней похоть, провел ладонями по грудям, а потом, словно музыкант на струнах кифары, заиграл пальцами по ее нежному животу, лаская все впадины и припухлости. Левкиппа уже пылала, и тогда левая рука его перевалила последнюю мощную гряду плоти и прикоснулась к лобку в курчавых волосах, а правая защекотала анус. Левкиппа изнемогала, но лишь когда судороги страсти стали сводить ей тело, и Асандр почувствовал, что он слабеет, он чуть раздвинул руками тяжело содрогающиеся половинки ее зада и вогнал. От чудовищной боли, раскrojившей ее, она закричала, подалась вперед, пытаясь освободиться, но он настиг ее и острым лемехом плуга принялся вспахивать тучную землю. Левкиппа хрипела, как молодая кобылица. Слезы выступили у нее на глазах, она стала опадать в объятиях Асандра, и уже не кричала, а только приглушенно постанывала, закусив простыню. В этой боли, ломающей тело, она нашла какое-то новое наслаждение, отличающееся от обычного щадящего угождения плоти, уже

притупившегося в ощущениях.

Наконец Асандр кончил, переводя дух, и Левкиппа бессильно упала на ложе.

Крепкие мужские руки приподняли ее и опустили на постель. Асандр чувствовал жалость к насладившей его женщине и одновременно гордость за то, что он победил ее. Он налил в плоскую чашу вина, отпил сам немного и напоил любовницу, поддерживая ей голову ладонью. Левкиппа облегченно вздохнула и откинулась на подушку. Асандр лег рядом.

Так они лежали довольно долго, отдыхая, но не спали, и вот женщина величественным жестом отбросила простыню. Светильник уже потух, поздняя луна купала в лучах ее тело. Вновь властность вернулась к Левкиппе, и она прошептала любовным и одновременно царственным шепотом: «Еще!» и потянула на себя Асандра.

Предутренняя любовь их была целомудренна. Юноша ощутил под собой отдохнувшее прохладное женское тело, и тихая нежность овладела им. Он целовал Левкиппе плечи, прекрасную свежую грудь, любовники сливались в звонких юных поцелуях, сжимали друг друга в объятиях, стремясь отдалить высшую минуту и тем еще больше разжигая себя. Наконец Левкина шепнула: «Хочу!» и тягостно задрожала.

Асандр приподнялся на руках, член его вошел во влагалище, раздвигая упругое тело. Левкиппа жадно обхватила руками любовника сзади, прижимаясь к нему, и задвигалась низом живота.

Миг удовлетворения наступил быстрее, чем они ожидали. И тогда они поняли, что насытились. Утро приходило с моря. Тянуло свежестью.

* * *

Царица вздохнула. Снова просыпалась она одна. Ночь не облегчила ее тоски. Она откинула простыню и посмотрела на свое большое полнеющее тело. Молодая пышная плоть, увядающая от тоски. Лучше быть рабыней, чем женой старого царя. Пиршественное ложе не приносит утешения, если за ним не следует ложе Эроса.

Асандр... Страсть к юному пасынку истерзала мачеху. Она почувствовала такое жгучее желание, что села на постели.

И едва сдержалась, чтобы не сделать себе это самой... К такому облегчению часто прибегала тоскующая Левкиппа.

Но она сдержалась.

Пусть это случится. Пусть позор и яд, но это должно случиться.

И царица поняла, что сегодняшней сон сделает вещим.

Хосров-хан

(Персидская повесть)

Вечером того дня, когда его оскостили, он почувствовал облегчение. Боль оставляла его, вытекая по капле, как кровь, и тело заныло той же усталостью, какой ныло оно после любви. Он нашел на небе свою звезду и хотел спросить: «За что?», но спросил: «Что осталось неоскопленным?» Он знал по-персидски, по-турецки и по-грузински, знал счет, лошадей и оружие. Новое имя его было — Хосров.

И скоро у того, по чьему приказу его охолостили, появился слуга, знавший счет, лошадей и оружие и умевший перевести с грузинского на персидский.

Тело его осталось стройным, как прежде, но лицо оголилось, юношеский пух сошел с него навеки, а глаза, казалось, заблестели по-женски. Чтобы помочиться, не присаживаясь унижительно на корточки, Хосров теперь всегда носил в складках чалмы серебряную трубочку, увитую стихом из Хафиза:

Если меж пальцев ушли наслажденья — значит, ушли.

Если могли мы терпеть униженья — значит, могли.

Шах-ин-шах полюбил его беседу и расторопность и однажды Хосров стал Хосров-ханом. Он ведал тем, что нужно было пересчитать в Персидской державе, и вел счет без усталости, но вдруг стал так грустен, что шах, печалась о веселости его, спросил, чего ему хочется.

«Я хочу въехать в Багдад на белом жеребце», — ответил Хосров.

Царь царей подумал и назначил его начальником войска, три года осаждавшего Багдад. Войско же смеялось, что полководцем им прислан евнух, и осажденные персами смеялись над тем же на высоких стенах, но дервиш — прорицатель с бородой черной, как вяленая слива, сказал: «Молчите, дети псов, ибо если вы не в силах овладеть Багдадом, как он женщиной, то кто еще введет вас в этот град, кроме скопца?»

Хосров-хан казнил нерадивых, оставив тела их тлеть на солнце, украсил холмы пушечными батареями и отвел воду Тигра из водопроводов. Ровно через три месяца пал Багдад — Дер-эс-Салам — Жилище Мира — новый бесценный алмаз в персидской короне.

Весь день воины свозили добычу — серебряные сосуды, украшенные вязью сабли, ковры и струящиеся ткани, сквозь плену которых лица красавиц кажутся еще заманчивее. Но никто не посмел показать на глаза хану пленниц. И вечером Хосров-хан спросил: «Неужели в этом городе не было женщин? Кто же тогда родил тех, с кем сражались вы три года?» Он посмотрел на приближенных и улыбнулся. «Приведите, — сказал он, — всех. Я сам выберу».

Пленниц приказал он построить вокруг города и поехал на пляшущем белом жеребце, сказав: «Хороша война, когда красавицы дешевле лепешек — да продлит Аллах вечно ее дни!» и ехал, пока не увидел женщину, точь-в-точь похожую на ту, которую целовал в последний раз в той, прошлой своей жизни. Пупок ее был, как тайна мира, — простая и недоступная даже богу.

Он велел обмыть ее и привести в свой шатер. И всю ночь войско вслушивалось в то, как кричала она от наслаждения в его руках, пока утром Хосров-хан не вышел из палатки и не спросил: «Кто сказал, что евнухи не умеют любить до смерти?»

Так прожил Хосров-хан десять лет — гарем его стал богаче царского и не было в нем ни одной купленной на базаре, а не захваченной в бою. Но однажды спросил он себя: «Отчего вновь мне скучно?» Ничто не радовало его — ни запретное вино, ни новые лошади, ни даже книга, присланная из далекой столицы франков — оттиснутая со свинцовых букв, а не переписанная от руки. Он засмеялся и сказал: «Умираю из-за отсутствия желаний!»

Без желаний прошло еще три года, пока в Персии не вспыхнула новая война — одни воевали за шаха, другие против шаха, а Хосров стал воевать сам за себя, убивая тех, с кем еще дружил вчера — ибо не было у него долга перед этой страной, существующей ради только двух строчек поэта:

В этом мире не вырастет правды побег.
Справедливость не правила миром вовек.

Хосров-хан погиб как-то в ночном бою. Тело его, по приказу царя царей, разрубили на части как тело предателя, и оно сгнило на базарах в разных городах.

Так умер тот, кто плотью, утратив мужество, сумел остаться мужчиной вопреки всему.

И жизнь его была не хуже и не лучше других человеческих жизней [\[4\]](#).

---

notes

пгт. — поселок городского типа.

Это самый ранний из моих рассказов. Он написан в 1986 году, когда я учился на первом курсе Одесского университета.

Пельтаст — разновидность пехотинца в Древней Греции.

Автор предупреждает, что не имеет ничего общего с героями своих рассказов, кроме бескорыстной любви к женщинам и черному юмору.